



**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

**Институт государственного
управления
и предпринимательства**

**МОЛОДЕЖЬ
ИНДУСТРИАЛЬНЫХ
РЕГИОНОВ РОССИИ:
ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО
БУДУЩЕГО
И ИННОВАЦИОННЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ**



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

**МОЛОДЕЖЬ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ
РЕГИОНОВ РОССИИ:
ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО И
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**

Монография

Под общей редакцией Я. В. Дидковской, Д. В. Трынова

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2018

УДК 316.346.32-053.6: [332.122:338.45]
ББК 60.542.15
М75

Авторский коллектив:

Я. В. Дидковская (Введение, 3.2, 3.3, 3.4, заключение), Л. Н. Банникова (2.2, 2.3),
Л. Н. Боронина (2.1, 2.4), Ю. Р. Вишневский (1.1, 1.2, 1.3),
К. М. Ольховиков (1.1), Д. В. Трынов (3.1, 3.3)

Рецензенты:

Н. В. Дулина, доктор социологических наук, профессор
(кафедра социологии
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»);
Е. Н. Заборова, доктор социологических наук, профессор
(кафедра прикладной социологии
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»)

М75 Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный потенциал: монография / [Я. В. Дидковская, Л. Н. Банникова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский и др.] ; под общ. ред. проф. Я. В. Дидковской, ст. преп. Д. В. Трынова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 215 с.

ISBN 978-5-7996-2510-8

В монографии представлена авторская концепция исследования образа социального будущего молодежи в контексте развития ее инновационного потенциала. На основе данных количественного опроса молодежи, занятой на предприятиях Волгоградской, Калужской и Свердловской областей, Республики Башкирия, Красноярского и Пермского Края изучено социальное самочувствие работающей молодежи, ее социальные ожидания, идеалы, жизненные стратегии и планы, анализируется влияние образа будущего молодежи на ее инновационную активность.

Исследование, результаты которого вошли в монографию, проведены в рамках проекта «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала», реализованного при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований – РФФИ (грант №18-011-00907\ 18).

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Института государственного управления и предпринимательства
Уральского федерального университета имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина (грант на издание монографии 2018 года)*

УДК 316.346.32-053.6: [332.122:338.45]
ББК 60.542.15

© Дидковская Я. В., Банникова Л. Н., Боронина Л. Н. и др., 2018
© Уральский федеральный университет, 2018

ISBN 978-5-7996-2510-8

ВВЕДЕНИЕ

Основная проблема, которую предстоит решить нынешнему и будущему поколению россиян – переход от общества сырьевой экономики к инновационному конкурентоспособному обществу, базирующемуся на использовании ИТ, на развитии фундаментальной науки и образовании, на эффективном использовании человеческого капитала, что предполагает полномасштабную модернизацию всех его подсистем. Безусловно, наиболее перспективным ресурсом, позволяющим осуществить такой переход, является российская молодежь. Однако, встает вопрос, во-первых, о качестве человеческого капитала, о его способности к инновационному развитию; во-вторых, об условиях (институциональных, социокультурных и других), в которых может формироваться его инновационный потенциал.

Молодежь сегодня в условиях экономического и технологического кризисов подвержена многочисленным рискам, что ставит под угрозу ее возможность сформировать, а затем и реализовать свой инновационный потенциал. Среди таких рисков, прежде всего, значимы: снижение образовательного ресурса молодежи, угроза ее депрофессионализации и невостребованности на рынке труда, отсутствие возможности для ее самореализации, риск потери социальной и групповой идентичности, политическая инфантильность и пассивность, формирование радикальных установок гражданской культуры, снижение социальной активности. С другой стороны, динамизм современного общества предоставляет определенные возможности, «жизненные шансы» для молодежи – социальные, культурные, технологические, самореализационные, которыми она должна уметь воспользоваться. Следовательно, нужно создать условия, чтобы молодежь могла и хотела ими воспользоваться и избежала существующих рисков. Эти риски и возможности формируют стратегии молодежи, ее ориентации (успешные и нет, инновационные или адаптационные) и аккумулируются и отражаются в комплексном феномене – образе социального будущего молодежи, составляющего стержень нашего исследования, представляемого в монографии.

Исследования в мировой и отечественной науке, соотносимые с проблематикой нашего исследования, могут быть разграничены на несколько направлений. Прежде всего, это исследования в сфере человеческого капитала и его инновационного потенциала. Данные исследования лежат в междисциплинарной области и ведутся в экономике, социологии, истории, статистической теории, менеджменте и др. науках. Авторство теории человеческого капитала принадлежит экономистам Т. Шульцу и Г. Беккеру. Основы теории инновационного развития были заложены австрийским экономистом Й. Шумпетером, который в своей книге «Теория экономического развития» определил экономическое развитие как повышение уровня и качества жизни, смену образа жизни на основе крупных значительных новшеств – инноваций¹. Современная общественная наука рассматривает человеческий капитал, его креативность и профессионализм как главный фактор формирования и развития инновационной экономики. В работах К. Маллигана и К. Мартина, Й. Минсера, Э. Денисона, Ю. А. Корчагина, И. Соболевой и др., развиваемых в рамках институционального экономического направления, основной акцент делается на изучение возможностей оценки стоимости человеческого капитала применительно к различным странам. Социальные последствия и аспекты перехода к экономике знаний, рассматриваются в работах социологов и экономистов Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, М. Кастельса, институциональные условия развития и реализации человеческого капитала – в работах А. Г. Эфендиева и Е. С. Балабановой, Г. А. Ключарева.

В последние годы отечественной наукой активно исследуется феномен инновационного потенциала индустриальных регионов. Но, в основном, в фокусе внимания учёных находятся тенденции экономического развития и система экономических показателей, используемая для выявления инновационной активности регионов, измерения их инновационных потенциалов и инновационных рисков, построения экономических прогнозов (В. В. Акбердина, Ф. Стэнмайер, Г. Б. Коровин, И. В. Макарова). Однако, комплексные социальные факторы, которые могли бы через улучшение качества человеческого капитала достаточно значимо

¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Пер. В.С. Автономова. Директмедиа Паблишинг. М. 2008. 401 с.

влиять на развитие инновационного потенциала регионов, современной наукой практически не изучаются. Одним из таких факторов, на наш взгляд, является образ социального будущего, формируемый у населения индустриальных регионов, и его наиболее перспективной части – молодежи.

Исследование образа социального будущего – это еще одно направление в рамках проблематики проведенного исследования. Анализ как зарубежной, так и отечественной научной литературы по данной проблеме показывает, что, во-первых, наиболее активно образ будущего изучается на стыке психологии, социальной психологии, антропологии и социологии; во-вторых, изучаются скорее представления индивидов о своих будущих, вероятных (ожидаемых) индивидуальных траекториях в социуме, нежели интегрированный образ этого социума, сложившийся у поколения или социальной общности. Мы в нашем исследовании фокусируем внимание именно на последнем понимании данной категории.

Истоки теоретического осмысления понятия образа будущего лежат в теории социальных представлений (С. Московичи), теории «Я-концепции» (А. Маслоу, Э. Бёрнс) и теории социальной идентичности (Г. Тэджфел). Так, Г. Тэджфел предложил структуру «социального Я», в которую включил как прошлые, реализованные социальные самохарактеристики, так и прогнозируемые, будущие социальные выборы¹.

Сегодня в мировой социальной и психологической науке, в основном, исследуются проблемы социальных ожиданий, в контексте процессов взросления и адаптации молодежи. Анализируются социально-экономические и психологические факторы социализации и связанные с ними многочисленные показатели благосостояния и социальной поддержки (Р. С. Scales). В англоязычных источниках используются такие понятия как «ожидаемое будущее» или «воображаемое будущее», которые отражают социально-психологические характеристики жизнедеятельности молодежи. Поднимается следующий круг исследовательских вопросов: «Что определяет выбор молодым человеком места

¹ Tajfel H. Social-psychology of inter-group relations // Annual Review of psychology. 1982. Vol. 33. P. 1-39.

работы? Каковы причин миграции или творческой активности?» Эти вопросы ставятся в контексте проблем выбора молодежью жизненного пути, образования, места работы (С. Van Mol). Особо подчеркивается проблема завышенных ожиданий, «необоснованных амбиций» (R. Sabates, A. Harris, J. Staff) и их последствий, выраженных в девиантном и делинквентном поведении (P. R. Cundiff).

В российской научной литературе феномен образа будущего, факторы его формирования и функционирования изучены мало, однако в ряде социологических и психологических источников можно встретить обращение к этому понятию, которое связывается с весьма широким кругом тем. В проблемное поле образа будущего попадают такие темы как самоопределение различных социальных групп, когнитивное конструирование будущего личностью, активное отношение к нему, социальные ожидания и т.д. (Е. Е. Бочарова, Е. Б. Быкова). В ряде работ уделяется внимание некоторым компонентам образа будущего, таким как «образ профессионального будущего» (Т. Г. Бохан, В. В. Гаврилюк, Л. Л. Мехришвили, Н. И. Скок), «образ желаемого и нежелаемого будущего» (С. Б. Абрамова).

Однако, при достаточно большом объеме имеющихся данных, как теоретических, так и практических исследований, отметим, что не уделяется должного внимания анализу глубинных связей между формирующими образ будущего факторами макро-, мезо- и микросреды. Как правило, игнорируется целостное и непротиворечивое представление о будущем, которое включает в себя когнитивный (идеал, представления, уровень информированности), эмоционально-психологический (социальное самочувствие, социальные настроения, степень доверия и оценка) и поведенческий (жизненные стратегии и социальные практики молодежи) компоненты.

В качестве отдельного, но связанного с рассмотренными выше направлениями, мы выделяем исследование молодежи как наиболее перспективного человеческого ресурса современного общества, изучение ее профессионального потенциала и его реализации. Прежде всего, в современной социологии активно проводятся

комплексные исследования молодежи с углублением в проблематику, характерную для молодого поколения – политическая активность и гражданская культура, доступ к образованию, молодёжный экстремизм, девиантность, уязвимость кризисам и риски попадания в слой прекариата и др. (М. К. Горшков, Ю. А. Зубок, Ю. Р. Вишневский, В. В. Гаврилюк, R. Butler, K. Muir, J. Earl, A. J. Means, L. Pruitt). Представлено достаточно много работ, связанных с изучением профессионального и карьерного развития, профессионализации молодежи. Проблемы профессионального и образовательного самоопределения молодежи, сопряженные с выбором будущей профессии и университета представлены в работах М. Уонг и Дж. Л. Дегол, Л. С. Бегу и М. Д. Василеску, П. Паркер, Дж. Джеррим и Дж. Андерс. Основное внимание уделяется факторам, влияющим на выбор университета или профессии, в числе которых социальные (урбанизация), личностные и др. Британский ученый Р. Александер (R. Alexander) на основе нарративных интервью со студентами университетов исследует роль социальных и культурных факторов, влияющих на принятие решения о будущей карьере и миграционные установки молодежи¹.

Вопросам, связанным с инновационностью молодежи, с изучением ее инновационного потенциала, уделяется гораздо меньше внимания. Тем не менее, стратегии студентов и выпускников колледжей и университетов, их возможности на рынке труда, использование инновационных способов поиска работы изучаются П. Рират, К. Юном, К. Мавромарасом, С. МакГинессом, Н. ОЛири. В российской социологии проблема инновационной активности и инновационного потенциала молодежи практически не представлена. Недостаточно разработанным направлением остается исследование наиболее перспективной части молодежи – работающей молодежи в плане успешности реализации ими своего профессионально-образовательного потенциала в инновационных сферах экономики знаний (ИТ, фундаментальной науке, образовании и культуре, наукоемких отраслях промышленности).

¹Alexander R. Migration, education and employment: socio-cultural factors in shaping individual decisions and economic outcomes in Orkney and Shetland // Island studies journal .2016. Vol. 11, issue 1. P. 177-192.

Таким образом, проблематика, охватываемая темой монографии, лежит в междисциплинарной области, а именно на стыке экономики, психологии, антропологии и социологии. Образ социального будущего сегодня является практически не разработанной категорией в социологии и требует комплексного теоретического анализа. Отсутствует его изучение в связи с развитием инновационной активности и инновационного потенциала, а это, на наш взгляд, может вступить перспективным и новым направлением исследований социальных факторов развития инновационной экономики в российском обществе.

В связи с этим, научная идея, выступившая основанием нашего исследования заключается в следующем: во-первых, возможности и перспективы развития инновационного потенциала социального субъекта (общности, социальной группы) определяются образом будущего, сложившимся в его сознании под воздействием ряда институциональных условий и поведенческих практик; во-вторых, образ социального будущего имеет комплексную, многокомпонентную структуру и диагностируется системой измеряемых параметров; в-третьих, степень рассогласования реального и идеального образа социального будущего определяет характер актуальных поведенческих стратегий и ориентаций индивидов (инновационных, либо адаптационных).

Целью исследования явилось изучение образа социального будущего молодежи как фактора развития ее инновационного потенциала в условиях индустриальных регионов России.

Для реализации данной цели, был поставлен комплекс задач:

Во-первых, проанализировать, обобщить зарубежный и отечественный опыта комплексного изучения образа социального будущего молодежи, ее ориентаций и ожиданий, в том числе опыт изучения работающей молодежи;

Во-вторых, разработать теоретико-методологические основания исследования образа социального будущего молодежи как фактора развития ее инновационного потенциала;

В-третьих, провести сравнительный анализ основных компонентов образа социального будущего молодежи, занятой на промышленных предприятиях индустриальных регионов России.

Для реализации этих задач нами был проведен опрос работающей молодежи, занятой на промышленных предприятиях шести регионов России. Опрос был реализован в мае – сентябре 2018 года; с помощью анкеты на платформе Google-form, а также с помощью традиционного печатного варианта анкеты (см. приложение) было опрошено 1050 молодых работников в возрасте до 30 лет с высшим и средне-специальным образованием. Применялась целевая квотная выборка, в качестве квотных признаков выступили регион проживания и отрасль занятости.

Не случайно в качестве пространства исследования выступили индустриальные регионы, где исторически сложился сектор реальной экономики, вследствие чего существует соответствующая потребность в трудовых ресурсах, обеспечивающих функционирование предприятий крупной и средней промышленности. Именно индустриальные регионы обладают более высоким уровнем развития высокотехнологичных производств, а значит, они наиболее перспективны для развития и реализации потенциала различных социальных и профессиональных групп. Такие регионы имеют наибольшие шансы (инфраструктуру, технологические, экономические и человеческие ресурсы) сформировать у себя кластер высокотехнологических производств, используя, в том числе, инновационный потенциал молодежи. При этом мы опирались на классификацию на основе выделения трех типов регионов¹:

- традиционный индустриальный регион, сохранивший свои позиции и высокий уровень промышленного производства;
- традиционный индустриальный регион, для которого в последние годы характерен устойчивый процесс деиндустриализации;

¹Акбердина В. В., Сергеева А. С. Индустриальные регионы России: сравнительный анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrialnye-regiony-rossii-sravnitelnyy-analiz> (Дата обращения: 07.09.2017)

– новый индустриальный регион, который наращивает высокотехнологичные производства.

Соответственно в поле нашего исследования попали следующие регионы: первого типа – Республика Башкортостан, Калужская область; второго типа – Свердловская область, Красноярский край; третьего типа – Пермский край, Волгоградская область.

В задачи исследования входило охватить не только различные регионы, с разным географическим, социально-экономическим положением, находящиеся на разных стадиях модернизации и обладающих различным инновационным ресурсом как условием развития потенциала молодежи, но и охватить предприятия высокотехнологичных отраслей экономики данных регионов, предоставляющих молодежи наиболее ощутимые шансы на развитие своего инновационного потенциала (таблица).

Таблица

Отрасли промышленности, на предприятиях которых был проведен опрос
работающей молодежи

Отрасли	Абсолютное число опрошенных	Доля опрошенных в общем массиве, %
Машиностроение	266	25,4
Авиастроение	132	12,6
Ракетостроение	60	5,7
Химическая промышленность	149	14,2
Информационные технологии, спутники, связь	84	8,0
Нефтедобыча, нефтепереработка	160	15,3
Энергетика	36	3,3
Транспорт	73	7,0
Металлургия	67	6,4
Другое	23	2,2
Итого ответивших:	1050	100,0

Опрос работающей молодежи прошел на предприятиях авиа- и ракетостроения, машиностроения, приборостроения и транспорта, информационных технологий, космической отрасли и предприятиях связи, химической и фармацевтической промышленности, нефтедобычи и нефтепереработки, металлургического производства (полный список предприятий, принявших участие в исследовании, представлен в приложении 1).

Авторы монографии выражают благодарность руководству, а также сотрудникам кадровых и социальных отделов предприятий, выразивших заинтересованность и принявших активное участие в нашем исследовании:

- ✓ ПАО «Уралкалий» ;
- ✓ АО «Уральский завод гражданской авиации» ;
- ✓ ООО «Уральские локомотивы» ;
- ✓ Красноярская железная дорога – филиал ОАО «РЖД» ;
- ✓ АО «НПО Автоматики имени академика Н.А. Семихатова» ;
- ✓ ПАО «Синарский трубный завод» ;
- ✓ ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» ;
- ✓ ООО «Уфимский НТЦ» ;
- ✓ ООО УК «ТАУ НефтеХим» (ОАО «Стерлитамакский нефтехимический завод» и ОАО «Синтез-Каучук») ;
- ✓ ПАО «Метафракс» ;
- ✓ ООО «Меркатор-Калуга» ;
- ✓ Волжская ГЭС – филиал ПАО «Русгидро» ;
- ✓ ООО Научно-производственная фирма «Пакер».

Благодарим за помощь в организации исследования и сборе данных в регионах исследования Надежду Васильевну Дулину, профессора Волгоградского государственного технического университета, Юлию Алексеевну Дроздову, декана факультета ГМУ Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, Марину Александровну Невскую, коммерческого директора ООО «Технопарк-Автоматизация», Дмитрия Викторовича Онегова, начальника отдела сопровождения независимой оценки качества образования Красноярского КГК-СУ «Центр оценки качества образования», Марину Андреевну Антонову, главного специалиста орготдела Калужского областного совета профсоюзов.

1. МОЛОДЕЖЬ КАК РЕСУРС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

1.1. Социологический анализ молодежи: отечественный и зарубежный опыт

Одним из методологических ориентиров нашего исследования является идея американского теоретика «человеческого капитала» Г. Беккера. Среди разнообразных интересов и мотивов поведения человека (особенно – молодого человека в процессе его социализации) он выделяет «устремленность в будущее», желание «предвидеть неопределенные последствия своих действий». Такое «ориентированное на будущее поведение может уходить корнями в прошлое, ибо прошлое способно отбрасывать длинную тень на установки и ценности человека»¹. Подход Беккера ставит перед исследователями целый ряд проблем – как молодые люди, «устремленные в будущее», представляют это будущее, тем более что в современном обществе («обществе риска» по У. Беку) неопределенность будущего резко возрастает; какова роль этих представлений в развитии и реализации инновационного потенциала молодежи, выступающей во взаимодействии с другими поколениями созидателями будущего; как, созидая будущее, молодые люди созидают и себя, осуществляя свое социокультурное развитие? Ведь, как мудро в свое время заметил П. А. Сорокин, «социокультурные характеристики не наследуются биологически, а приобретаются в процессе взаимодействия с людьми, среди которых он рождается, воспитывается, получает образование»².

Не менее значим для нас – особенно в плане взаимосвязи теоретического и эмпирического уровней исследования – подход выдающегося отечественного социолога В. А. Ядова о необходимости при разработке стратегий социологического исследования «использования разных теоретических подходов к анализу данного предмета; отказ от жесткого сайентистского подхода в пользу

¹ Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории /пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 583.

² Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 159.

гибкого, интерпретативного; отказ от объяснения социальных явлений и процессов в пользу их аналитического описания»¹. В русле такого подхода мы рассматриваем – с учетом специфики «предмета» – различные стратегии социологического анализа молодежи.

В своей обобщающей концептуальной статье лидеры современной отечественной юнологии Ю. А. Зубок и В. И. Чупров справедливо подчеркнули: «Социология молодежи проделала значительный путь в направлении создания и переосмысления собственных теорий, концепций и объяснительных схем. Это обусловлено происходящими изменениями структурно-функциональных основ современных обществ и их социокультурной динамикой, усложнением механизмов функционирования общественных систем в целом и их отдельных подсистем, что находит отражение в изменяющейся социальной реальности. Исчезновение прежних и рождение новых социальной слоев и групп, появление новых социальных посредников, с которыми взаимодействует молодежь и которые принимают на себя функции социального регулирования и контроля, возникновение в ее среде новых потребностей и способов их реализации, новых идентичностей и культурных практик, оснований социальной дифференциации и солидарности, обострение существовавших и возникновение новых источников противоречий и конфликтов, изменения мотивации и форм конкретной деятельности и т.д. – все это требует непрерывной теоретической и методологической рефлексии»².

Определенный вклад в этот процесс внесла и наша исследовательская группа (особенно – в обоснование социокультурного подхода к молодежи, в анализ динамики социокультурного развития студенческой молодежи Среднего Урала и специфики профессионального самоопределения современной молодежи)³.

¹ Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Издательство: Академкнига, Добросвет, 2003. 600 с.

Режим доступа: <https://nashol.com/2012061365585/strategiya-sociologicheskogo-issledovaniya-yadov-v-a-2003.html>.

²Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 12-48; С. 15-16.

³Социология молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. 430 с.; Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Социология молодежи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 246 с.; СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л. Н. Банникова [и др.]; Под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.; Проблемы

Исходный момент нашего подхода – представление о социологии молодежи как целостной отраслевой социологии, использование опыта зарубежной социологии молодежи.

Зарубежная социология молодежи на сегодня имеет сильные исследовательские программы в плане изучения и структурирования биографических переходов молодых людей, а также сопровождающих их культурных практик. Однако, понимание возможностей молодежи, трудноосуществимо в отрыве от соответствующего структурирования наших собственных представлений о будущем, которые в значительной степени определяются знаниями молодежной культуры. Необходимы новые, более широкие концептуальные подходы, и более ясное видение природы молодежных культурных инноваций, по сути, стремящихся предвосхитить будущее, дать некий социальный и культурный «самопрогноз» молодежи.

В широком смысле слова, социологической литературы о том, каким образом опыт социальной жизни молодых людей выражается более или менее коллективно через конструирование жизненных стилей, как правило, во время досуга или в моменты институционального перехода (скажем, учеба – работа) не становится меньше, а это и составляет область бытования «молодежных культур». В более строгом смысле исследователи говорят о последних в моменты обнаружения молодежных «микро-обществ», обладающих той или иной степенью социальной свободы от «взрослых» социальных институтов. Эти «микро-общества» предоставляют свое пространство и время молодым людям. В значительной степени, социологическое обращение к молодежи все еще стремится к убедительному завершению исследовательских традиций, возникших в начале двадцатого столетия, так или иначе, продолжая или преодолевая, компенсируя различные фазисы пройденного пути. В этом контексте наиболее релевантны Чикагская школа, структурный функционализм, итальянские

профессионального самоопределения молодежи: анализ ценностных ориентаций и профессиональных стратегий / Ю. Р. Вишневский, Я. В. Дидковская и [др.]. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 167 с.; Дидковская Я. В. Социокультурный анализ профессионального самоопределения и карьеры молодежи. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 125 с.

исследования школы Грамши, французский структурализм, Бирмингемская школа и пост-субкультурные исследования.

В целом, на протяжении последних двух десятилетий, термин «молодежная культура» стал вполне социологическим термином, лишенным подозрений по части неопределенности содержания, объективировался в плане различных результатов социальных исследований. Почти столетие назад американские и немецкие исследователи обратились к исследованиям юношеской культуры, возникавшей в пространстве перехода между школьной и индустриальной системами¹.

Уже в 1960-е гг. понятие молодежной культуры вполне «натурализовалось» в социологии, но уже в контексте роста потребительского общества и его исследований в структурно-функционалистской социологии². Корректируя данный подход – особенно с учетом молодежного протеста конца 1960-х гг., Р. Мертон подчеркивал, что в процессе социализации молодой человек может принимать или отвергать ценности («культурные цели»), следовать или отклоняться от норм («институциональные средства»). Соответственно среди типов приспособительного поведения молодежи он выделял инновации (цели принимаются, средства отвергаются) и бунт, мятеж (вместо господствующих целей и средств утверждаются новые). При этом мятеж рассматривался им как «попытка институционализировать новые цели и процедуры, которые могли бы быть приняты другими членами общества», «попытки изменить существующую культурную и социальную структуру, вместо того, чтобы попытаться вписать

¹ Thrasher F.M. *The Gang: A Study of 1313 Gangs in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press. 1963 [1927]; Wynecken G. *Escuela y cultura juvenil*. Madrid: Espasa Calpe (Schule und Jugendkultur). 1927 [1914]. Характерна эволюция исследовательского интереса Ф. Трэшера. Начав с изучения движения бойскаутов как агента социализации («The Boy Scout Movement as A Socializing Agency»), он перешел к исследованию молодежных гангов («шак»), отметив, что «изоляция является общей для почти каждый профессионально, религиозной или культурной группе большого города; каждая из них развивает свои собственные чувства, отношения, коды, даже свой собственный жаргон, которые являются в лучшем случае лишь частично понятными другим».

² Eisenstadt S. N. *From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure*. New York; London: The Free Press; Collier-Macmillan Ltd., 1966 [1956]. 357 p.; Parsons T. (1972 [1942]) *Age and sex in the social structure of the United States* // *American Sociological Review* // 1942. № 7. P. 604–616. In: Manning P.K. and Truzzi M. (eds.). *Youth and Sociology*. EnglewoodCliffs, NJ: Prentice-Hall, 1972. P. 136–47. Обращаясь к ранней своей работе, Парсонс акцентировал интерес к «анализу социализации индивида, с особым вниманием к взаимоотношениям между мотивационной динамикой и структурными компонентами этого процесса, рассмотренными в рамках социальной и культурной систем» (Парсонс Т. Система современных обществ / Пер, с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева / Под ред. М. С. Ковалевой. М., 1997. С. 247).

свои усилия в рамки этой структуры»¹. Тем самым, в условиях доминирующих представлений о молодежных культурах, субкультурах как девиации Мертон подчеркнул и их инновационный характер.

Последние актуальные штрихи социологического понимания феномена молодежной культуры были внесены Бирмингемской школой культурных исследований (Birmingham's Centre for Contemporary Cultural Studies, CCCS) в 1970-е гг.². В духе идей неомарксизма исследователи стремились понять и взаимосвязь между культурой и социальной структурой, и способы развития индивидуальных биографий молодых людей вне этой взаимосвязи, что заметно обогатило социологию молодежи. В дальнейшем этот подход был последовательно адаптирован в теориях постсубкультур, неотрайбализма, клубных культур, киберкультур и т.д.³ Исследования развития субкультур, с одной стороны, подчеркивали размывание жестких границ субкультур, нараставшее стилевое разнообразие⁴; с другой, – проводили разделение исторических субкультур и «субпоток»⁵, для которых характерно: нет связи с классовостью; непостоянство групп; значимость индивидуальности каждого, возможность для него быть участником нескольких субпоток; доминирование развлекательности; отказ от противостояния доминантной культуре; снижение роли территориальной общности⁵.

Сегодня практически все социальные науки – так или иначе – затрагивают тему молодежной культуры, где приоритет принадлежит социологии, антропологии, географии, истории, и возникающим на их пересечении

¹См.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2008. С. 255.

²Дискуссии по этим проблемам см.: Griffin Chr. E. The trouble with class: researching youth, class and culture beyond the «Birmingham School» // Journal of Youth Studies. 2001. Vol. 14. P. 245-259; Shildrick T., MacDonald R. In Defence of Subculture: Young People, Leisure and Social Divisions // Journal of Youth Studies. 2006. Vol. 9. № 2. P. 125-140. Благодаря работе (Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. 262 с.), английская академическая традиция изучения молодежных проблем была осмыслена российскими социологами.

³ Bennett A. Subcultures or Neo-Tribes? Rethinking the Relationship Between Youth, Style and Musical Taste // Sociology. 1999. Vol. 33. № 3. P. 599-617; Bennett A. and Keith K.-H. (eds.). After Subculture. Critical Studies in Contemporary Youth Culture. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 195 p.; Maffesoli M. Le Temps des tribus. le déclin de l'individualisme dans les sociétés postmodernes. Paris: Le Livre de Poche, 1991 [1988]; Muggleton D., Weinzierl R. (eds.). The post-subcultures reader. Berg, Oxford-New York, 2003.

⁴Hebdige Dick. Subculture: The meaning of style. Repr. - London; New York: Methuen, 1981. 195 с.

⁵См.: Концепция пост-субкультур в теоретическом дискурсе. Режим доступа: http://studbooks.net/2057870/sotsiologiya/kontseptsiya_post_subkultur_teoreticheskomi-diskurse

исследовательским стратегиям¹. В любом случае, более четкие очертания объекта молодежной культуры возникают по мере обнаружения ее независимости от «взрослых» социальных институтов. Экономические, образовательные, трудовые и идеологические изменения, начавшиеся после второй мировой войны, совершенно необъяснимы вне учета зрелищного присутствия различных молодежных стилей. Множественность молодежных культур сама по себе манифестирует внутреннюю разнородность актуальных социальных феноменов, предвосхищающих, или стремящихся предвосхитить будущее, которому нет аналогов в прошлом или условно «нормальном» настоящем.

Беспрецедентная и необратимая динамика содержания молодежных феноменов и способов их исследования обусловлена переходом от *клубных культур* к *кибер-культурам*, ознаменовавшаяся качественной трансформацией всего комплекса культурных стандартов, и всех элементов жизненного мира культур. Стереотипы и атрибуты, нормы и ценности теперь интегрируются совершенно иными социально-символическими конгломератами, – жизненные стили и сама сцена меняют свою природу и смысловые инструменты. С точки зрения будущего, это, прежде всего, востребованность иных задатков и формирование иных ожиданий и антиципаций у молодых людей. Киберсцена – это не улица, и не пространство клуба, это всегда процесс разнонаправленного роста вызовов и откликов, уже в контексте «новой социальной и культурной чувствительности (восприимчивости)»². При этом Интернет рассматривается, например, Ш. Текл как «еще один элемент компьютерной культуры, «способствующий понятию об идентичности как множественности». «В Интернете, – по ее оценке, – люди способны создавать себя, перемещаясь в нескольких «Я». В размышлениях Текл есть важное для понимания изменившихся трактовок молодежных культур и субкультур положение: «Когда

¹ Feixa C. De jóvenes, bandas y tribus. Barcelona: Ariel, 2012. 5th edition. [1998]; Feixa C., Nofre J. Youth cultures. Sociopedia. ISA. 2012. 16 p.; Feixa C, Pereira I and Juris J. Global citizenship and the 'new new' social movements: Iberian connections // Young, 2009. №17 (4). Pp. 421–442; Nilan P. and Feixa C. (eds.). Global Youth? Hybrid Identities, Plural Worlds. London and New York: Routledge. 2006. 232 p.

²См.: Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. New York: Simon & Schuster; London: Phoenix, 1995. 347 p.; Poster M. The Second Media Age. Cambridge: Polity Press, 1995; Poster M. A second media age? // Arena Journal. 1994. № 3. P. 49–91; Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе //Пер. с англ. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

идентичность определялась как единая и прочная, было относительно просто отделять девиацию от нормы и подвергать ее цензуре. Более подвижное чувство «Я» дает больше возможностей для признания разнообразия. ... Мы больше не ощущаем необходимости исключать то, что не подходит»¹. В трактовке Постера акцентируется влияние «глубинной трансформации культурной идентичности» постмодерна на формирование личности молодого человека: «Если общество модерна воспитывало индивида, который был рациональным, автономным, центрированным и устойчивым, то возникающее общество постмодерна создает идентичность отличную и даже противоположную этому. Электронные коммуникации значительно усиливают эти постмодернистские тенденции»².

В значительной степени, актуальные социологические исследования молодежной культуры рекурсивно, и в то же время, критически, проверяют методологические уроки, оставленные прошлым веком, но в целом, существенно мигрируют от молодежной проблематики к более широким смысловым контекстам актуальных культур. В любом случае, эти исследования уходят от жесткой фрагментации объекта изучения, формируя своеобразный парадокс, когда о свойствах молодежной культуры можно легче и точнее высказываться без молодежи как таковой.

Современные региональные исследования молодежи изначально нагружены миссией понимания соответствующих обществ в более широком, региональном или глобальном контексте, будь то Евросоюз или Австралия³. Структурные различия, воздействующие на развитие молодых людей, оказываются представленными наиболее ярко, открывают возможности обоснованного предвидения их изменений. Экономика, политика, социальные отношения повсеместно испытывают воздействие технологических импульсов, связанных с коммуникацией. Это знаменует радикальность ухода от индустрии как основы

¹Цит. по: Аристархова И. Л.: Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. New York: Simon&Schuster, 1995. 347 p.// Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 304-310. С. 307, 309.

²Цит. по: Шапинская Е. Эскапизм в киберпространстве: безграничные возможности и новые опасности. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskij-zhurnal/kul2-2013/21642-eskapizm-v-kiberprostranstve-bezgranichnye-vozmozhnosti-i-novye-opasnosti.html>

³ Bendit R. Youth Sociology and Comparative Analysis in European Union Member States. German Youth Institute, Munich. 2006, Papers № 79, p. 49-76; Woodman D. The future of the sociology of youth: Institutional, theoretical and methodological challenges // Youth Studies Australia, 2011. Vol. 30. № 3. P. 8-13.

информации к информации как основе индустрии, где молодые люди оказываются аборигенами будущего, социальной и культурной средой разворачивающихся трансформаций.

Молодежь участвует в порождении и усилении новых форм неравенства между регионами, опять-таки, через инновационные культурные различия. Собственно, «стандартные» социологические параметры такого рода влияния молодежи на современные общества, достаточно очевидны и фигурируют как само собой разумеющиеся у большинства исследователей, включая в себя: негативную демографию, альтернативные образы жизни, пролонгацию и вариативность образовательного этапа жизненной карьеры, уклонение от стереотипов рынка труда, непредсказуемо сложные формы сосуществования взрослых людей с их родительскими семьями, варианты глобального потребительства как специфически молодежной стилистики, приемлемость маргинальности как полиморфной опции возобновляемого выбора жизненной стратегии и тактики, принятие разнообразия рисков как приемлемых параметров жизненного пути личности¹.

Однако, насколько реальны риски, о которых говорят в социологии молодежи? На поверку выходит, что стержневым параметром подобных оценок выступает нисходящая классовая мобильность, «underclass»². Очевидно, что многие исследователи молодежи нашего столетия все больше обращаются к альтернативным критериям оценок молодежи как проблемной социальной группы, где фигурируют, по преимуществу *самооценки* молодежи, отказывающейся воспринимать саму молодость как некую переходную

¹ Bendit R. Youth Sociology and Comparative Analysis in European Union Member States. German Youth Institute, Munich. 2006, Papers, № 79. P.49-76. При этом, как справедливо замечает А. В. Безруков, восприятие молодежи проблематизируется, и уже на уровне методологии за молодыми людьми закрепляется статус «уязвимых индивидов», которые нуждаются в защите (См.: Безруков А.В. Методологические подходы к изучению социального самоопределения молодежи // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 137-145).

² Murray C. The Emerging British Underclass. London. 1990; Smith D.J. (ed.) Understanding the Underclass, London: Policy Studies Institute, 1992. При всей дискуссионности понятия «underclass» распространено его соотнесение с «людьми, занятыми самыми низкооплачиваемыми видами деятельности, постоянно безработными или полубезработными в результате их «разрушающейся» культуры рыночного поведения» (Gallie D. Employment, unemployment and social stratification // Employment in Britain, 1988. Pp. 465-492. P. 465). Широко используется и понятие «уязвимая молодежь» (Vulnerable Youth) (Furlong A., Stalder B., Azzopardi A. Vulnerable Youth: Perspectives on Vulnerability in Education, Employment and Leisure in Europe. Strasbourg: Council of Europe, 2000).

жизненную стадию; молодость – это максимальная полнота жизни в XXI столетии! Потому, что именно молодость достигает максимума разнообразных возможностей в индивидуализации стиля жизни.

Общая уязвимость индивидов в эпоху неолиберальных экономик, разумеется, дает жизнь и иным сценариям самоопределения молодежного статуса, которые выходят на интеграцию *в процесс*, а не в гарантированный социальный статус. Более того, именно критический настрой и неверие в традиционные социально-политические гарантии формирует увлеченно протестное поведение огромного числа молодых людей, сталкивающихся с современными нео-институциональными проблемами, когда основные капиталистические или олигархические государства прямолинейно трактуют капитализм и свободу рынка как удел населения, а социальные гарантии и прочие меры поддержки адресуют исключительно на себя¹. Принципиально символичными становятся категории «пост-юношества» и «юной взрослости», которые начинались как характеристики молодежного стиля, но необратимо переходят в разряд атрибутов актуальной эпохи. Так или иначе, налицо все признаки молодости, юности как самостоятельной и самодостаточной стадии, состояния и процесса жизни современной личности².

Важнейшая тенденция в развитии зарубежной социологии молодежи в последние годы – интеграция, сближение подходов. Еще в конце XX в. четко прослеживались две основные традиции – анализ молодежной культуры и исследование переходов молодежи (*studyofyouthtransitions*)³. За последние годы все чаще звучали призывы к интеграции этих – «культурального» (Cultural) и «структурного» (Structural) – подходов⁴.

¹ Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1995 [1965]. 251 p.

² См.: Гидденс Э. Последствия современности / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича. М.: ИКТ «Праксис», 2011 [1991]. 352 с.

³ MacDonald R., Banks S., Hollands R. Youth and Policy in the 1990s' // Youth and Policy, 1993. № 40, Pp. 1-9.

⁴ Cohen P., Ainley P. In the country of the blind? Youth studies and cultural studies in Britain // Journal of Youth Studies, 2000. № 3 (1), Pp. 79-95; Gayle V. Structural and Cultural Approaches To Youth: Structuration theory and bridging the gap', Youth and Policy, 1998. № 61, P. 59-72.

В результате, как отмечает редактор журнала «Молодежные исследования» (Journal of Youth Studies) Энди Ферлонг¹, исследователи стали больше интересоваться изучением подтекста быстрых социально-экономических изменений, произошедших за последние десятилетия, изучением опыта молодежи, выявляя тенденцию ко все большему единообразию этого опыта в *развитых* странах (именно в развитых странах!). Ферлонг подчеркивает, что приоритеты молодежи, живущей в *развивающихся* странах, «закключаются не в постматериалистическом поиске самореализации или установлении идентичности путем субкультурной деятельности»; и это звучит – для нас – предупреждением от расширительного толкования «зарубежной социологии молодежи», поскольку «проблемы, отражающиеся на страницах академических журналов, часто сильно искажаются исследовательской деятельностью, проводимой в развитых странах»).

Интересно обобщение Ферлонгом выявленных западными социологами основных трендов развития современной молодежи:

✓ «Корни новой ситуации с сегодняшней молодежью следует искать в изменениях, произошедших в системе образования. Фактически во всех развитых странах молодежь в течение все более длительного времени остается в системе образования. Образовательный опыт когда-то жестко структурировался социальным происхождением: выходцы из семей рабочего класса стремились покинуть школу при самой первой возможности. Сегодня постобязательное обучение является частью нормального опыта молодежи самого разного социального происхождения. Даже высшее образование, которое раньше было, прежде всего, целью элиты, стало достигаемым для широкого круга молодых людей».

✓ «переход от образования к трудовой деятельности больше не воспринимается как линейный: молодежь часто сочетает периоды работы и учебы и может вернуться к учебе после периода, проведенного на рынке труда».

¹Ферлонг Э. Введение: молодежь в меняющемся мире. Режим доступа: <http://library.ua/m/articles/view/Введение-молодежь-в-меняющемся-мир>

✓ «Эти изменения значительны, ... они привели к новой общности опыта современной молодежи..., на гибком, нерегулируемом рынке труда нет гарантированных вознаграждений за какое-либо капиталовложение и квалификацию. Сегодня немногие способны достичь богатства в молодом возрасте благодаря быстрому доступу на рынок труда, и те, кто окончил школу, часто уже на ранней стадии испытывают основательные трудности в поиске надежной работы. Рост управленческого и профессионального труда наряду с ростом неквалифицированного труда в сфере обслуживания привел к «выхолащиванию» рынка труда во многих развитых странах: количество рабочих мест средней квалификации, когда-то преобладавшей на молодежном рынке труда, сократилось во многих развитых странах. Как следствие многие высокообразованные молодые люди выполняют неквалифицированную работу или становятся безработными».

✓ «В условиях затянувшегося периода молодости как стадии в жизненном цикле и смешения разных аспектов жизни становится все труднее воспринимать молодость как определенную жизненную фазу. В частности, молодежные культуры могут приниматься как молодыми людьми, так и взрослыми, когда старшие люди стараются сохранить молодежный имидж. Многие молодые люди неохотно идентифицируют себя со взрослыми и не решаются посвятить себя традиционной карьере и традиционному стилю жизни».

✓ «Теории индивидуализации... оказывают все большее влияние на исследователей молодежи... Размывание старой предсказуемости заставило многих исследователей утверждать, что результатом поздней модернизации стал кризис молодежи...Вредное воздействие модернизации распределяется неравномерно – причем до такой степени, что молодежь из привилегированных семей обладает иммунитетом к таким рискам, которым подвергаются молодые люди, находящиеся в менее благоприятном положении: социальные классы

определенно остаются центральными в понимании опыта молодых людей, хотя их воздействие часто менее отчетливо»¹.

Во многом к сходным выводам (весьма созвучным с проблематикой нашего исследования) пришла сегодня и *отечественная социология молодежи* (или – по определению М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги, «социологическое изучение молодежи»²). За последние десятилетия в ней качественно изменилось отношение к молодежи – в основном преодолено господствовавшее в идеологии государства и социальной практике отношение к молодежи лишь как к объекту воспитания, *объекту социального воздействия*³. О необходимости «переоткрыть» молодежь как «субъект истории» писал известный юнолог И. М. Ильинский⁴. В. А. Ядов, обосновывая важность «пересмотра мировоззрения, идеологии молодежной социологии», подчеркивал необходимость отказаться от понимания молодежи как «*заготовки будущих граждан*».

При этом – с учетом проблематики нашего исследования – отвергалось не формирование у нашей молодежи объективных, научных представлений о будущем – ведь даже в западной социальной мысли критика иллюзорности коммунизма как «светлого будущего» сопровождалась или обоснованием «постепенной, поэтапной, пошаговой социальной инженерии» (К. Поппер)⁵, или разнообразными вариантами футурологии («науки о будущем»)⁶ и «исследования будущего» ((Futures Studies)⁷. Неприятие вызывала трактовка молодости лишь как «подготовки» к чему-то в дальнейшем. Вольно или невольно оно означало недооценку социальной активности и инновационной роли молодежи, переноса их реализацию в отдаленное будущее. Одновременно это было связано с

¹ См.: Ферлонг Э. Введение: молодежь в меняющемся мире. Режим доступа: <http://library.ua/m/articles/view/Введение-молодежь-в-меняющемся-мир>

² Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь: истоки и этапы социологического изучения // Гуманитарий Юга России. 2012. № 3. С. 23-46.

³ См.: Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 122-123.

⁴ Молодёжь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы / Рук. автор. коллектива и науч. ред. И. М. Ильинский. М.: Изд-во Ин-та молодёжи, Голос, 1999. С. 22-41.

⁵ См.: Никитина А. Г. «Критический рационализм» и идеология современного реформизма // Вопросы философии. 1986. № 8. С. 96-102.

⁶ См.: Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск: ЧГАКИ. 2009. 312 с.

⁷ См.: Стивенсон Т., Розов Н. Тревожный океан будущего. Беседа о глобальных проблемах и перспективах человечества. Режим доступа: <https://nsu.ru/filf/rozov/publ/tob.htm>

откладыванием решения социальных проблем молодежи «на потом». Именно против такого «пожертвования интересами молодежи», ради будущего, выступал Поппер, писавший: ««ни одно поколение не должно быть принесено в жертву ради будущих поколений, ради идеала счастья, который, возможно, никогда не будет достигнут»¹.

Но будущее для современной молодежи – это не только то, что «будет» само по себе. К. Поппер, критикуя историцизм (закономерность наступления будущего), подчеркивал значимость активной деятельности людей по «приближению» будущего: «Будущее зависит от нас»². Обосновывая роль молодежи в становлении новой России, Б. А. Ручкин конкретизировал такой подход: «Молодежь, – четко выразил эту позицию Б. А. Ручкин, – не только будущее, она «живое настоящее», и важно понять, насколько уже сегодня молодое поколение определяет содержание и характер будущего, насколько несет в себе «дух нового времени»³. Для нашего исследования данная позиция («понять, насколько...») в методологическом плане крайне важна взаимосвязью *представлений о будущем* (феномена молодежного сознания и – одновременно – важного стимула социальной активности молодежи) и «обновления» общества (что применительно к молодежи выступает реализацией ее *инновационного капитала*), а в практическом плане – обоснованием основных задач эмпирического исследования.

В анализе представлений молодежи о будущем мы опираемся и на свои предыдущие исследования, и на работы наших коллег (В. В. Гаврилюк, М. К. Горшкова, В. Н. Стегния и др.)⁴. Выделим наиболее важные моменты,

¹ Цит. по: Никитина А. Г. «Критический рационализм» и идеология современного реформизма // Вопросы философии. 1986. № 8. С. 96-102.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ., под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». 1992. С. 31.

³ Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 90–98.

⁴ Образ будущего в оценках нового поколения россиян: монография // В. В. Гаврилюк и др. Тюмень, ТИУ. 2016. 165 с.; Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Жизненные стратегии и образ успешного будущего в сознании молодежи // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю. Р. Вишневского / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневского; отв. за вып. Д. Ю. Нархов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 156-169; Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: Социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.; Россия и Китай: Молодежь XXI века [монография] / Отв. ред.: М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М. Новый хронограф. 2014. 424 с.; Стегний В. Н. Осознание личностью своего социального будущего: монография. Пермь:

определившие эмпирическую интерпретацию стержневого понятия представлений о будущем – установки на перспективу.

Прежде всего, важна взаимосвязь между современностью и перспективами развития, поскольку тенденции будущего развития объективно вызревают в настоящем. Связь перспектив с социальной диагностикой, трезвым анализом настоящего состояния, выявлением наиболее вероятных тенденций развития превращается в одну из важнейших задач. Ее реализация во многом затруднена. Прежде всего, увидеть перспективу не позволяет загруженность, осложненность сегодняшними текущими сиюминутными проблемами, которые заставляют «выживать», адаптироваться вдогонку к уже случившимся изменениям. У многих просто нет сил и возможностей в этой ситуации вырваться из пут повседневности. В данном случае важно понять, что противоречия, разрешение которых, даже на перспективу, откладывается, загоняется на второй, третий план (как несвоевременное), чем дальше, тем больше обостряются¹.

Противоречивость перспективы проявляется уже в том, что она всегда так или иначе является «предвидимым будущим». В такой предвидимости уже заложен элемент «нереальности» плана, прогноза, проекта, т.е. того, что еще лишь должно стать. Другой аспект перспективы как идеала – это ориентация на желаемое будущее, на совершенство, образец. Серьезную проблему здесь представляет способность (или неспособность) людей трезво оценить и реальную ситуацию, и вероятность тех или иных перспектив. Возникает опасность заменить действительно возможное желаемым. Ситуация тем более осложняется, когда это желание приобретает позитивную оценку в общественном мнении и потому нередко становится модой. Чем более происходит разрыв желаемого и возможного, тем более приближается перспектива к утопии. Сама

Изд-во ПНИПУ, 2013. Изд. 3-е, стереотип. 152 с.; Стегний В. Н. Осознание студентами социального прошлого // Власть. 2017. № 6 (25). С. 18-23; и др.

¹Подробнее см.: Вишневский Ю. Р., Белова О. Р. Ориентир подготовки выпускника – перспектива // Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. Мир–Россия–Урал: матер. XIII Всерос. науч.-практ. конф. Гуманитарного университета (8–9 апреля 2010 г.): докл. / редкол.: Л. А. Закс и др.: в 2 т. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2010. Т. 1. С. 596-602.; Вишневский Ю. Р., Вишневский С. Ю., Багирова Т. Б., Белова О. Р. Будущее как объект управления // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю. Р. Вишневского / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Отв. за вып. Д. Ю. Нархов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 343 с. С. 121-129; Вишневский Ю. Р., Белова О. Р., Нархов Д. Ю., Орешкина Т. А. Будущее в представлениях молодежи региона // Там же. С. 129-138; и др.

осуществимость утопий (и противоположных им – антиутопий) заставляет рассматривать их не как причудливые фантазии, но и гораздо глубже – научно – как определенные социокультурные феномены¹.

Существенное значение имеют и методы осуществления перспектив: отношение к старому и введение инноваций. Зачастую доминируют ориентации на радикальные изменения, переделку, сопровождающуюся сломом всего того, что было наработано за долгие годы без учета положительного опыта поколений. К сожалению, ориентации на модернизацию и реформы, действительно необходимые обществу, часто сопровождаются «шоковой терапией». В этом плане показательны – уже на опыте нынешнего поколения молодежи многие изменения в системе образования (ЕГЭ, введение уровня образования – бакалавриата и магистратуры), в социальной политике (повышение пенсионного возраста), изменения, осуществлявшиеся без учета общественного мнения, без должного расчета долгосрочных социальных последствий.

Важно найти оптимальную меру разрушения и созидания, традиций, преемственности и новаторства. Необходимо видеть и реальное нежелание определенной части людей идти на какие-то перемены, нежелание, зачастую прикрываемое ссылками на традиции, прошлый опыт или неудачи в инновациях. Там и тогда, когда речь идет о необходимости каких-то инноваций, люди как бы примеряют их на себя, оценивают необходимость самим меняться, осваивать что-то новое. Если учесть, что череда различных изменений, инноваций идет в последние годы сплошным потоком, это не может не вызывать у многих *«инновационную усталость»*, внутреннее сопротивление переменам. И распространение таких настроений вполне понятно. Негативный опыт порождает сомнения в целесообразности усилий. Но перспектива как бы задает тонус, заставляет не останавливаться на достигнутом, искать новое².

На основе разных оценок будущей перспективы и в диапазоне социальных настроений «оптимизм – пессимизм» среди молодежи возможно становление

¹См: Вишневский Ю. Р., Белова О. Р., Нархов Д. Ю., Орешкина Т. А. Будущее в представлениях молодежи региона // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю. Р. Вишневского / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневского; отв. за вып. Д. Ю. Нархов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 129-138.

²Там же. С. 129-138.

«ноувистских» настроений, то есть ориентаций на «здесь и сейчас». Неопределенность политической, социальной и экономической ситуации в нашем обществе и в мире в целом, становление эпохи «перманентного кризиса» приводит к тому, что молодежь фактически подталкивается к ориентации на настоящее в ущерб будущему. Здесь важно видеть негативную сторону ноувистских ориентаций. Они делают чрезвычайно узким горизонт планирования молодежи, снижают значимость перспективы в целом, в лучшем случае – ориентируют лишь на ближайшую перспективу. А это означает, что стимулирующее воздействие перспективы недооценивается, выбор жизненных ориентиров становится сиюминутным, что накладывает отпечаток на любую ситуацию выбора – профессии, сферы занятости, типа учебного заведения, будущего супруга, места жительства, места работы и т.д. Однако сегодняшний выбор неразрывно связан и нередко предопределяет будущее человека, его жизненную траекторию. Гуманистическая направленность установки на перспективу проявляется в том числе и в стремлении помочь человеку избежать таких издержек.

Утверждение субъект-субъектных отношений, понимание молодежи как активного субъекта социальной жизни – важнейшее изменение в российской социологии молодежи и основной методологический принцип нашего исследования. Новое понимание молодежи вошло уже в официальные документы. В частности, в «Стратегии развития молодежи Российской Федерации до 2025 года» подчеркивается: «Молодежь недостаточно понимать в традиционном смысле, только в качестве будущего общества. Ее необходимо оценивать как органичную часть современного общества, несущую особую, незаменимую другими социальными группами, функцию ответственности за сохранение и развитие нашей страны, за преемственность ее истории и культуры, жизнь старших и воспроизводство последующих поколений, и в конечном итоге – за выживание народов как культурно-исторических общностей»¹. Современная

¹ Стратегия развития молодежи Российской Федерации до 2025 года. Режим доступа: http://noyamolod.ru/index.php?catid=155:2013-12-10-03-09-24&id=2041:2013-12-10-03-13-21&Itemid=58&option=com_content&view=article (дата обращения 18.01.2015).

трактовка молодежи рассматривает в единстве ее роли и как «объекта социализации, ценнейшего ресурса экономического роста и обеспечения благосостояния поколений», и как «активного субъекта преобразования общества, *драйвера* развития и лидерства страны». Выявить факторы, позволяющие молодежи быть более эффективным «драйвером», оптимальнее раскрыть свой инновационный потенциал, реализовать свои ресурсы, – основная задача нашего исследования.

Не менее важным методологическим принципом нашего подхода является отказ от и негативной, и позитивной оценки молодежи, все более глубокое осознание, что нынешнее поколение не лучше и не хуже предшествующих – оно «*другое*».

В 1960-1970-х гг. протестное поведение молодежи развитых стран («молодежная революция 1968 г.») привлекло внимание и западных, и советских социологов. Но в наших оценках акцент делался на антикапиталистическом характере протеста молодежи, хотя он скорее был антисистемным («Отмежеваться от Системы!», «Залюбить Систему насмерть!»), антиинституциональным («Мир – людям, война – институтам!»), протестом против отчуждения человеческой личности даже в условиях относительного материального благополучия («Нельзя влюбиться в коэффициент промышленного роста!»)¹. Не так ли и сегодня, критика некоторых девиантных форм поведения современной российской молодежи, явно недооценивает, что трансформация социально-экономического строя и «лихие 1990-е» фактически произошли без ее участия, и молодые люди исторически оказались в «заданных» условиях и испытали негативные социальные последствия этой трансформации.

Среди исходных методологических принципов нашего исследования особое место занимает *многомерная модель молодежи*. Обоснованная в свое время Л. Н. Коганом она в дальнейших исследованиях углублялась и дополнялась. Важнейшее изменение отечественной социологии молодежи – переориентация от

¹См.: Социология молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. 430 с. Гл.8. Молодежный протест конца 1960-х годов и концепция «контркультуры». С. 129-152.

«единство = единообразие» до «единство в разнообразии». Уже Коган зафиксировал возросшую значимость дифференцирующих факторов в анализе молодежи: «Сегодня дифференцирующие факторы среди молодежи проявляются более весомо и зримо, чем интегрирующие. Я имею в виду, прежде всего, социальное происхождение, доход, как самого молодого человека, так и его родителей, политическую идентификацию, образование, социальные притязания и ценностные ориентации»¹. В рамках исследований социального самочувствия и гражданской культуры молодежи Свердловской области, подготовки научных основ ежегодных докладов о положении молодежи области в 2014-2016 гг. мы убедились, насколько значимыми были различия по возрасту («младшая», «средняя» и «старшая» молодежные группы), полу, месту жительства (мегаполис, крупные города, средние и малые города, села и ПГТ) и уровню образования по одним параметрам (чаще всего, связанным с личными проблемами, интересами респондентов) и насколько они были незначительными по другим параметрам (особенно по социально-экономическим и политическим проблемам)². Одновременно выявилась и распространенность в молодежной среде стереотипов, и унаследованных от прошлого, и сформировавшихся уже в новых условиях³. Тем самым, стала понятной неправомерность абсолютизации *дифференцирующих* факторов, приводящей некоторых исследователей даже к отрицанию молодежи как *общности*.

Гораздо более продуктивной для нашего исследования является позиция М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги, акцентирующих внимание социологов на анализ *«механизма включения молодежи в общественные отношения, формирующие её мировоззрение, ценностные ориентацию, гражданскую позицию,*

¹ Коган Л. Н. Предисловие // Молодежь – будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. 11–12.09.1996. Ч.1. Екатеринбург: УИМ, 1996. 98 с. С. 3–7. С. 5–6.

² См.: Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования / под ред. Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 205 с.; Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 244 с.; Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: научные основы доклада правительству Свердловской области / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 350 с.; Положение молодежи Свердловской области в 2015 году: научные основы доклада Правительству Свердловской области / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 272 с.; О положении молодежи в Свердловской области в 2016 году: Информационные материалы к докладу. Екатеринбург, 2017. 32 с.; и др.

³ См.: Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург: Уральский гос. университет, 2001, 290 с.

профессиональный и социальный статус». В этом механизме ими разграничиваются две формы:

– *интеграция* молодого поколения в культурные, нравственные, правовые, политические и идеологические традиции общества путем принятия им (экстерьеризации) господствующих социальных норм в качестве основы своих ценностных ориентаций, побудительных мотивов поведения;

– *дифференциация* молодого поколения по ячейкам социально-профессиональной структуры общества путем образовательной и экономической «селекции» (профессиональная ориентация и профессиональная подготовка)¹.

Соответственно, обосновываются критерии оценки результатов социализации – идентифицирует ли или нет молодежь себя «с основными нормами общества (и идеологическими, и правовыми, и распределительными)»².

Выявить эти результаты – задача эмпирического исследования. В предыдущих исследованиях мы использовали в анкете с этой целью вопрос об ожиданиях респондентов относительно ближайшего будущего, предусмотрев широкий диапазон оценок – от разной степени оптимизма (ситуация в стране улучшится уже в ближайшее время; улучшения произойдут, но не очень скоро) до столь же разной степени пессимизма (особых изменений не предвижу; в скорые перемены не верю, но можно потерпеть; уже устали ждать перемен; жизнь и дальше будет только ухудшаться), как промежуточные были включены ноуэвистские (самое лучшее – жить сегодняшним днем) и ностальгические (улучшения возможны при возврате к прежним порядкам) варианты.

В настоящем исследовании – с учетом преобладания в выборке работающей молодежи (обладающей относительно бóльшим жизненным опытом) – мы в аналогичных целях решили сочетать обобщенные вопросы (Довольны ли своей жизнью в целом? Чувствуете ли уверенность в завтрашнем дне?) с использованием методического приема «Оценка эксперта» (когда респондентам предлагается оценить – в правильном ли (или нет) направлении развивается наша

¹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с. С.7.

² Там же. С. 7.

страна в различных аспектах жизни социума – экономика, политика, культура, социальная сфера, экологическая ситуация?).

Многомерная модель исследования молодежи предполагает использование теоретических идей и концепций, обоснованных с позиций различных методологических подходов. Особо выделим среди них ресурсный подход к изучению молодежи, наиболее отвечающий целям и задачам нашего исследования, который будет более подробно рассмотрен в следующем параграфе.

1.2. Ресурсный подход в социологии молодежи

Как уже отмечалось выше многомерность молодежи отражается в разнообразии социологических подходов к проблемам молодежи. Мы уже отмечали плодотворные попытки ряда отечественных исследователей (Ю. А. Зубок, В. А. Луков, В. И. Чупров и др.) систематизировать это разнообразие¹ и даже выйти на уровень междисциплинарного анализа², предлагали и дополняли свой вариант классификации этих подходов (стратификационный, структурно-функциональный; институционально-функциональный; социокультурный; ресурсный; рискологический; тезаурусный подходы)³. Не повторяясь, выделим ряд моментов, позволяющих конкретизировать методологию и основную проблематику нашего исследования.

Социокультурный подход (по Н. И. Лапину, «понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека»⁴) привлек нас акцентом на человека *активного, деятельного*. Сама культура предстает не просто усвоением культурных богатств, накопленных человечеством, но и *самореализацией* человеком своих сущностных сил. Позиция

¹ См.: СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / Под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2017. С. 30.

² Луков В. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2012. 528 с.

³ См.: СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / Под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2017. С. 30-51.

⁴ Лапин Н. И. Социокультурный подход и социентально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С.3-12. С.3.

Л. Н. Когана – «В процессе любой практической деятельности человек изменяет мир, причем не только реально, но и идеально – в своем сознании. Изменяя мир, он изменяется и сам, совершенствуя свои способности, потребности, обогащая знания, мировоззрение, социальные чувства, словом, свои социальные («сущностные») силы»¹ – еще один важный методологический принцип нашего исследования. Самореализационная теория культуры позволила углубить представления о социализации и адаптации как системных качествах молодежи². В трактовке адаптации был преодолен односторонний акцент на ее приспособительный характер. Подчеркивалась многогранность социализации: она не только «воспроизводство культуры, освоение соответствующих образцов поведения, обычаев, ценностей, установок, социальных ролей, надежд и ожиданий»; в процессе социализации «формируется индивидуальность человека, развиваются его социальные силы»³. На наш взгляд, наиболее полно этим представлениям соответствует отношение «молодежь – будущее», обоснованное известным теоретиком синергетики Е. Н. Князевой: «не просто отражать мир, ожидать и выжидать (с опущенными руками и блуждающим спекулятивным взглядом) будущее (каким оно будет?), но созидать ближайшую и более отдаленную социальную среду и конструировать желаемое будущее; не столько жить настоящим, сколько жить, понимая различные варианты путей в будущее, имея различные образы будущего... Строя, обустривая и перестраивая социальную среду, строить самого себя»⁴. И вновь задача для эмпирического исследования: выявить, насколько наши респонденты «ожидают и выжидают будущее», насколько они «созидают ближайшую и более отдаленную среду».

Наши питерские коллеги (Р. А. Зобов, А. А. Козлов, Н. И. Легостаева и др.) обратили внимание на еще один аспект проблемы. Они выявили *снижение интереса к будущему* «в жестких системах тоталитарного типа, в которых человек

¹ Коган Л. Н. Социология культуры // Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. В 2 т. Т. 2. Работы 1988-1997 гг. / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: НИЦ «Маска», 2009. С. 121-160. С. 122.

² См.: Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Социология молодежи. 2-е изд., исправл., доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 246 с. Гл.5. Социализация и адаптация – системное качество молодежи. С. 69-93.

³ Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Социология молодежи. 2-е изд., исправл., доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 80-81.

⁴ Князева Е. Н. Конструирование будущего в сложном мире. Режим доступа: <http://agni-joga-i-novuj-mir.ru/index.php/arkhiv/item/45-konstruirovanie-budushchego>

чувствует себя ничего не значащим винтиком. У него возникает ощущение однозначной предопределенности будущего, которое становится малоинтересным»¹. Социализация нынешней российской молодежи происходила в условиях демократизации (пусть и далеко не всегда последовательной) общества. Как это сказалось на ее интересе к будущему? Насколько этот интерес побуждает ее к более полной реализации своего инновационного капитала? – эти вопросы оказались центральными для нашего исследования.

К их обоснованию и эмпирической интерпретации мы подошли и с позиции *воспроизводственной теории В. И. Чупрова*. В уже отмечавшемся повороте отечественной социологии к «субъект-субъектному подходу» его несомненная заслуга – акцент на «социальное качество молодежи» и понимание ее как «становящегося субъекта общественного воспроизводства»². Конкретизируя и углубляя в дальнейшем свой анализ³, В. И. Чупров раскрыл *основные функции молодежи* в общественном воспроизводстве:

- «обеспечивает сохранение целостности общества (преемственность);
- «участвует в его совершенствовании и преобразовании, благодаря своему инновационному потенциалу»;
- «передает (транслирует) обновленный опыт последующим поколениям»⁴.

Выявились еще два значимых ракурса нашего исследования. Прежде всего, это – анализ реализации инновационного капитала как критерий социального функционирования молодежи. Но самое главное – то, что нередко недооценивается в молодежных исследованиях, даже когда они рассматривают отношение молодежи к будущему, сама молодежь трактуется исключительно как

¹Образ будущего: Опыт социол.-филос. анализа / РГНФ, АГН; [Н.И. Боечко и др.]; Под ред. Р. А. Зобова и А. А. Козлова. СПб.: Химиздат, 2001. С.12-13; Легостаева Н. И. Особенности структуры образа будущего современной российской молодежи // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2012. Вып. 3. С. 285-289, С. 288.

² Молодежь России: социальное развитие / под ред. В. И. Чупрова. М.: Наука, 1992. 205 с. С. 9.; Луков Вал. А. Социального развития молодежи концепция В. И. Чупрова // Энциклопедия. Режим доступа: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/203-socialnogo-razvitiya.html>

³ Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: Монография. М.: Норма. 2016. 352 с.; Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи. М.: Норма, 2013. 336 с.; и др.

⁴Чупров В. И. Молодежь // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чернов. М.: Academia, 2008. С. 269.

«настоящее». Подход Чупрова ориентирует дальше – на перспективу – на трансляцию обновленного опыта последующим поколениями молодежи «завтрашнего», «послезавтрашнего» дня.

Анализ реализации инновационного капитала молодежи опирается на подход, который в последние годы выдвигается на первый план – и в социологии молодежи, и в научном обосновании государственной молодежной политики – на *ресурсный* подход.

На развитие социологических трактовок ресурсного подхода значительное влияние оказали исследования (и реальные изменения) в сфере экономики и менеджмента (особенно – управления персоналом)¹. Не останавливаясь на этом подробнее, отметим смещение акцентов в трактовке работников производства: от «кадров» (безликого множества, предполагающего заменимость каждого – «винтика») к «управлению персоналом» (множество «персон» – индивидуальностей) и – далее – к «управлению человеческими ресурсами» (Human resources). В социальном ресурсе молодежи особую значимость, по мнению Ядова², имеют «стартовый капитал» социального происхождения и первичной социализации». В позиции Ядова особенно значимо соотнесение социального ресурса и человеческого, социального капитала, во многом определяемого и измеряемого уровнем и качеством образования. Поэтому подчеркнем качественное изменение требований к образованию при переходе от персонала к человеческим ресурсам – от обученности (своеобразного результата – достигнутого уровня знаний, умений, навыков) к обучаемости (готовности постоянно развивать, обновлять этот уровень, откликаясь на изменяющиеся условия и запросы времени). Соответственно, и среди задач нашего исследования акцент смещается от фиксации наличного уровня образования к анализу стремления и возможностей молодежи индустриальных регионов России повышать свой образовательный уровень, реализовывать свой потенциал.

¹ Wernerfelt B. A Resource-Based View of the Firm // Strategic Management Journal, 1984. Vol. 5, №. 2. P. 171-180; Wernerfelt B. The Resource-Based View of the Firm: Ten Years After // Strategic Management Journal, 1995. Vol. 16. №. 3. P. 171-174.

² Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 310–319, С.314.

В работах по социологии молодежи довольно часто (особенно в последнее время) отмечается, что исходной в разработке ресурсного подхода к молодежи является идея К. Манхейма о *молодежи как скрытом ресурсе*. Но дальше цитирования его слов, что «молодежь – это один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность»¹, порой дело не идет.

Между тем, уже в трактовке Манхейма были выражены очень важные для современного понимания ресурсного подхода моменты. Прежде всего, социолог подчеркивал, что речь должна идти не об отношении общества к молодежи, а о «взаимодействии» молодежи и общества, в котором он выделял две стороны: «что может дать нам молодежь» («какой вклад может она внести в жизнь общества») и «что может ждать от нас молодежь»². Именно с учетом этого будущего вклада необходимо определять «чему и как надо учить молодежь», определять характер, направленность и содержание образования. Причем Манхейм отмечает необходимость учета интересов обеих сторон «взаимодействия». «В рамках общества, – подчеркивает он, – мы не можем формулировать потребности молодежи абстрактно, мы должны делать это с учетом нужд и потребностей данного общества». Он одинаково не приемлет и «слепоту к психологическим и жизненным потребностям» детей и молодых людей, и «разрушение здорового равновесия между индивидом и обществом», сосредоточение «внимания лишь на индивиде», игнорирование «конкретного окружения общества в целом, в которое этот индивид должен внести свой вклад»³.

Идея «скрытого ресурса» имеет и еще один глубокий смысл – в полной мере молодежь сможет проявить себя лишь в дальнейшем, но проблемы молодежи, развитие ее образования, инвестиции в ее ресурс требуются от общества уже сегодня. Решая актуальные, сегодняшние проблемы молодежи, общество, тем самым, закладывает фундамент своего последующего развития – ведь сегодняшняя молодежь, проходящая первичную социализацию, уже завтра будет активным

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. С. 443.

² Там же. С. 441-442.

³ См.: Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. С. 442.

субъектом социальной жизни, основной производительной и творческой силой общества.

Наконец, идея «скрытого ресурса» ставит серьезные задачи и перед самим молодым человеком (ведь его ресурс зачастую бывает скрыт и от него самого, что определяет важность формирования у молодежи навыков психодиагностики и самоанализа), и перед социологами (ведь только глубокий научный анализ «открыть» ресурсы молодежи для социума и – на этой основе – определить наиболее оптимальные пути их «мобилизации»).

Предложенное нашей исследовательской группой конкретизация ресурсного подхода на основе принципа «3 PE» (*ресурс, резерв, реализация*)¹ позволяет выявить: оценку молодыми людьми своего потенциала (особенно – инновационного потенциала); характер и степень профессиональной подготовки, нацеленной на его развитие, обогащение, сохранение и формирование готовности к реализации; актуализация наличных способностей (возможностей), их практическое, реальное применение и использование, оптимальное использование внутренних резервов каждого молодого человека.

Интерес социологов к молодежи как ресурсу инновационного развития индустриальных регионов определяется рядом факторов.

Прежде всего, коренные социально-экономические трансформации качественно изменили социальную структуру современного российского общества. Традиционный социально-классовый подход сменился стратификационным. Особенно это сказалось на изучении молодежи. Ведь в русле стереотипов (все более оказывавшихся не очень состоятельными в условиях НТР) о ведущей роли рабочего класса в социалистическом переустройстве общества и в структуре молодежи именно рабочей молодежи отводилось приоритетное значение. По мере реализации стратификационного подхода молодежь стала рассматриваться как

¹ Вишневский Ю. Р., Белова О. Р., Дидковская Я. В., Певная М. В. Профессиональный выбор студенчества в ракурсе ресурсного подхода // Молодежь как ресурс регионального развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. Киров. 2011. С. 29–34; Вишневский Ю. Р., Вишневский С. Ю. Профессиональный выбор студентов и ресурсный подход: от потенциала к реализации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2012. № 1 (25). С. 22–27; СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урал: монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург: УрФУ. 2017. С. 46–49; и др.

дифференцированная по многим различиям группа. Среди этих различий все более значимыми становились работа по найму (работающая молодежь – в отличие от учащейся и студенческой молодежи, хотя распространение феномена «работающий студент» показало отсутствие жестких границ между этими группами) и различия в уровне профессионального образования (в связи с образовательными реформами последних десятилетий – фактическое исчезновение системы НПО; ориентация системы СПО на подготовку и специалистов среднего звена, и квалифицированных рабочих; разграничение в системе ВО бакалавриата и магистратуры – эти различия стали более разнообразными).

Сказываются и *изменения в демографической структуре молодежи*. Важнейший момент, который важно учитывать в исследованиях молодежи как ресурса регионального развития, – численность молодежи и ее доля в составе населения. Конечно, сказывается общая социально-экономическая ситуация и ее влияние на демографические процессы. Так, в «лихие 1990-е» на основе «российского креста» (резкое снижение рождаемости и устойчивое превышение уровня смертности населения над уровнем рождаемости) общая численность населения РФ снижалась и лишь в 2010-х гг. начался её рост. Специалисты-демографы фиксируют: наибольшей величины население России достигло к началу 1993 г. – 148,6 миллиона человек (сказалась массовая миграция русскоязычного населения из бывших республик СССР), затем 14 лет – период непрерывной убыли населения, с 2009 г. по 2016 г. рост численности населения (в том числе – в результате воссоединения Крыма с РФ)¹ (рис. 1.1).

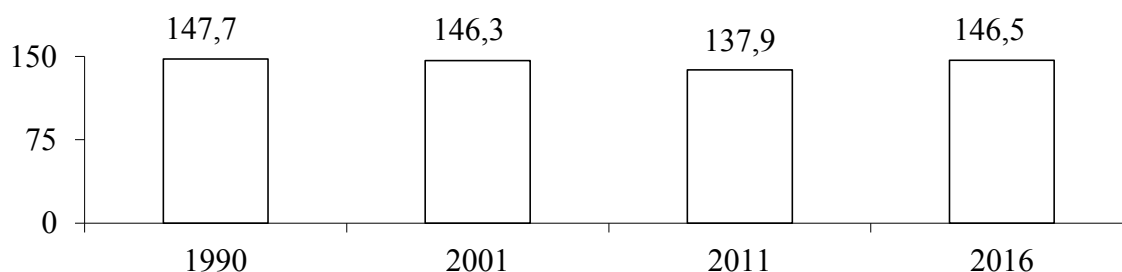


Рис. 1.1. Динамика численности населения РФ за 1990-2016 гг. (млн. человек)².

¹ Щербакова Е. Россия: предварительные демографические итоги 2016 года (часть I) // Демоскоп. 2017. С. 715-716. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0715/barom01.php>

² Демографический ежегодник России. М.: Росстат. 2017. С. 15.

Парадокс – за 1990-е гг. численность молодежи даже несколько возросла (с учетом временного подъема рождаемости, пожалуй, единственного позитивного результата антиалкогольной кампании в годы перестройки) – с 32, 4 млн. человек (1989 г.) до 33,9 млн. человек (2001 г.). За этот период увеличилась (с 22 % до 24 %) и доля молодежи в составе населения России. А затем началось сокращение и численности (2011 г. – 32,3 млн. человек, 2016 г. – 27, 5 млн. человек), и доли (соответственно, 23,4 % и 18,8 %). Причем, приведенные данные статистики позволяют прогнозировать, по крайней мере, на период до 2021 г. дальнейшее ухудшение ситуации. Ведь из молодежного возраста за эти годы «выйдет» 12,4 млн., а «войдет в него» – 7,3 млн. Тем самым, численность молодежи сократится на 5 млн. человек. Все это не может не сказаться негативно и на финансировании, и на кадровом обеспечении молодежной политики, особенно – в отношении работающей молодежи, работа с которой – в институциональном плане – организована на 2-3 порядка хуже, чем с учащейся и студенческой молодежью.

Отмеченный «текущий» состав молодежи как социально-демографической группы нередко недооценивается в демографических прогнозах, да и «работа с молодежью» (деятельность соответствующих органов и служб государственной власти и местного самоуправления) «замыкается» лишь на «нынешнюю молодежь». Внимание к исследованию групп «предмолодежи» (и «детей») с точки зрения перспектив их «вступления» в молодежный возраст продолжает оставаться недостаточным.

Представляют интерес и структурные изменения в составе молодежи (рис. 1.2).

Заметно коренное отличие структуры 2016 г. (резкое «постарение» молодежи – доля «старшей» молодежной возрастной группы лишь немного меньше, чем двух остальных). В социологии молодежи отмечено смещение интересов и социокультурных ориентаций от «младшей» молодежной возрастной группы к «старшей».

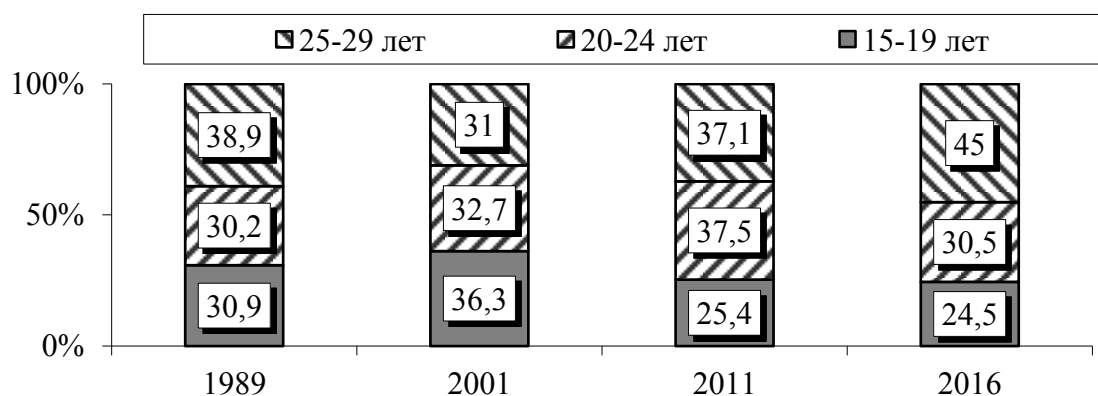


Рис. 1.2. Доля разных возрастных групп («младшей», «средней», «старшей») в структуре молодежи (в % от общей численности молодежи)¹.

Но происходившее в 2010-х гг. изменение структуры молодежи не привело к переориентации социологии молодежи – в центре ее внимания оставались «младшая» и «средняя» возрастные группы, т.е. в основном школьная и студенческая молодежь. К сожалению, утвержденные Правительством Свердловской области в 2004 г. Концепция поддержки работающей молодежи области до 2015 г. (продлена и дополнена в 2009 г. – до 2020 г.)², а самое главное – социологические исследования, на основе которых эти Концепции разрабатывались и корректировались, длительное время были достаточно уникальным явлением.

Общие тенденции динамики численности и структуры молодежи во многом характерны и для регионов, ставших объектами нашего исследования (рис. 1.3 – 1.8).

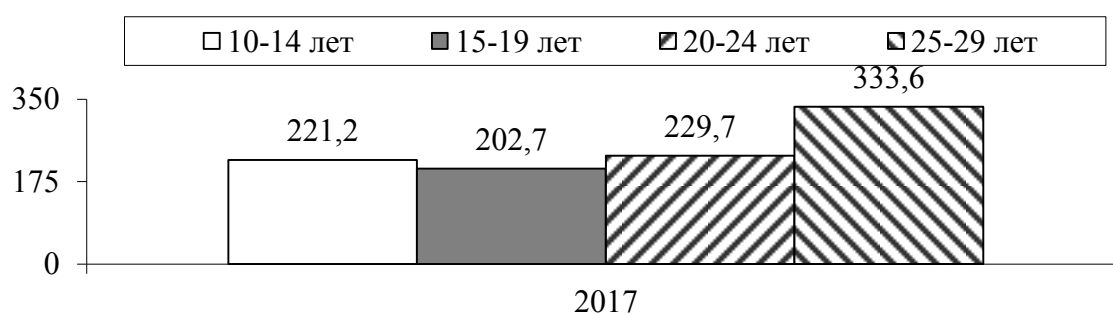


Рис. 1.3. Структура молодежи и предмолодежи Республики Башкортостан на 01.01.2017 г. (тыс. человек)³.

¹ Расчет наш (авт.)

² О концепции поддержки работающей молодежи Свердловской области на период до 2015 года: постановление Правительства Свердловской области № 647-ПП от 13.07.2004. Режим доступа: <http://ekb4.info/act4/postanovlenie354/page2.htm>; Концепция поддержки работающей молодежи Свердловской области на период до 2020 года утверждена постановлением Правительства Свердловской области от 20 ноября 2009 года. № 1683-ПП Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/4678381/4106832/>

³ Структура населения Башкортостана по полу и возрасту в 2017 году // Рахим итегез! Уфа и Башкортостан в цифрах. Режим доступа: <http://rahimitegez.ru/population-of-bashkortostan-republic/>

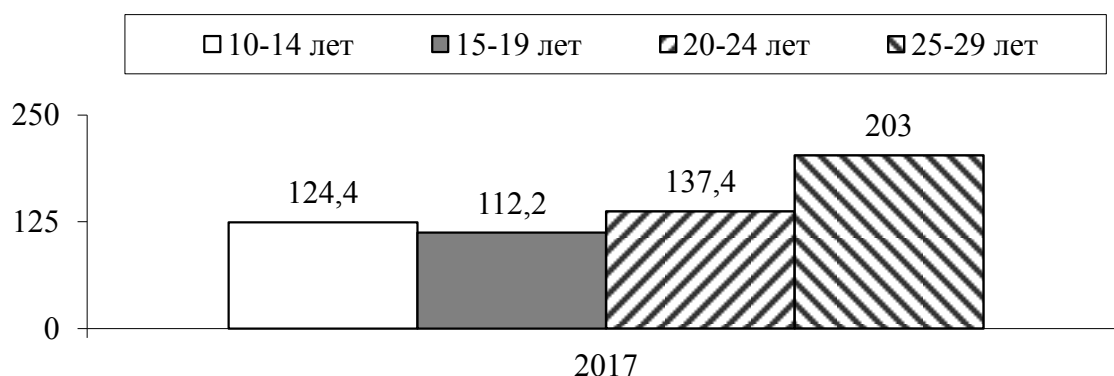


Рис. 1.4. Структура молодежи и предмолодежи Волгоградской области на 01.01.2017 г. (тыс. человек)¹

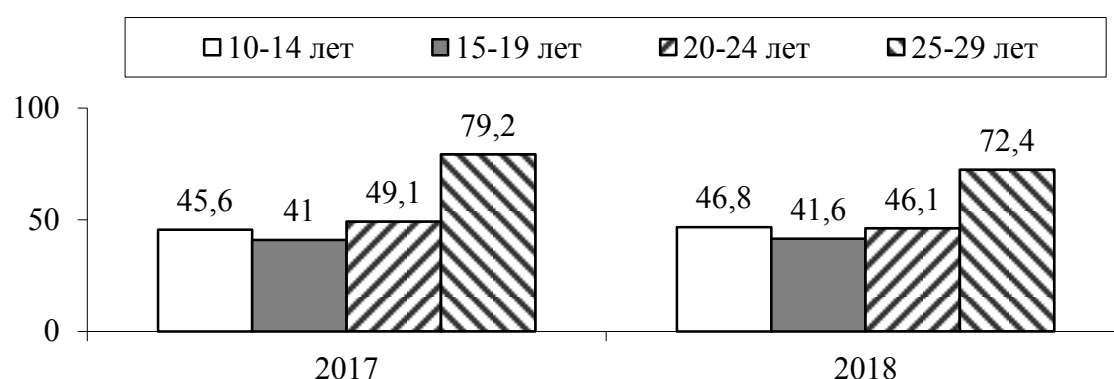


Рис. 1.5. Структура молодежи и предмолодежи Калужской области на 01.01.2017, 2018 гг. (тыс. человек)².

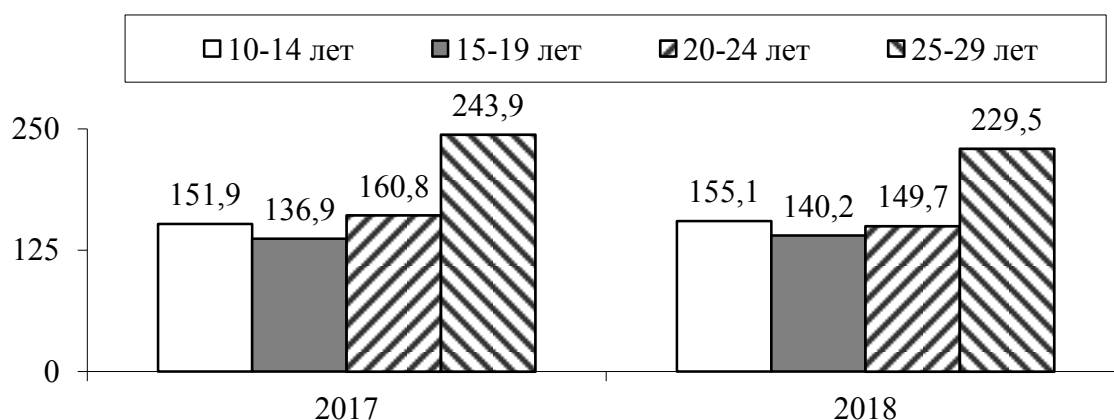


Рис. 1.6. Структура молодежи и предмолодежи Красноярского края на 01.01.2017, 2018 гг. (тыс. человек)³

¹Распределение численности населения Волгоградской области по полу и возрастным группам на 1 января 2017 года // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/2ba64600439b44b7bacfbfa17e1e317/%D0%9F%D0%92%D0%A1_061217.htm

²C:\Users\user\Downloads\№+0278.mht

³Половозрастной состав населения Красноярского Края. 2017, 2018. Population_2017.xls Population_2018.xls

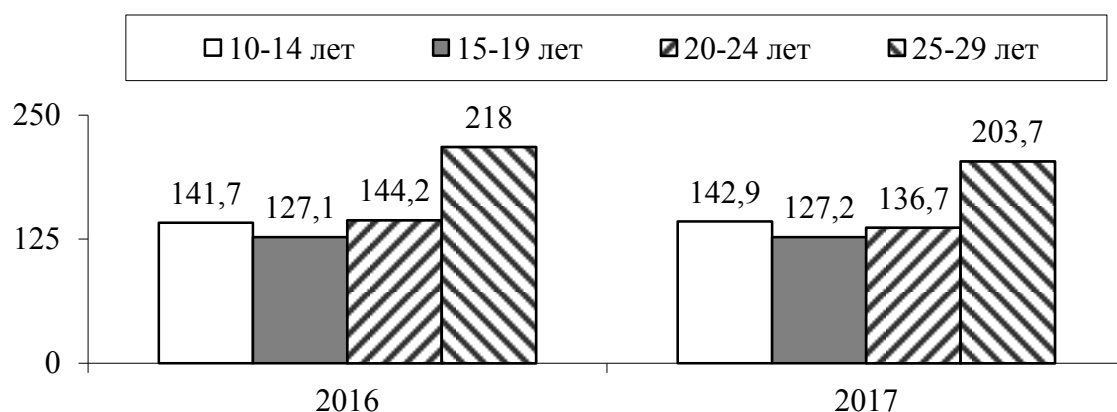


Рис. 1.7. Структура молодежи и предмолодежи Пермского края на 01.01.2016, 2017 гг. (тыс. человек)¹

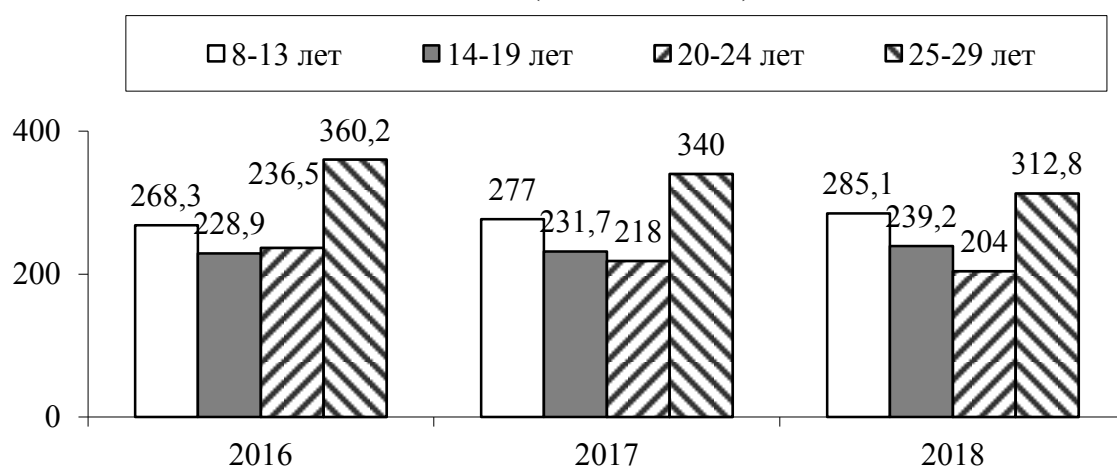


Рис. 1.8. Структура молодежи и предмолодежи Свердловской области на 01.01.2016, 2017, 2018 гг. (тыс. человек)²

Обобщая, отметим следующие моменты (таблица 1.1). Как видим, в исследуемых регионах в основном проявляются тренды последних лет: сокращение доли молодежи в населении, «постарение молодежи» (отражение резкого перепада в уровне рождаемости в 1990-х гг., когда переплелись, и новая волна «демографического эха войны» – в активный детородный период вступили женщины – «дети детей войны», и негативные демографические последствия социально-экономической трансформации).

¹Пермский край в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник/Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Пермь, 2017. 180 с.

²Численность населения Свердловской области по полу и возрастным группам на 1 января 2014-2018 гг. (Числ_нас_2014-2018.xlsx). Группировки возрастной группы (8-13 лет) несколько завышены, соответственно, завышены и данные по «младшей» молодежной возрастной группе (14-19 лет), хотя в данном случае полностью выдерживаются требования к законодательно закреплённому возрасту молодежи.

Таблица 1.1

Характеристика современной ситуации и перспектив изменения численности и структуры молодежи по РФ и исследуемым территориям¹

Территория	Ситуация		Перспектива
	Преобладание «старшей» молодежной возрастной группы	Снижение доли молодежи в населении	Сокращение численности молодежи
Российская Федерация (РФ)	45 % (2016)	До 18,8 % (2016)	К 2021 г. – на 5 млн. человек
Республика Башкортостан (РБ)	43,5 % (2017)	До 18,8 % (2017)	К 2022 г. – на 110 тыс. человек
Волгоградская область (ВО)	44,9 % (2017)	До 17,9 % (2017)	К 2022 г. – на 78,6 тыс. человек
Калужская область (КО)	46,8 % (2017), 45,2 % (2018)	До 16,7 % (2017), 15,8 % (2018)	К 2023 г. – на 25,6 тыс. человек
Красноярский край (КК)	45 % (2017), 44,2 % (2018)	До 18,8 % (2017), 18,1 % (2018)	К 2023 г. – на 74,4 тыс. человек
Пермский край (ПК)	44,6 % (2016), 43,6 % (2017)	До 18,6 % (2016), 17,8 % (2017)	К 2022 г. – на 60,8 тыс. человек
Свердловская область (СО)	43,6 % (2016), 43,1 % (2017), 1,3 % (2018)	До 19,1 % (2016), 18,2 % (2017), 17,5 % (2018)	К 2023 г. – на 73,6 тыс. человек

В этих условиях социологи должны преодолевать сложившуюся недооценку социальных проблем работающей молодежи, ее роли как ресурса инновационного развития.

1.3. Социальное самочувствие молодежи индустриальных регионов России

К изучению социального самочувствия молодежи индустриальных регионов страны наша исследовательская группа подошла, обладая опытом комплексного социологического исследования «Социальное самочувствие молодежи Свердловской области» (ноябрь-декабрь 2015 г.)², что позволяет, не повторяясь,

¹ Используемые в данной таблице краткие обозначения регионов в дальнейшем повторяются в рисунках.

² Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования /под ред. Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 205 с.

ограничиться кратким изложением методологического анализа данного понятия и его эмпирической интерпретации¹.

Методологическим ориентиром исследований социального самочувствия молодежи может быть мнение выдающегося российского социолога В. А. Ядова, считавшего, что «именно самовосприятие условий жизни есть факт, достойный самого пристального внимания социолога», поскольку «оно-то и образует «социальную реальность», побуждающую живого субъекта к социальному действию или бездействию»².

В русле целостного развития мировой социологии отметим соотнесенность социального самочувствия с используемым зарубежными социологами и психологами понятием «субъективное благополучие» (*subjectivewell-being*). Особенно значимым представляется выделение социального компонента благополучия (оценка человеком своей жизни в соотнесении с ситуацией в обществе)³.

Социальное самочувствие сегодня все чаще рассматривается во взаимосвязи с качеством жизни, в котором разграничиваются объективная⁴ (уровень жизни, комфорт, загрязнения окружающей среды, преступность и др.) и субъективная⁵ (удовлетворенность или неудовлетворенность различными сторонами жизни) стороны. Так, Э. Кэмпбелл соотносит качество жизни и с личными устремления и ожиданиями (*aspirationsandexpectations*) человека, его чаяниями и надеждами, и с осуществляемым им сопоставлением своей ситуации с иными (теория *социального сравнения* – «*socialcomparisontheory*»)⁶.

¹ Подробнее см. Теоретико-методологические и методические проблемы изучения социального самочувствия молодежи // Там же. С. 9-47.

² Ядов В. А. «Господа. Думайте о социальных следствиях проводимых реформ!» // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 146.

³ См.: Biswas-Diener R., Diener E., Tamir M. The Psychology of subjective well-being // *Daedalus*. 2004. Vol. 133. № 2. P. 18-25; Diener E., Sapyta J. J., Suh E. M. Subjective well-being is essential to well-being // *Psychological Inquiry*. 1999. Vol. 9. № 1. P. 33-37; Griffin J. *Well-being: Its meaning, measurement and moral importance*. Oxford. 1986; e.a.

⁴ Mercier C. Improving the Quality of Life of People with Severe Mental Disorders // *Social Indicators Research*. 1994. № 33. P. 165-192.

⁵ Winkelmann R. Unemployment, social capital, and subjective well-being // *Journal of Happiness Studies*. 2009. № 10, P. 421-430.

⁶ Campbell A. Subjective Measures of Well-Being // *American Psychologist*. 1976. № 31. P. 117-124; Campbell, C., & Jovchelovitch, S. Health, community and development: Towards a social psychology of participation // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2000. № 10 (4). P. 255-270.

Для нашего исследования особую значимость приобретает акцент на трактовку социального самочувствия как интегрированного отражения особенностей социальной позиции человека, характера его включенности в социальные процессы, активности, направленной «на обеспечение оптимальной самореализации и существование в социуме»¹. Именно поэтому в социальном самочувствии «наиболее четко проявляются мотивационные факторы поведения»², оценки социальным субъектом своих возможностей.

Социальное самочувствие выступает интегральной характеристикой удовлетворенности (неудовлетворенности) человека своим социальным положением, индикатором его настроений и ориентаций.

Исследователи соотносят социальное самочувствие с «оценками населением своего будущего, удовлетворенности жизнью, уверенности, что оно само может решать проблемы ее улучшения»³. В данном подходе особенно важно выделить не только *оценочный характер* социального самочувствия, но и акцент на *активность субъекта*. В исследованиях социального самочувствия молодежи соответственно отмечается взаимосвязь «эмоционально-оценочного отношения к реально существующим общественным возможностям» и их измерение «через достаточность/недостаточность объективных условий для *реализации молодежных притязаний*»⁴. Это позволяет преодолеть, к сожалению, до сих пор сохраняющуюся во многих определениях социального самочувствия его трактовку как *пассивной фиксации существующего положения*.

Дискуссионной остается и проблема *субъективности оценок* социального самочувствия. При этом, на наш взгляд, важно видеть взаимосвязь субъективности и определенности таких оценок. Ведь справедливо мнение, что даже применительно к основному экономическому фактору (доходу) «социальное

¹ См.: Словарь-справочник по социальной психологии / В. Крысько. СПб.: Питер, 2003. 416 с.

² Крупец Я. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности. Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/78/230/49516.php>

³ Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42, С. 40.

⁴ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 91–96, С.92.

самочувствие связано не просто с величиной дохода, а с тем, как такой доход соответствует потребностям и представлениям о достойной жизни» человека¹.

Уточняется и отражение в социальном самочувствии успешности (или неуспешности) реализации социальным субъектом своих жизненных планов, жизненных стратегий. При этом оно выступает индикатором уже самого выбора характера этих планов, стратегий («адаптивные», «выживательные», «самореализационные» стратегии)². Весьма перспективным в плане выявления особенностей социального самочувствия различных социально-демографических групп является представление о социальном самочувствии как «интегральной характеристике реализации жизненной стратегии, отношении к окружающей действительности, субъективных ее сторон»³.

Серьезно углубляется и понимание субъекта социального самочувствия – и не только за счет конкретной характеристики тех социальных общностей, которые выступают этим субъектом. Подчеркивается и иной аспект проблемы⁴: «Социальное самочувствие отражает соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта». Социальное самочувствие в данном случае определяется как центральная проблема социальной диагностики и связывается «прежде всего, с выявлением – в динамике – тех социальных проблем, которые вызывают наибольшую неудовлетворенность людей»⁵.

В качестве *индикаторов* социального самочувствия выделяются удовлетворенность (неудовлетворенность) разными аспектами жизни, уверенность (неуверенность) в завтрашнем дне, наиболее беспокоящие проблемы, оценка социальной значимости экономических и политических реформ, степень

¹ Маклакова Г. Е., Панова С. Г., Тришкина И. С. Социальное самочувствие населения Свердловской области по материалам социологического мониторинга за 1994-1996 годы // Социологическое обозрение (Информационно-аналитический сборник). Екатеринбург, 1997. С. 6.

² Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 41–50, С. 46 – 47; Крупец Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности. Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/78/230/49516.php> (дата обращения 18.11.2015). Подробнее см.: Наемный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. С. 74–100.

³ Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50–55, С. 51.

⁴ Панченко Е. В. Мониторинг социального самочувствия тверской молодежи // Современная Россия в социальном измерении. Материалы выступлений (X Социологические чтения МГСУ). М., 2003. С. 118–122.

⁵ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология: Курс лекций для технических вузов. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. С. 186.

готовности к новым испытаниям, связанным с их продолжением, отношение к деятельности властных структур¹.

В плане изучения молодежи особенно важно исследование жизнеобразующих стратегий, которые будут оказывать влияние на облик общества недалекого будущего. Ведь в условиях «общества знаний» на первый план в формировании образовательных и профессиональных траекторий (лежащих в основании выживания) выдвигаются субъективные факторы: выстраивание «жизненной карьеры зависит от того, насколько интенсивно и целенаправленно молодой человек накапливает знания, навыки, квалификации – все то, что в совокупности определяется как человеческий капитал»².

В этой связи представляется крайне важным зафиксировать методологические подходы к изучению социального самочувствия, выделенные Д. Л. Константиновским и использованные при организации исследования социального самочувствия молодежи Свердловской области в 2015 году.

Во-первых, «общественное поведение молодого человека является результатом сложного взаимодействия различных факторов, определяющих специфику личности и специфику внешних воздействий на нее»³, что дает возможность выявить взаимосвязи между устремлениями, жизненными планами молодых людей и показателями, отражающими их реальные достижения; вскрыть степень влияния социальных факторов, лежащих в основе выбора образовательных и профессиональных стратегий.

Во-вторых, это комплексный подход к исследованию облика молодого человека, что дает возможность «углубить актуальное для отечественной и мировой социологии понимание существенных аспектов социализации, формирования ценностных ориентаций и социального поведения»⁴ молодежи.

¹Хасбулатова О. А., Егорова Л. С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 51. Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/hasbulatova_socsamwoman/ (дата обращения 19.03.2015).

² Константиновский Д. Л. Молодежь России на рубеже XX – XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чердниченко. М.: ЦСИИП, 2014. С. 13.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же.

Завершая изложение теоретико-методологических основ исследования социального самочувствия, подчеркнем, что это – «функционирующее» состояние сознания и поведения социального субъекта¹. Его комплексное исследование применительно к работающей молодежи промышленных регионов проведено нами на основе системы эмпирических индикаторов:

- ✓ Удовлетворенность жизнью в целом и уверенность в завтрашнем дне.

- ✓ Оценка различных сторон ситуации в обществе:

- Экономической ситуации;
- политической ситуации;
- ситуации в социальной сфере;
- культурной жизни общества.

- ✓ Удовлетворенность индивидуальной жизненной траекторией:

- Материальным положением;
- состоянием здоровья;
- работой;
- полученным образованием;
- отношениями с близкими и друзьями;
- отношениями с коллегами;
- экологической ситуацией.

- ✓ Оценка своих возможностей по изменению/сохранению своей жизненной ситуации:

- Обеспечить себе правовую защиту в случае необходимости;
- организовать свой бизнес, заниматься предпринимательством;
- получить качественное образование или повысить свой образовательный уровень;
- поддерживать здоровье на необходимом уровне, вести здоровый образ жизни;

¹ Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск, 6–9 октября 2009 г. Смоленск: Универсум, 2009. С. 89–95, С. 89.

- получать достоверную и объективную информацию о событиях и фактах общественной жизни;
- реализовывать свой профессиональный потенциал;
- внедрять или использовать новшества.

Важнейший индикатор социального самочувствия молодежи – ориентация на успех («достиженческая» стратегия). Многочисленные социологические исследования последнего времени показали, что именно эта стратегия сегодня для российской молодежи стала определяющей. Подтвердили это и результаты опроса молодежи Свердловской области 2015 г.¹ Сохраняется противоречивость в выборе путей и средств реализации данной стратегии: приоритетными предпосылками успеха для молодых свердловчан выступают прямо противоположные индикаторы: «цивилизованного рынка» (образование) и «дикого» рынка – (роль связей, знакомств). При этом замечен и позитивный момент – именно образование (особенно у женской части респондентов) становится ведущим фактором жизненного успеха.

Результаты опроса опровергают утвердившееся мнение о преимущественной ориентации современной молодежи на формулу успеха – «деньги – слава – власть». Возраст определяет более реалистическую, трезвую позицию в отношении богатства как предпосылки будущего успеха: от младшей к старшей группе оценка этого фактора падает вдвое. Вероятно, за этим стоит накапливающийся жизненный опыт.

Конкретизация факторов успешной жизни показала, что ведущей является ориентация на собственный интеллект и способности (отмечен почти каждым вторым респондентом, в женской группе несколько чаще). Очевидно, начинают сказываться усилия по развитию самореализационных, самоактуализационных стратегий молодежи

Тревожным явлением выступает зафиксированная исследователями готовность части респондентов использовать любые средства для достижения

¹ Подробнее см.: Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования / Под ред. Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. С. 49-78.

цели. Отчасти это объясняется юношеским максимализмом (в младшей группе таких ответов вдвое больше).

Противоречиво воспринимается молодежью образ успешного человека – профессионала. С одной стороны, каждый третий отметил значимость профессионализма, деловых качеств как фактора жизненного успеха, причем от младшей к старшей группе этих оценок становится больше. С другой стороны, каждый четвертый акцентирует в этом образе прагматизм, деловую хватку.

Настоящее исследование, имеющее межрегиональный характер, позволяет применительно к уральской молодежи выявить, насколько устойчивы тренды оценок социального самочувствия, а в целом – определить, насколько эти тренды типичны для молодежи, проживающей в разных регионах страны.

Как уже отмечено выше, самой общей характеристикой социального самочувствия является удовлетворенность жизнью (таблица 1.2., рис. 1.9).

Таблица 1.2

Довольны ли своей жизнью в целом? в % по массиву и по регионам

Варианты ответов	По массиву в целом	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд обл.
1. Да	40,4	39,8	46,9	33,3	49,4	46	33,3
2. Скорее, да	42,2	45,2	36,6	42,9	39,5	39,9	46,3
3. Скорее, нет	8,3	7,5	6,7	14,3	7,4	5,6	10,1
4. Нет	3,6	0	4,5	3,2	2,5	2,3	4,9
5. Затрудняюсь ответить	5,5	7,5	5,4	6,3	1,2	6,1	5,4

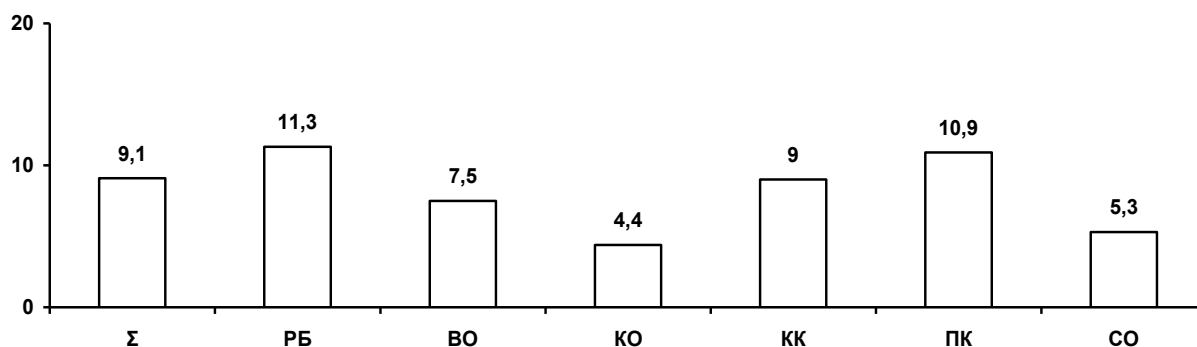


Рис. 1.9. Соотношение довольных («да», «скорее, да») и недовольных («скорее, нет», «нет») жизнью в целом (во сколько раз первых больше, чем вторых)

Заметно преобладание оптимистических оценок. В целом четверо из каждых пяти респондентов в той или иной степени довольны своей жизнью (по массиву –

соотношение полностью и частично довольных почти одинаково). Еще более наглядным является соотнесение «довольных» и «недовольных» жизнью.

В целом по массиву «довольных» своей жизнью в 9 (!?) раз больше, чем «недовольных». Особенно велика доля «довольных» среди респондентов из Республики Башкортостан и Пермского края. Но даже у респондентов из Калужской, Свердловской и Волгоградской областей, у которых она ниже средней, «индекс удовлетворенности» жизнью высок. Тренд «растущего оптимизма», зафиксированный предыдущими исследованиями молодежи Свердловской области, подтвердился. Выявилось, что этот тренд достаточно типичен (по крайней мере, для молодежи регионов, охваченных опросом).

По отношению к будущему, перспективе (правда, не очень отдаленной, в вопросе речь шла о «завтрашнем дне») оптимизма несколько поубавилось.

Семь из каждых десяти респондентов отметили, что ему (ей) присуща уверенность в завтрашнем дне. Чаще других такая уверенность (по их самооценкам) характерна для респондентов из Красноярского и Пермского краев. Менее других отмечали «уверенность в завтрашнем дне» респонденты-жители Свердловской и – особенно – Калужской областей (хотя и тут «индекс уверенности» все-таки положительный). Причем тональность ответов отнюдь не совпадала с настроением известной песни «Завтра будет лучше, чем вчера». Скорее сказывалась выявленная исследователями молодежи ситуация смещения в оценках – «пусть вокруг все плохо, но это вокруг; меня это не коснется», отражающее переориентацию молодежного общественного сознания от социальных приоритетов к личным (таблица 1.3).

Таблица 1.3

Чувствуете ли уверенность в завтрашнем дне? (в % по массиву и по регионам)

Варианты ответов	По массиву в целом	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд обл.
1. Да	30,4	31,2	38,8	14,3	33,3	37,1	23,9
2. Скорее, да	40,2	40,9	34,8	39,7	53,1	40,8	40,1
3. Скорее, нет	15,6	17,2	11,6	30,2	8,6	10,3	19,5
4. Нет	7,9	4,3	8,0	11,1	3,7	6,1	9,9
5. Затрудняюсь ответить	5,9	6,5	6,7	4,8	1,2	5,6	6,7

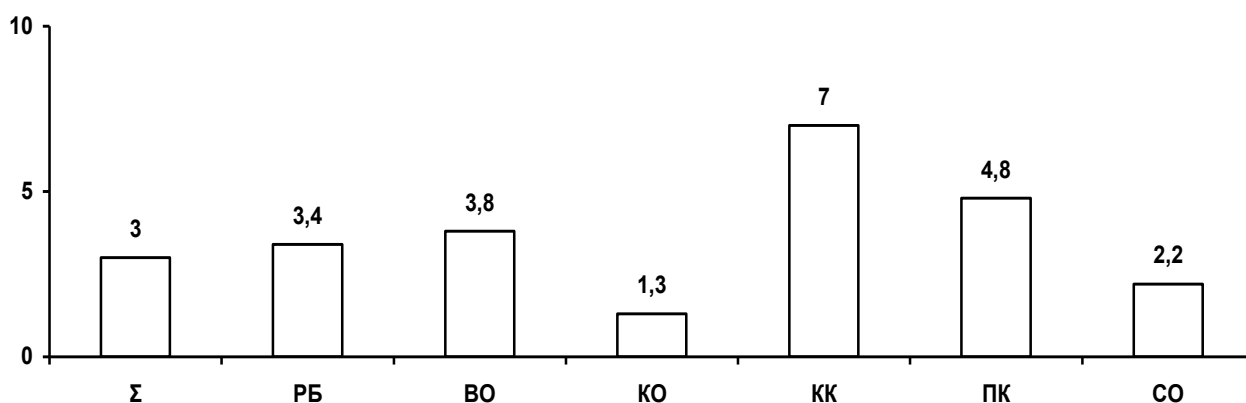


Рис. 1.10. Соотношение уверенных («да», «скорее, да») и неуверенных («скорее, нет», «нет») в завтрашнем дне (во сколько раз первых больше чем вторых).

Это особенно проявляется в контрасте между удовлетворенностью жизнью и уверенностью в завтрашнем дне наших респондентов и их оценками различных аспектов социальной жизни (рис. 1.11). Как видно, по всем параметрам и по всем регионам средне-балльная оценка – из 5 баллов – не дотягивает до 3. Наиболее негативными являются эти оценки в отношении *экономики*.

Таблица 1.4.

Оценка, насколько дела в стране в экономике идут в правильном или неправильном направлении (по 5-балльной системе: от 1 /совершенно неправильно/ до 5 /совершенно правильно/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд обл.
1 - совершенно неправильно	25,5	26,9	23,7	31,7	13,6	18,8	31,0
2 - скорее неправильно	28,6	26,9	34,8	31,7	29,6	24,9	26,8
3 - в чем-то правильно, в чем-то нет	34,4	37,6	30,4	30,2	39,5	39,9	32,5
4 - скорее, правильно	8,8	6,5	6,7	4,8	13,6	15,0	6,9
5 - совершенно правильно	2,8	2,2	4,5	1,6	3,7	1,4	2,7

Больше половины респондентов в целом по массиву в той или иной мере оценивают развитие экономической ситуации в стране негативно, считая, что дела в стране в экономике идут в совершенно или в скорее неправильном направлении (наиболее критичным является мнение респондентов-жителей Калужской и Свердловской областей). Каждый третий дал неоднозначный ответ. И лишь каждый девятый оценил эту ситуацию позитивно (позитивные оценки респондентов-жителей Пермского и Красноярского краев – в ответах каждого шестого – явно превышали среднюю по массиву).

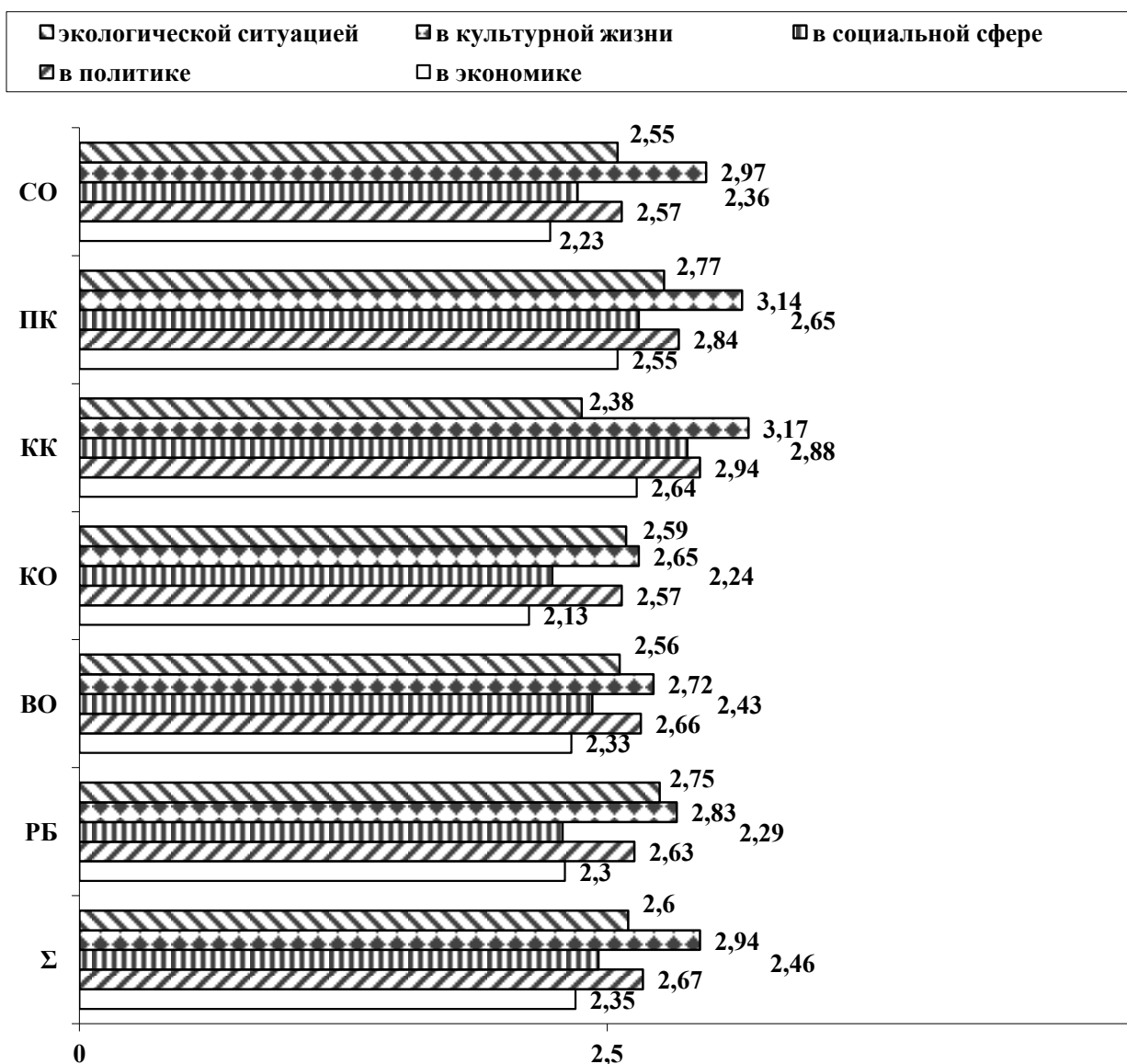


Рис. 1.11. Средние оценки в баллах – насколько дела в стране (в разных сферах жизни общества) идут в правильном или неправильном направлении, насколько удовлетворяет или не удовлетворяет экологическая ситуация (по 5-балльной системе: от 1 /совершенно неправильно / до 5 /совершенно правильно/; от 1 /полностью не удовлетворен / до 5 /полностью удовлетворен/)

Было бы неверно интерпретировать эти оценки – и по стране в целом, и в разрезе отдельных регионов – как характеристики реального состояния экономики. Они скорее – в рамках общей характеристики социального самочувствия – отражают индивидуальное (или групповое) мнение, взаимосвязанное с другими его характеристиками. Примечательно, что респонденты-жители Свердловской и Калужской областей, несколько менее других довольные своей жизнью или уверенные в завтрашнем дне, оказались более критичными в своих оценках экономической ситуации. В ответах респондентов-жителей Пермского и

Красноярского краев отмеченная взаимосвязь проявилась с точностью наоборот. Конечно, работающая молодежь – не самый лучший эксперт в оценке социальной ситуации в регионе. Но если даже ее оценки хуже реальной ситуации, то это сигнал – многие позитивные моменты этой ситуации на нее не влияют или ею не воспринимаются.

Отмеченные моменты относятся и к другим оценка респондентов ситуации в стране и регионе (таблица 1.5).

Таблица 1.5.

Оценка, насколько дела в стране политике идут в правильном или неправильном направлении (по 5-балльной системе: от 1 /совершенно неправильно / до 5 /совершенно правильно/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Свердл обл.
1 - совершенно неправильно	20,9	24,7	23,2	25,4	11,1	13,6	23,9
2 - скорее неправильно	23,0	19,4	23,7	20,6	22,2	22,1	24,4
3 - в чем-то правильно, в чем-то нет	30,6	32,3	25,4	31,7	35,8	36,6	28,8
4 - скорее, правильно	18,8	15,1	19,2	15,9	23,5	22,5	17,0
5 - совершенно правильно	6,7	8,6	8,5	6,3	7,4	5,2	5,9

Критическая тональность оценок политической ситуации сохраняется, но в сравнении с оценками экономической ситуации она проявляется менее четко. Лишь 44 % (менее половины) респондентов считают, что в сфере политики дела идут совершенно или скорее неправильно. Придерживающихся противоположного мнения, хотя и меньше, но немало – каждый четвертый. Да и по регионам значимых различий не прослеживается (разве что респонденты-жители Красноярского и Пермского краев оценку «совершенно неправильно» ставят почти в два раза реже, чем в среднем по массиву).

Более разнообразными были оценки ситуации в социальной сфере (таблица 1.6).

В целом преобладают негативные оценки социальной политики (почти каждый второй считает, что дела в социальной сфере идут совершенно или скорее неправильно). Но проявляются и значимые различия: наиболее критичны в своих оценках данного параметра респонденты-жители Республики Башкортостан

Таблица 1.6.

Оценка, насколько дела в стране (в социальной сфере) идут в правильном или неправильном направлении (по 5-балльной системе: от 1 /совершенно неправильно / до 5 /совершенно правильно/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд обл.
1 - совершенно неправильно	22,5	32,3	21,4	23,8	7,4	12,7	28,8
2 - скорее неправильно	25,7	18,3	32,6	33,3	22,2	25,8	23,2
3 - в чем-то правильно, в чем-то нет	38,1	38,7	31,7	38,1	50,6	46,9	34,2
4 - скорее, правильно	10,7	9,7	10,3	4,8	14,8	12,7	10,3
5 - совершенно правильно	3,0	1,1	4,0	0,0	4,9	1,9	3,4

(каждый третий из них отметил оценку «совершенно неправильно»). Аналогичную оценку респонденты-жители Красноярского края отметили почти в пять раз (!) реже. Конечно, нам сложно (без консультаций с социологами конкретных регионов) объяснить столь значительные различия. Скорее, результаты нашего опроса могут восприниматься как «информация к размышлению». Отметим определенное наше упущение, очевидно, стоило из комплекса социальной политики выделить и предложить респондентам оценить государственную молодежную политику, нацеленную именно на них.

В каждом исследовании встречаются результаты, в чем-то неожиданные для социологов. К числу таких результатов можно отнести относительно более высокие оценки респондентами ситуации в культурной сфере (в сравнении с другими сферами) (таблица 1.7).

Таблица 1.7

Оценка насколько дела в стране (в культурной жизни общества) идут в правильном или неправильном направлении (по 5-балльной системе: от 1 /совершенно неправильно / до 5 /совершенно правильно/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Свердл обл.
1 - совершенно неправильно	13,4	15,1	17,0	15,9	4,9	8,9	14,8
2 - скорее неправильно	19,0	18,3	26,3	31,7	17,3	13,6	16,3
3 - в чем-то правильно, в чем-то нет	34,7	40,9	31,7	23,8	43,2	37,1	33,7
4 - скорее, правильно	26,3	20,4	17,9	28,6	24,7	35,2	27,6
5 - совершенно правильно	6,6	5,4	7,1	0,0	9,9	5,2	7,6

Действительно, как видно из средне-балльных оценок, представленных на рисунке 1.11, только в отношении культурной сферы она в целом по массиву почти 3 балла (соотношение позитивных /развитие идет совершенно или скорее правильно/ и негативных /совершенно или скорее неправильно/ оценок оказалось равным; лишь в крайнем варианте негативные оценки отмечались чаще). По ряду регионов (Красноярский и Пермский края) средняя оценка была еще выше. Что стоит за более высокой оценкой ситуации в сфере культуры? Вероятно, сказывается то, что именно в этой сфере самостоятельность, индивидуальность личности молодого человека менее жестко детерминированы и свобода выбора имеет гораздо бóльшие возможности. Но не исключено и влияние зафиксированного социологами снижения значимости культурной сферы в условиях глубоких социальных трансформаций.

Несколько особняком в общем ряду стоит оценка респондентами экологической ситуации в стране и регионе (таблица 1.8).

Таблица 1.8

Оценка удовлетворенности или неудовлетворенности экологической ситуацией (по 5-балльной системе: от 1 /полностью не удовлетворен / до 5 /полностью удовлетворен/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Свердл обл.
1 - полностью не удовлетворен	19,6	11,8	24,1	19,0	24,7	14,6	20,7
2 - скорее не удовлетворен	23,5	22,6	24,1	25,4	32,1	16,0	25,4
3 - в чем-то удовлетворен, в чем-то нет	37,0	45,2	29,0	34,9	27,2	50,7	34,7
4 - скорее, удовлетворен	16,6	19,4	17,0	19,0	12,3	16,0	16,5
5 - полностью удовлетворен	3,2	1,1	5,8	1,6	3,7	2,8	2,7

В среднем два из каждых пяти респондентов полностью или скорее не удовлетворены экологической ситуацией в стране и регионе. Среди наиболее неудовлетворенных оказались респонденты-жители Волгоградской области (каждый второй) и Красноярского края (трое из каждых пяти). Если учесть, что по другим параметрам они особенной критичностью не отличались, можно предположить, что экологические проблемы для них в ряду социальных проблем относятся к наиболее острым.

Рассмотренное несоответствие в оценках (социальные проблемы – личные проблемы) высвечивается новыми гранями, если обратиться к анализу степени удовлетворенности (неудовлетворенности) респондентов различными аспектами своего социального статуса (материальное положение, состояние здоровья, работа, образование, отношения с близкими и друзьями, отношения с коллегами). Казалось бы, общая удовлетворенность жизнью и достаточно серьезная уверенность в завтрашнем дне определяют и удовлетворенность по этим параметрам. Но преимущественно негативная оценка ситуации в экономике и политике, социальной сфере и сфере культуры, позволяют предположить и возможность высокого уровня неудовлетворенности. Однако обращение к реальным результатам показало такие предположения почти беспочвенны.

Это «почти», как можно судить по результатам, приведенным на рисунке 1.12, относится лишь к самооценкам своего материального положения.

Почти каждый третий респондент не удовлетворен своим материальным положением (особенно часто свою неудовлетворенность отмечают респонденты-жители Калужской /почти каждый второй/ и Волгоградской /два из каждых пяти/ областей). Специфична позиция респондентов-жителей Республики Башкортостан – каждый второй из них дал неоднозначный ответ. Полностью или скорее удовлетворен материальным положением – в среднем – каждый четвертый (среди респондентов-жителей Красноярского края чуть больше /каждый третий/).

До сих пор (особенно среди работодателей и чиновников) бытует представление о якобы «завышенных требованиях» молодых людей. Широко распространено в общественном мнении и уверенность, что «денег всегда мало», и ответы наших респондентов как бы следуют этой логике.

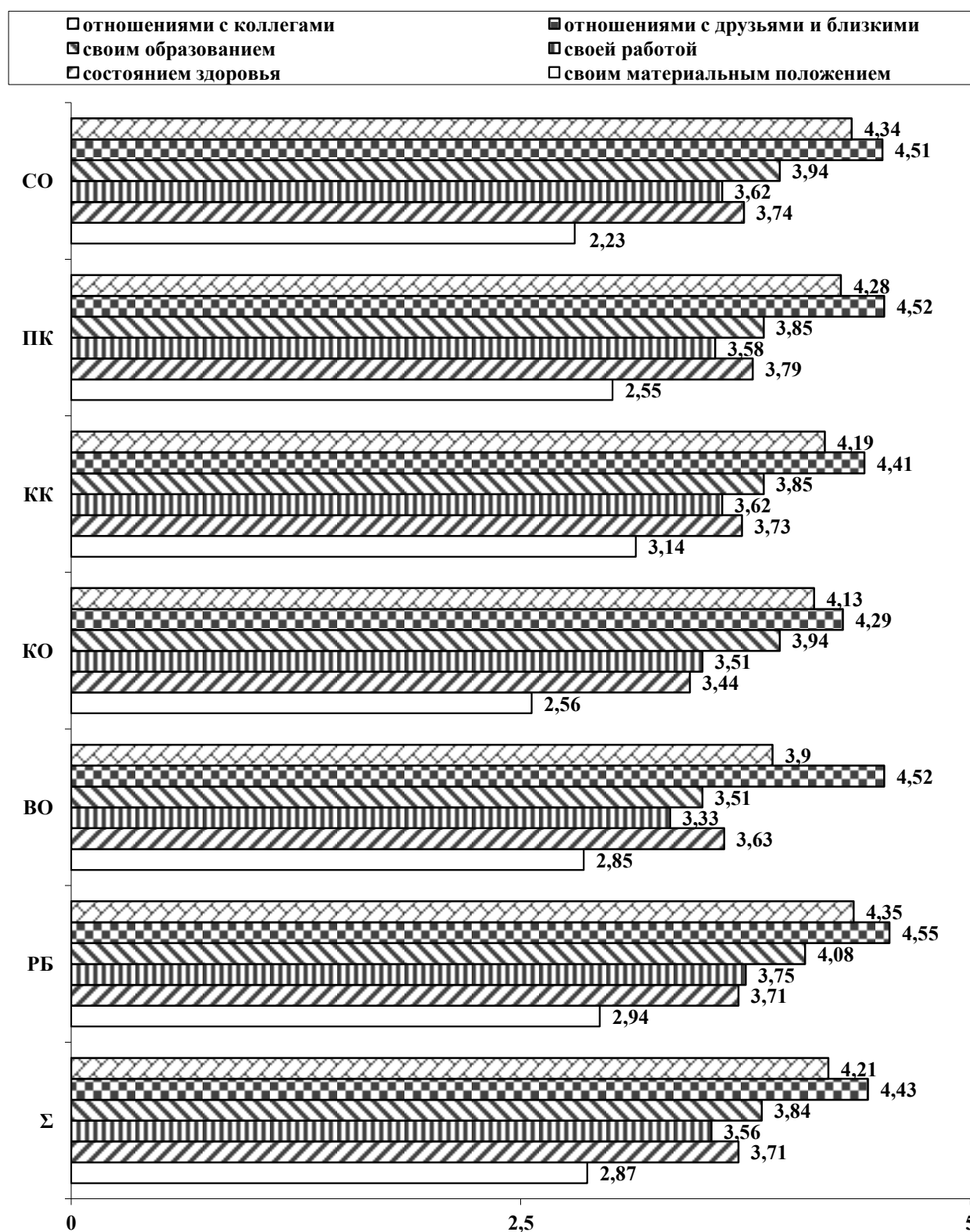


Рис. 1.12. Средняя оценка удовлетворенности (или неудовлетворенности) различными сторонами своего социального положения (материальное положение, состояние здоровья, работа, образование) и своими отношениями с близкими и друзьями или с коллегами (в баллах) (по 5-балльной системе: : от 1 / наименее удовлетворен / до 5 / наиболее удовлетворен /)

Но ситуация, гораздо сложнее. Как показало федеральное исследование РОС (2016 г.), у студентов (а в выборке многие – вчерашние выпускники вузов и

колледжей) качественно меняется представление о справедливости и равенстве (в их оценках нет места для «уравнительных» настроений, основной ориентир – «справедливое неравенство», когда различия связаны с профессионализмом, квалификацией). Соответственно, и к заработку отношение не столько количественное («много» – «мало»), а как к мере оценки («достойная» – «недостойная») своего труда. И ответы наших респондентов скорее отражают несовершенство существующих систем оплаты труда, явно недостаточно учитывающих критерии квалификации и профессионального образования (таблица 1.9).

Таблица 1.9

Оценки удовлетворенности или неудовлетворенности своим материальным положением (по 5-балльной системе: от 1 / наименее удовлетворен / до 5 / наиболее удовлетворен /)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд. обл.
1 - полностью не удовлетворен	11,2	8,6	13,8	14,3	4,9	9,4	12,1
2 - скорее не удовлетворен	21,5	17,2	24,6	31,7	14,8	14,6	24,1
3 - в чем-то удовлетворен, в чем-то нет	40,6	49,5	32,6	39,7	46,9	46,5	38,7
4 - скорее, удовлетворен	22,2	21,5	21,0	12,7	28,4	24,9	21,9
5 - полностью удовлетворен	4,5	3,2	8,0	1,6	4,9	4,7	3,2

Это становится особенно понятным на фоне преобладающей удовлетворенности и своей работой, и полученным образованием (таблицы 1.10, 1.11).

Таблица 1.10

Оценки удовлетворенности или неудовлетворенности своей работой (по 5-балльной системе: от 1 /наименее удовлетворен/ до 5 /наиболее удовлетворен/),

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд. обл.
1 - полностью не удовлетворен	4,0	2,2	8,0	4,8	2,5	3,3	2,7
2 - скорее не удовлетворен	10,2	8,6	15,2	9,5	6,2	8,0	9,9
3 - в чем-то удовлетворен, в чем-то нет	29,5	28,0	30,4	31,7	30,9	33,3	26,8
4 - скорее, удовлетворен	38,5	34,4	28,1	38,1	48,1	38,0	43,6
5 - полностью удовлетворен	17,8	26,9	18,3	15,9	12,3	17,4	17,0

Таблица 1.11

Оценки удовлетворенности или неудовлетворенности своим образованием
(по 5-балльной системе: от 1/наименее удовлетворен/ до 5/наиболее
удовлетворен/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд обл.
1 - полностью не удовлетворен	2,6	0,0	4,9	1,6	1,2	3,3	2,0
2 - скорее не удовлетворен	6,9	4,3	13,8	11,1	7,4	3,8	4,7
3 - в чем-то удовлетворен, в чем-то нет	22,6	17,2	25,4	19,0	22,2	26,3	20,9
4 - скорее, удовлетворен	39,9	45,2	37,1	28,6	43,2	38,5	42,1
5 - полностью удовлетворен	28,0	33,3	18,8	39,7	25,9	28,2	30,3

Лишь один из семи респондентов (в целом по массиву) полностью или скорее не удовлетворен своей работой (несколько чаще /почти каждый четвертый/ неудовлетворенность работой отмечали респонденты-жители Волгоградской области). Напротив, больше половины респондентов в той или иной степени своей работой удовлетворены (чаще других /у каждых трех из пяти/ это отмечается в ответах респондентов-жителей Республики Башкортостан, Красноярского края и Свердловской области). Итак, работой в основном удовлетворены, а вот зарплатой – нет. Как долго будет сохраняться это противоречие, негативно влияющее на общее социальное самочувствие молодых людей, зависит не от социологов. Но хотелось бы привлечь к нему особое внимание.

Своим образованием респонденты также в основном удовлетворены. Полную или частичную неудовлетворенность им отметил лишь один из десяти респондентов (особенно мала среди них доля жителей Республики Башкортостан, Свердловской области, Пермского края). В целом соотношение удовлетворенных и не удовлетворенных образованием – 7:1 (по оценкам респондентов-жителей Республики Башкортостан – 18:1, Свердловской области – 10:1). Во многом результаты опроса по данному параметру близки к результатам многолетнего мониторинга свердловских студентов: ни на одном из этапов соотношение «удовлетворенность/неудовлетворенность выбранным вузом» не было ниже 4:1.¹

¹ СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л. Н. Банникова [и др.]; Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 301.

Вновь мы выходим на определенное противоречие. Устойчиво утвердилось в общественном мнении (и, к сожалению, подкрепляется данными статистики) положение, что половина выпускников вузов работают не по тем специальностям и профессиям, по которым обучались. Конечно, как социологи, не задав соответствующего вопроса, мы не можем полностью переносить такую ситуацию на наших респондентов. Но даже если среди них работающих не по полученной в вузе специальности и меньше, чем в среднем по стране, возникает парадокс: достаточно велико число молодых людей, удовлетворенных работой (хотя они работают не по полученной в системе профессионального образования профессии) и образованием (хотя их нынешняя работа нередко требует иного профессионального образования). Однако обращение к теориям «третьей профессиональной революции» (становление транспрофессионализма), «информационного общества», «общества знаний» и т.д. показывает, что реального парадокса тут и нет. Просто выясняется, что молодые люди (возможно, с подачи и при поддержке взрослых – родителей, педагогов и т.д.) четче реагируют на запросы будущего, чем успевает перестроиться система профессионального образования.

Наше исследование позволило выявить и важный в социальном плане тренд российского образования – его растущую доступность (таблица 1.12).

Таблица 1.12

Оценки насколько широки или ограничены возможности получить качественное образование или повысить свой образовательный уровень (по 5-балльной системе – от 1 /крайне ограничены/ до 5 /очень широки/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд обл.
1 - крайне ограничены	5,6	4,3	7,7	9,7	6,2	4,7	4,7
2 - скорее ограничены	11,8	5,4	15,5	19,4	8,6	12,7	10,6
3 - в чем-то ограничены, в чем-то нет	30,9	31,2	26,3	32,3	28,4	27,7	35,0
4 - скорее, широки	35,3	38,7	31,4	25,8	40,7	39,4	34,5
5 - очень широки	16,4	20,4	19,1	12,9	16,0	15,5	15,3

Каждый второй респондент (в диапазоне – среди жителей Республики Башкортостан – три из пяти / жителей Калужской области – два из пяти) оценил как достаточно широкие возможности получить качественное (!) образование.

При всей субъективности этих оценок они достаточно показательны. Не менее важна (с учетом все большей реализации принципа непрерывного образования) и поддержка второй стороны вопроса – возможности повысить свой образовательный уровень. Особенно заметна позиция респондентов, если представить средне-балльную оценку по данному параметру (рис. 1.13).

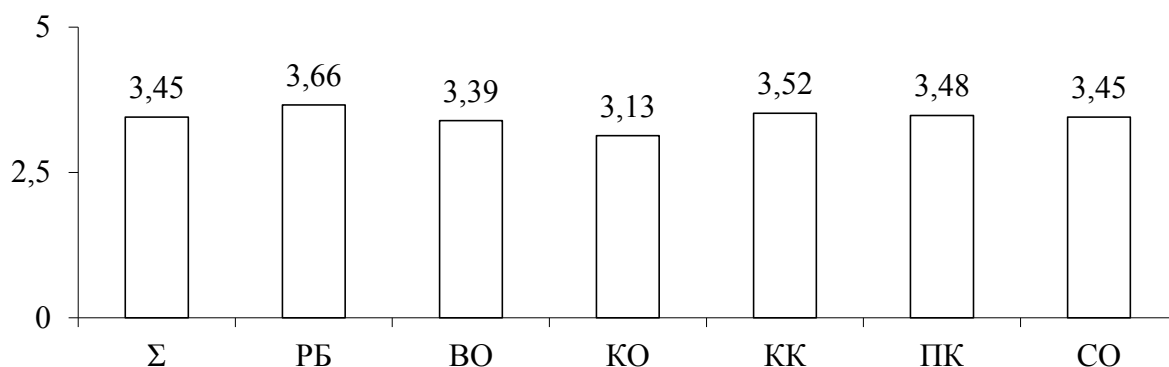


Рис. 1.13. Средняя оценка респондентами широты или ограниченности возможностей получить качественное образование, повысить уровень образования (по 5-балльной системе: от 1 /наименее удовлетворен/ до 5 /наиболее удовлетворен/)

Несколько иной аспект социального потенциала молодежи позволил выявить вопрос об удовлетворенности своим здоровьем (таблица 1.13).

Таблица 1.13

Оценки удовлетворенности или неудовлетворенности состоянием своего здоровья (по 5-балльной системе: от 1 /наименее удовлетворен/ до 5 /наиболее удовлетворен/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд. обл.
1 - полностью не удовлетворен	2,3	2,2	4,0	6,3	1,2	1,9	1,2
2 - скорее не удовлетворен	8,1	4,3	15,2	9,5	6,2	4,2	7,1
3 - в чем-то удовлетворен, в чем-то нет	25,0	29,0	19,6	31,7	27,2	23,0	26,6
4 - скорее, удовлетворен	45,8	49,5	36,6	38,1	49,4	54,5	46,1
5 - полностью удовлетворен	18,8	15,1	24,6	14,3	16,0	16,4	19,0

Два из трех респондентов полностью или частично удовлетворены состоянием своего здоровья. Чуть чаще (семь из каждых десяти) такую самооценку дают респонденты-жители Пермского края, чуть реже (каждый второй) – жители Калужской области. В целом соотношение удовлетворенных и не

удовлетворенных – 6:1 (среди жителей Республики Башкортостан 10:1, жителей Свердловской области – 8:1).

Достаточно высоко оценивают наши респонденты и возможности поддерживать здоровье на необходимом уровне, вести здоровый образ жизни.

Лишь один из семи оценил такие возможности как ограниченные (в ответах респондентов-жителей Республики Башкортостан и Пермского края таких оценок еще меньше – у одного из десяти). Более часто (каждый четвертый-пятый) ограниченность возможностей вести здоровый образ жизни отмечали жители Волгоградской и Калужской областей (таблица 1.14; рис. 1.14).

Таблица 1.14

Оценки, насколько широки или ограничены возможности поддерживать здоровье на необходимом уровне, вести здоровый образ жизни (по 5-балльной системе – от 1 /крайне ограничены/ до 5 /очень широки/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд. обл.
1 - крайне ограничены	3,9	3,2	5,2	4,8	2,5	3,8	3,7
2 - скорее ограничены	10,6	6,5	20,1	16,1	9,9	6,1	8,6
3 - в чем-то ограничены, в чем-то нет	28,2	25,8	21,6	32,3	29,6	21,1	34,7
4 - скорее, широки	36,9	43,0	28,9	33,9	44,4	43,2	35,0
5 - очень широки	20,4	21,5	24,2	12,9	13,6	25,8	18,0

И вновь для большей наглядности приведем средне-балльные оценки по данному параметру (рис. 1.14).

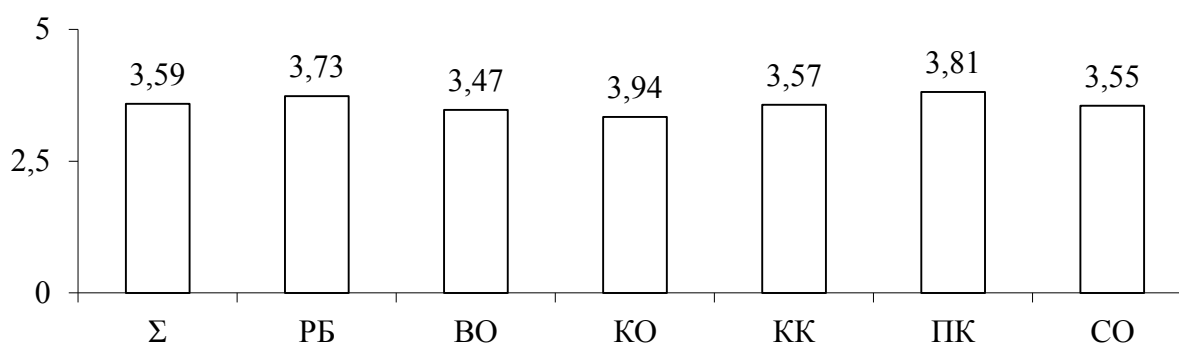


Рис. 1.14. Средняя оценка респондентами широты или ограниченности возможностей поддерживать нормальный уровень здоровья, вести здоровый образ жизни (по 5-балльной системе – от 1 /крайне ограничены/ до 5 /очень широки/)

Полученные нами результаты отражают общее позитивные изменения в отношении российской молодежи к занятиям физкультурой и спортом в последние годы. Безусловно, сказалось и возрождение системы ГТО, и проведение в нашей стране международных соревнований (Олимпиада, Универсиада, Чемпионат мира по футболу и др.), массовых соревнований («Кросс наций», «Лыжня России» и др.).

Но картина будет не полной, если, отметив удовлетворенность своих респондентов здоровьем и возможностями его поддержания на нормальном уровне, мы обойдем результаты наших предыдущих исследований¹ (проблематика данного исследования и не предполагала более глубокого изучения здорового образа жизни молодежи). А эти исследования выявили немало проблем. Прежде всего, здоровье для многих молодых – ценность, но преимущественно вербальная. Ставя здоровье на вершину иерархического ряда ценностей, они зачастую пренебрегают здоровьем сберегающими технологиями и отдают дань вредным привычкам, разрушающим здоровье. Одновременно проявляется и искаженное понимание здоровья как неисчерпаемого ресурса. И, наконец, что очень важно для данного исследования: при переходе («транзите») от учебных заведений к трудовым коллективам происходит резкий перепад (спад!) активности занятий физкультурой и спортом.

В иерархии ценностей современной молодежи особое место занимают коммуникативные ценности. Поэтому достаточно высокая удовлетворенность отношениями с близкими, друзьями и коллегами предполагалась. Но реальность оказалась выше ожиданий (таблица 1.15-1.16).

¹Вишневский Ю. Р., Боронина Л. Н., Белова О. Р. Валеологическая культура студенчества: тенденции и перспективы //Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития: сб. матер. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 19-20 сентября 2013. С. 200-211; Вишневский Ю. Р., Боронина Л. Н., Белова О. Р., Нархов Д. Ю. Валеологическая и физическая культура: теоретико-методологический анализ // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2. С. 123-131; Отношение жителей Свердловской области к физической культуре и спорту. Итоги социологического мониторинга / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013.324 с.; и др.

Таблица 1.15

Оценки удовлетворенности или неудовлетворенности отношениями с близкими и друзьями (по 5-балльной системе: от 1 /наименее удовлетворен/ до 5 /наиболее удовлетворен/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд. обл.
1 - полностью не удовлетворен	1,1	0,0	2,7	1,6	1,2	1,4	0,2
2 - скорее не удовлетворен	2,5	1,1	5,8	4,8	2,5	0,0	2,0
3 - в чем-то удовлетворен, в чем-то нет	8,2	5,4	16,5	6,3	7,4	7,5	5,2
4 - скорее, удовлетворен	28,6	31,2	20,1	38,1	32,1	27,2	31,3
5 - полностью удовлетворен	59,5	62,4	54,9	49,2	56,8	63,8	61,3

Таблица 1.16

Оценки удовлетворенности или неудовлетворенности отношениями с коллегами (по 5-балльной системе: от 1 /наименее удовлетворен/ до 5 /наиболее удовлетворен/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд. обл.
1 - полностью не удовлетворен	1,3	2,2	2,2	0,0	1,2	1,4	0,7
2 - скорее не удовлетворен	3,6	1,1	9,4	7,9	1,2	1,9	1,7
3 - в чем-то удовлетворен, в чем-то нет	12,0	12,9	18,3	9,5	14,8	11,3	8,6
4 - скорее, удовлетворен	38,4	26,9	36,2	44,4	43,2	38,5	40,4
5 - полностью удовлетворен	44,6	57,0	33,9	38,1	39,5	46,9	48,5

Подавляющее большинство в той или иной мере удовлетворено своими отношениями с близкими и друзьями (в среднем по массиву три из каждых пяти полностью удовлетворены, даже среди респондентов-жителей Волгоградской и Калужской областей, чей уровень удовлетворенности несколько ниже, полностью удовлетворен этими отношениями каждый второй). К сожалению, в вопросе были объединены два разных типа отношения – внутрисемейные (с близкими – и в родительской семье, и в своей семье) и дружеские. Но в целом позитивные оценки наших респондентов позволяют сделать вывод, что слухи о растущей напряженности в отношениях родители – дети или о «кризисе молодой семьи «серьезно преувеличены», по крайней мере, в отношении исследуемой группы молодежи индустриальных районов России.

Чуть ниже удовлетворенность отношениями с коллегами, но и она достаточно велика – в среднем каждые восемь из десяти респондентов отметили свою удовлетворенность этими отношениями (среди респондентов-жителей Свердловской уровень удовлетворенности еще выше – почти у каждой девяти из десяти). Возможно, это связано с отраслевой структурой выборки, именно в этих отраслях широко распространены современные технологии, для работника более значимо образование, а не только опыт. Возрождение этих отраслей потребовало значительного притока молодых кадров с профессиональным образованием. По крайней мере, ответы респондентов позволяют говорить, что их адаптация в трудовых коллективах проходит сравнительно успешно. И это позитивно влияет на их социальное самочувствие.

В «информационном обществе» не только возрастает роль СМИ и Интернета, для социокультурного развития личности особую значимость приобретает возможность получать достоверную и объективную информацию о событиях и фактах общественной жизни. Как же наши респонденты оценили ее?

Почти треть (в ответах респондентов-жителей Калужской и Свердловской областей такие оценки встречаются еще чаще) отмечает, что их возможности получать достоверную и объективную информацию весьма ограничены (таблица 1.17). Поскольку речь идет об образованной городской молодежи, эти критические настроения относятся не к узости источников и каналов информации, а отражают растущее недоверие молодых людей и к официальной информации, и к значительной части информации, распространяемой Интернетом.

Таблица 1.17

Оценки, насколько широки или ограничены возможности получать достоверную и объективную информацию о событиях и фактах общественной жизни (по 5-балльной системе – от 1 /крайне ограничены/ до 5 /очень широки/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд обл.
1 - крайне ограничены	11,3	6,5	14,9	21,0	6,2	5,6	13,3
2 - скорее ограничены	17,7	11,8	19,1	22,6	13,6	10,3	22,4
3 - в чем-то ограничены, в чем-то нет	31,6	29,0	32,5	25,8	33,3	36,6	29,6
4 - скорее, широки	27,8	35,5	19,1	21,0	38,3	35,7	25,1
5 - очень широки	11,5	17,2	14,4	9,7	8,6	11,7	9,6

Вряд ли такой критицизм можно однозначно оценивать негативно, ведь он говорит и о растущем (пока еще не очень массовом) стремлении осмыслить информацию – не только слушать, но и слышать, не только воспринимать, но и понимать.

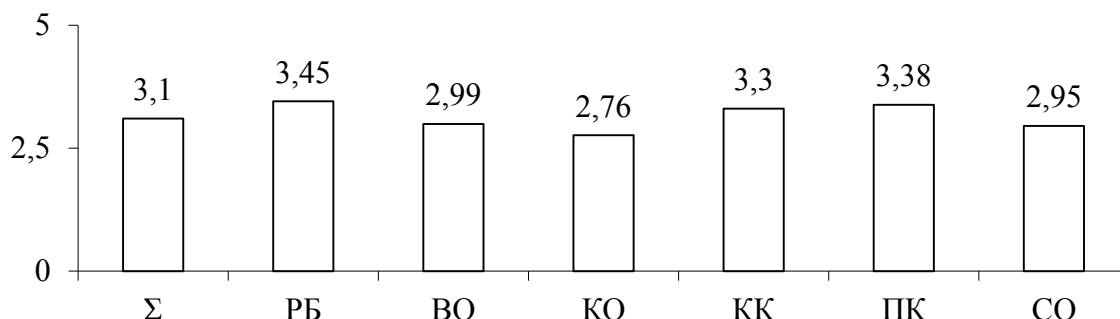


Рис. 1.15. Средняя оценка респондентами широты или ограниченности возможностей получать достоверную и объективную информацию о событиях и фактах общественной жизни

Важная предпосылка позитивного социального самочувствия молодых людей – ощущение ими своей социальной защищенности, гарантированное обеспечение их социальных прав и свобод, наличие социальной поддержки в трудных жизненных ситуациях. Анализ ответов респондентов показывает, что по этим аспектам жизни они сталкиваются с немалыми проблемами (таблица 1.18).

Таблица 1.18

Оценки насколько широки или ограничены возможности в обеспечении себе правовой защиты в случае необходимости (по 5-балльной системе – от 1/крайне ограничены/ до 5 /очень широки/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд. обл.
1 - крайне ограничены	13,3	6,5	10,8	27,4	6,2	6,1	19,2
2 - скорее ограничены	24,0	19,4	29,4	27,4	17,3	19,7	25,6
3 - в чем-то ограничены, в чем-то нет	40,2	39,8	34,5	27,4	49,4	49,3	38,4
4 - скорее, широки	16,7	31,2	14,9	14,5	23,5	18,8	12,1
5 - очень широки	5,7	3,2	10,3	3,2	3,7	6,1	4,7

Прежде всего, выясняется, что большинство отмечает ограниченность возможностей обеспечить себе правовую защиту. Лишь один из пяти респондентов оценивают свои возможности в обеспечении правовой защиты как более или менее широкие (особенно часто такие оценки встречаются в ответах

респондентов-жителей Республики Башкортостан – у каждого третьего; Красноярского и Пермского краев – у каждого четвертого). Но в целом мнение об ограниченности возможностей превалирует.

Это отражается и в относительно низкой средне-балльной оценке (рис. 1.16).

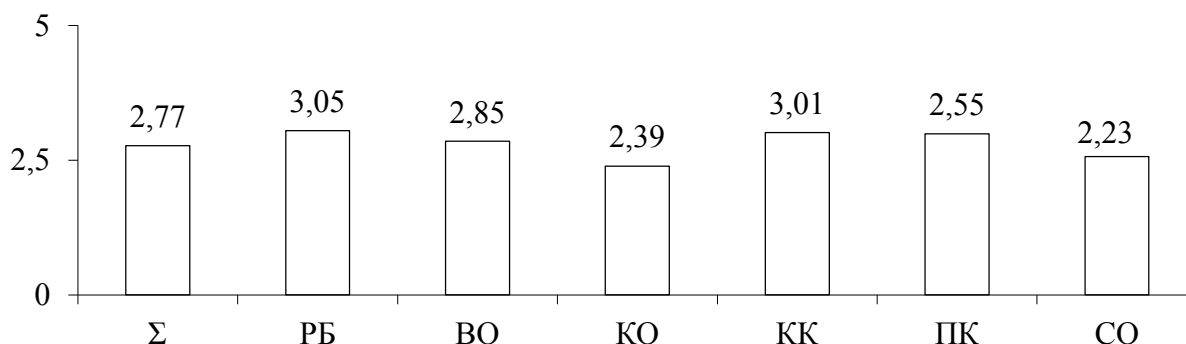


Рис. 1.16. Средняя оценка респондентами широты или ограниченности возможностей обеспечить себе правовую защиту (по 5-балльной системе – от 1/крайне ограничены/ до 5 /очень широки/)

Лишь в ответах респондентов-жителей Республики Башкортостан и Красноярского края средняя оценка достигает 3 баллов. Самые низкие оценки в ответах респондентов-жителей Свердловской и Калужской областей. Самооценки респондентов вызывают особую тревогу с учетом выявленной нашими предыдущими исследованиями тенденцией – растущим стремлением молодежи защищать свои права с помощью не крайних мер (забастовки, голодовки, пикеты, демонстрации и митинги), в правовых формах.

Весьма узким оказался и круг социальной поддержки молодежи. Как видим (таблица 1.19), этот круг в основном ограничивается родными, близкими, друзьями и коллегами. Но если на помощь родных и близких рассчитывают все (почти все), то на дружескую поддержку надеются лишь трое из каждых пяти, на помощь коллег – только каждый четвертый. Опосредовано опрос отразил снижение значимости для молодых людей соседских отношений, что связано с урбанизацией и возросшей мобильностью молодежи. Не останавливаясь на этом подробнее, отметим – лишь немногие рассчитывают на помощь соседей.

Таблица 1.19

На чью помощь могут рассчитывать, когда возникают трудности и неудачи в жизни? В % по массиву и по регионам

Варианты ответов	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд. обл.
родных, близких	96,2	96,2	96,9	95,2	92,6	97,2	96,1
друзей	60,1	60,1	58,5	54,0	63,0	63,8	62,1
коллег	23,7	23,7	21,0	30,2	23,5	28,2	24,9
знакомых и соседей	3,0	3,0	3,6	4,8	2,5	4,2	2,5
администрации предприятия, на котором работаете	5,6	5,6	5,8	6,3	11,1	3,3	3,4
органов муниципальной власти	0,6	0,6	0,4	1,6	0,0	0,5	1,0
органов государственной власти	1,7	1,7	0,9	0,0	1,2	2,8	2,2
общественных и благотворительных организаций	1,2	1,2	0,9	1,6	2,5	1,4	1,0

Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в итоге больше 100 %

Конечно, то, что молодые не очень рассчитывают на помощь администрации своих предприятий, органов власти и местного самоуправления, общественных организаций и фондов, еще не означает отсутствия такой помощи. Но выявляется и проблема недостаточной информированности молодежи о возможностях и условиях ее предоставления и получения. Однако в ответах респондентов прослеживается (как отражение специфики выборки – опрашивались работники крупных промышленных предприятий, уже получившие среднее или высшее профессиональное образование) и позитивная тенденция – в молодежной среде (особенно в старшей возрастной молодежной группе) преодолеваются иждивенческие настроения, усиливается стратегия «опоры на собственные силы», на самостоятельность.

Поддержать и углубить эту тенденцию – сегодня одна из важнейших задач. И наиболее оптимальный путь ее решения – расширить возможности для самореализации молодых людей, для реализации их профессионального и инновационного потенциала. Поскольку в дальнейшем эта проблематика получит развитие в конкретном анализе, мы завершим главу характеристикой самооценок респондентами этой возможности (таблица 1.20-1.21).

Таблица 1.20

Оценки, насколько широки или ограничены возможности реализовывать свой профессиональный потенциал (по 5-балльной системе – от 1 /крайне ограничены/ до 5 /очень широки/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Свердл. обл.
1 - крайне ограничены	5,1	3,2	9,3	8,1	2,5	2,3	5,2
2 - скорее ограничены	11,9	5,4	17,0	24,2	12,3	7,5	11,3
3 - в чем-то ограничены, в чем-то нет	31,1	35,5	27,3	22,6	37,0	32,4	31,3
4 - скорее, широки	36,0	35,5	28,4	35,5	33,3	43,7	36,5
5 - очень широки	15,8	20,4	18,0	9,7	14,8	14,1	15,8

Таблица 1.21

Оценки, насколько широки или ограничены возможности внедрять или использовать новшества (по 5-балльной системе – от 1 /крайне ограничены/ до 5 /очень широки/)

Варианты оценок	По массиву	Регионы					
		Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Свердл. обл.
1 - крайне ограничены	8,7	4,3	18,0	9,7	4,9	3,8	8,4
2 - скорее ограничены	17,1	11,8	18,6	27,4	18,5	16,0	16,3
3 - в чем-то ограничены, в чем-то нет	35,5	43,0	30,9	32,3	40,7	34,3	36,0
4 - скорее, широки	27,6	26,9	18,0	21,0	19,8	36,2	30,3
5 - очень широки	11,2	14,0	14,4	9,7	16,0	9,9	9,1



Рис. 1.17. Средняя оценка респондентами широты или ограниченности возможностей реализовать свой профессиональный потенциал и внедрять или использовать новшества (по 5-балльной системе – от 1/крайне ограничены/ до 5 /очень широки/)

Итак, лишь один из шести респондентов оценивает свои возможности реализовать профессиональный потенциал как полностью или скорее ограниченные (чаще, чем в среднем, такие оценки встречаются в ответах респондентов-жителей Калужской области /у каждого третьего/ и Волгоградской области /у каждого четвертого/; напротив, значительно реже /у одного из десяти/ она встречается в ответах респондентов-жителей Республики Башкортостан и Пермского края). Преобладает же, и в целом, и по всем исследуемым регионам, мнение – такие возможности достаточно широки.

Чуть ниже самооценки возможностей внедрять или использовать новшества (особенно в ответах респондентов-жителей Калужской и Волгоградской областей), но и они в целом характеризуют эти возможности как более или менее широкие. Возможно, в этих самооценках проявляется понимание, что инновации (в отличие от профессионального потенциала личности) в большей мере зависят от коллективных усилий. Но в любом случае такие высокие самооценки – один из самых позитивных результатов исследования.

Завершая первый раздел монографии, посвященный анализу социальной группы молодежи как ресурса инновационного развития регионов, отметим следующее.

Молодежи, как наиболее перспективной в плане восприятия и создания инноваций социальной группе, свойственна ориентация на перспективу или «поведение будущего». Следовательно, в условиях усиливающейся неопределенности и динамичности современных обществ, повышается потребность в постоянном отслеживании различных аспектов этого поведения.

Произошедшая трансформация молодежных культурных стандартов обуславливает востребованность новых способностей и новых ожиданий у молодых людей. Особую роль в этом процессе сегодня играют технологические инновации, связанные прежде всего с коммуникацией. Они ведут к появлению новой связи между индустрией и информацией, а молодежь становится в наибольшей степени агентом будущих трансформаций.

Исследование молодежи индустриальных регионов, – ее социального самочувствия и настроений, – показало ряд интересных фактов и тенденций.

В целом для работающей молодежи характерен оптимизм в оценке общей удовлетворенности жизнью и ощущение уверенности в завтрашнем дне. Но при переходе к оценкам конкретного положения дел в различных сферах общества (экономике, политике, социальной сфере и сфере культуры) этот оптимизм значительно снижается.

Наиболее негативно молодые люди оценивают состояние дел в экономике, при этом у значительной части молодежи прослеживается неудовлетворенность важным показателем социального самочувствия – личным экономическим статусом.

Социальное самочувствие молодежи имеет региональную специфику. Выделились регионы с наиболее высокими оценками социального самочувствия – Красноярский и Пермский Край, и регионы, молодежь которых оценивает текущую ситуацию и текущее положение дел в разных сферах общества довольно пессимистично – Свердловская и Калужская область. Таким же образом, регионально дифференцирована уверенность молодежи в завтрашнем дне и оценка своих возможностей. Во многом эти региональные различия в мнениях и оценках молодых работников объясняются особенностями социально-экономического развития индустриальных регионов, их текущим положением на траектории модернизационного процесса. Эти вопросы подробнее рассмотрены в последующих главах нашей монографии.

2. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

2.1. Инновационный потенциал: особенности социологического подхода

Реализация стратегии и программ развития страны через ее инновационное обновление актуализирует интерес исследователей к институциональным аспектам инноватики. Как отрасль научного знания, инноватика занимается сущностными вопросами инновационной деятельности, организации и управления инновационными процессами. По своей этимологической природе инноватика междисциплинарна. Она рассматривает базовые категории своей предметной области, используя достижения различных научных дисциплин.

Первичной и основополагающей категорией этой науки является понятие инноваций, вошедшее в обиход экономической теории в начале XX века. Основоположником инновационной теории по праву считается австрийский ученый Йозеф Шумпетер. По Шумпетеру, инновация, как экономическая категория, представляет собой использование существующих ресурсов (в первую очередь, производственных) новыми способами, «новыми комбинациями»¹. Реализуя процессный подход, Шумпетер под инновациями понимает не только использование новых видов сырья, ввод новых продуктов и внедрение новых технологий, но и изменения в организации производства и ведении бизнеса, а также освоение новых рынков сбыта. Принципиальным отличием инноваций/нововведений является использование результатов научно-технической деятельности/новшеств с последующим получением эффектов от их использования. По мнению Шумпетера, инновационная идея возникает на стыке научно-технической и предпринимательской активности. Основная цель инноваций – создание новых или усовершенствованных объектов, приносящих экономический эффект.

Одна из значимых характеристик инноваций – их массовый характер. Так Ф. Котлер, развивая идеи Шумпетера, рассматривает инновацию «как идею, товар

¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. С. 34.

или технологию, запущенные в массовое производство и представленные на рынке, которые потребитель воспринимает как совершенно новые или обладающие некоторыми уникальными свойствами»¹. Маркетинговый подход расширяет понимание инноваций, акцентируя внимание на востребованности и коммерциализации новшеств, идентифицируемой собственно с инновационной деятельностью.

В отечественной управленческой практике понятия «инновации» и «инновационная деятельность» стали активно использоваться в 90-е годы. В науке институционализируется инновационный менеджмент; в практике инновации становятся объектом управления, в том числе и на макроуровне. Так, Концепция государственной инновационной политики РФ 1998 года закрепляет категориальный аппарат инновационного менеджмента. Инновация (нововведение) определяется как «конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности»². Инновационная сфера в Концепции рассматривается как «область деятельности производителей и потребителей инновационной продукции (работ, услуг), включающая создание и распространение инноваций»³. Инновационная деятельность трактуется как «процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки»⁴. Роль государства в инновационной сфере сводится к регулированию и поддержке инновационной деятельности. Основные

¹ Котлер Ф. Основы маркетинга: Пер. с англ. В. Б. Боброва. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

² О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998 - 2000 годы: постановление Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832. Режим доступа: <http://base.garant.ru/179112/#ixzz5Tskw2MRm> (дата обращения 14.10.2018).

³ Там же.

⁴ О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998 - 2000 годы: постановление Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832. Режим доступа: <http://base.garant.ru/179112/#ixzz5Tskw2MRm> (дата обращения 14.10.2018).

механизмы государственного регулирования – методы стимулирования рынка наукоемкой продукции, активизации обновления основных фондов, внедрения новых технологий в промышленности, создание инфраструктуры поддержки, финансового механизма функционирования венчурного капитала и фондового рынка высокотехнологичных предприятий.

Несмотря на принятый за прошедшие годы целый ряд федеральных и региональных нормативно-правовых актов, в экономике России сохраняется низкий спрос на инновации со стороны частного и государственного сектора. Уровень инновационной активности предприятий существенным образом уступает показателям лидирующих в этой сфере стран. Принятая в 2011 году «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» отмечает в качестве критической для инновационного развития страны состояние человеческого капитала. В Стратегии отмечается, что доминирование наименее передовых типов инновационного поведения характеризует российскую инновационную систему как имитационную, ее содержание не направлено на создание радикальных нововведений и новых технологий¹. Как следствие, основные задачи Стратегии связаны с развитием «кадрового потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций; повышением инновационной активности бизнеса и ускорение появления новых инновационных компаний»². Ключевой вопрос Стратегии – наращивание инновационного потенциала субъектов инновационной деятельности.

Одним из современных подходов в инноватике является объектно-процессный подход, в контексте которого инновации, точнее инновационная деятельность, выступают как объект управления в единстве их результативных и процессных характеристик. В конечном счете, объектом и результатом внедрения новшеств должно стать развитие социально-экономической системы различного масштаба – предприятия, города, региона, страны. Экономическое содержание инновационного потенциала связано с признанием его в качестве фактора

¹Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 г. № 2227-р. Режим доступа: <http://base.garant.ru/179112/#ixzz5Tskw2MRm> (дата обращения 14.10.2018).

² Там же.

инновационного производства, который способствует созданию условий эффективного использования ресурсов и технологий, стимулирует развитие конкурентной среды и экономический рост на микро-, мезо- и макроуровнях¹. В объектно-ориентированной парадигме (дифференциация инновационного потенциала по носителю инновационного потенциала) наиболее проработанным и общепринятым понятием является «инновационный потенциал фирмы (предприятия)», трактуемый как совокупность характеристик организации, определяющих ее способность к осуществлению деятельности по созданию и практическому использованию нововведений»².

Территориальные характеристики инновационного потенциала в значительной мере дискуссионны. Один из примеров – определение инновационного потенциала региона, данное в современном экономическом словаре. Инновационный потенциал региона – это «совокупность различных видов ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности»³. Дефиниция настолько универсальна, что соотносится с любым носителем инновационной деятельности. Аналогичный пример касается инновационного потенциала страны. Так, А. А. Давыдов, обобщая позиции известных зарубежных исследователей⁴, приводит следующее определение: «Под инновационным потенциалом страны понимаются возможности для создания, разработки, внедрения и распространения полезных новшеств (новых знаний, идей, технологий, товаров, услуг, методов управления, процессов, социокультурных

¹ Антоненко И. В. К разработке программы долгосрочного социально- экономического развития России // Проблемы перехода к инновационной экономике. 2010. № 1 (33). С. 33. (С. 33-37). Режим доступа: <http://www.m-esopomy.ru/art.php?nArtId=2959> (дата обращения 14.10.2018).

² Луков В. А., Луков С. В., Погорский Э. К. Российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: подходы к исследованию // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 1. (январь – февраль).

³ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. "Современный экономический словарь. М. (ИНФРА-М, 2011). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/ (дата обращения 14.10.2018).

⁴ Bruijn H., Voort H., Dicke W., Jong M., Veeneman W. Creating System Innovation: How Large Scale Transitions Emerge. N. Y.: Taylor & Francis, 2004.; Geels F. Technological Transitions and System Innovations: A Co-evolutionary and Socio-technical Analysis. N.Y.: Edward Elgar Publishing, 2005; КотлерФ. Основы маркетинга: Пер. сангл. В. Б. Боброва. М.: Прогресс, 1991. 736 с.; Lundvall B. National Systems of Innovation: Toward a Theory of Innovation and Interactive Learning. N. Y.: AnthemPress, 2010.

образцов и т.д.)»¹. По мнению ряда авторов, подобные территориальные определения потенциала используют понятия («совокупность ресурсов», «возможности для создания», «совокупность характеристик»)², существенно отличающиеся между собой, без (добавляя от себя) погружения их в диалектический контекст «общего и особенного», предложения единой методологии. Одна из причин сложившейся ситуации – многоаспектность и разнообразие эффектов проявления инновационного потенциала.

Обобщение теоретического материала показывает, что конкретизация характеристик инновационного потенциала наиболее удачно осуществляется в многочисленных попытках экономистов определить виды и типы потенциала. Как правило, типология классификационных признаков инновационного потенциала производится на основе функционального, структурного и ресурсного подходов, что позволяет выделить его типы, классы, подклассы, виды и подвиды. Функциональный подход выявляет «закономерности инновационного процесса – производство инновационного продукта, его обмен, распределение, потребление и возобновление цикла инновационного процесса»³. В структурном подходе выделяются ресурсная, внутренняя и результативная его составляющие. Ресурсный компонент через совокупность различного рода ресурсов (кадровых, финансовых, технологических, материальных) определяет готовность носителя к инновационной деятельности. Внутренняя составляющая идентифицирует способность субъекта к инновационной деятельности, его готовность преобразовывать ресурсы в инновационный продукт. Результативный – отражает «достигнутый уровень инновационного потенциала (степень инновационной и

¹Давыдов А. А. Инновационный потенциал России: настоящее и будущее // ФГБОУ ВПО «Институт социологии Российской академии наук» Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_modern_3.html (дата обращения 14.10.2018).

²Бондарева Е. В., Грошева А. Р., Грошева Т. А., Овчаренко А. М. Инновационный потенциал региона // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6828> (дата обращения: 14.10.2018).

³Антоненко И. В. К разработке программы долгосрочного социально-экономического развития России // Проблемы перехода к инновационной экономике. 2010. № 1 (33). С. 33. (С.33-37). Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2959> (дата обращения 14.10.2018).

инвестиционной активности патентная эффективность, обеспеченность передовыми технологиями и др.)»¹.

Наиболее развернутая и системная классификация в этой методологии представлена в работах И. В. Антоненко². Дифференциация инновационного потенциала осуществляется по критериям функциональности, структурности, уровня, динамичности, что позволило автору выделить следующие виды и подвиды инновационного потенциала³:

- по функциям – исследовательский потенциал, потенциал развития и внедрения;
- по структуре – исходя из отраслевой принадлежности субъекта;
- по уровню (локальный, региональный, национальный);
- по динамике – исходя из темпов осуществления инновационного потенциала (нарастающий, затухающий, равномерный).

Представленная типология позволяет, по признанию самого автора, «выделить содержательные характеристики инновационного потенциала, определить его особенности и специфические черты, ... но не может охватить все критерии его внутрисистемного деления»⁴.

Дополнительные возможности исследования инновационного потенциала открывает социологическая наука. Исследование инновационной проблематики в социологии выделено в отдельную отраслевую предметную область – социологию инноваций. Это специальная социологическая теория среднего уровня, которая изучает инновационные процессы как «феномен общественной жизни, связанный с материально-предметной и духовной деятельностью людей, в процессе которой они создают новые объекты культуры, а также разрабатывают и осваивают не существовавшие ранее способы производства различных благ»⁵.

Анализ теоретического дискурса социологии инноваций показывает, что на категориальном, контентном и контекстном уровнях доминирует «экономический

¹Там же.

²Там же.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Кобяк О. В. Социология инноваций / Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко и др. Мн.: Книжный Дом. 2003. С. 1021.

крен»¹, соответствующий лучшим традициям современного мейнстрима с его экономическим империализмом (работы А. П. Бунича, С. В. Валдайцева, А. Е. Варшавского, А. Л. Гапоненко, С. Ю. Глазьева, В. В. Ивантера, В. Л. Иноземцева, Г. Б. Клейнера, Г. А. Краюхина, Р. А. Фатхутдинова, В. В. Яновского). Экономический контекст экстраполируется на эмпирические исследования, которые сконцентрированы преимущественно на корпоративном аспекте инновационной деятельности. Объектом эмпирических исследований выступают инновационный климат организаций, технология управления инновациями, типология инновационных процессов. Как результат, социологические представления, следуя легитимизированной идентификации инноваций только с инновациями технологическими, носят ограниченный и фрагментарный характер. Вне поля зрения исследователей зачастую остаются ресурсные возможности социологического познания инновационной проблематики в контексте его собственного предметного поля.

Вместе с тем, любые технические и технологические инновации укорены в социальной структуре (М. Грановетер²), в конкретной институциональной и индустриальной среде (М. Кастельс³). Инновационная деятельность является совместной, коллективной деятельностью. Дифференцированность полисубъектной и полиобъектной целостности обуславливает применение системной методологии – рассмотрение разнородных по своей институциональной принадлежности компонентов инновационной деятельности как целостного комплекса, а также выявление каналов, границ, механизмов их взаимного влияния⁴. В социологии освоение целостности инновационной проблематики может и должно осуществляться на полипарадигмальной основе –

¹Шилов И. Н. Инновационная среда как объект социологического анализа // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 6. С. 114-119. Режим доступа: <https://vestnik.utmn.ru/> (дата обращения 14.10.2018).

²Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности». Перевод М. С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-deystvie-i-sotsialnaya-struktura-problema-ukorenennosti> (дата обращения 14.10.2018).

³Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения 14.10.2018).

⁴Шилов И. Н. Инновационная среда как объект социологического анализа // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 6. С. 118. Режим доступа: <https://vestnik.utmn.ru/> (дата обращения 14.10.2018).

средовом (территориальном, отраслевом), институциональном и субъектном (общностном) подходах.

Средовая парадигма социологического анализа инновационного потенциала. В контексте средового подхода «цель управления инновационной средой – достижение функционально-ценностного единства входящих в нее объектов и систем»¹. Средовая парадигма может быть представлена территориальными и отраслевыми аспектами.

Регион, как пространственная, территориальная социально-экономическая система, обладает свойствами целостности. Структуру региональной среды можно представить различными способами. Например, независимо от масштаба, любой регион включает в себя в качестве подсистем муниципальные образования, на территории которых располагаются хозяйствующие субъекты, инфраструктура и различные ресурсы². Регион можно представить, как территорию, обладающая единым социальным, экономическим, культурным, естественноисторическим и политическим пространством. Регион можно охарактеризовать через ³:

- своеобразие природных условий (природный потенциал);
- состав населения (социально-демографический потенциал);
- бытовые традиции (культурный потенциал);
- специализацию производства и обмена товаров и услуг, количество и структуру рабочих мест (экономический потенциал);
- социальную инфраструктуру, дифференцированный уровень, качество жизни различных слоев населения (социально-экономический потенциал);
- организацию политико-административного управления (политический потенциал) и т.п.

В средовой парадигме одной из значимой теоретико-методологической и прикладной актуальной проблемы является оценка инновационного потенциала

¹Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. 256 с.

²Черкасов П. С. Регион как социально-экономическая система // Проблемы современной экономики. 2013. № 2 (46). С. 212-214. Режим доступа: cyberleninka.ru/Gpnti/n/region-kak-sotsialno... (дата обращения 14.10.2018).

³ Там же.

региона. Как правило, величину инновационного потенциала определяют через его подвиды, различные системы потенциалов¹:

- производственно-технологический;
- кадровый;
- информационный;
- финансовый;
- научно-технический;
- организационный;
- управленческий потенциал.

Однако, согласно закону синергии, потенциал любой системы больше простой суммы потенциалов, входящих в нее ресурсов². Как справедливо отмечают тюменские исследователи, отсутствие завершенного теоретического осмысления инновационного потенциала приводит к отсутствию системности в построении стратегий его развития и управления³. Они же предлагают принципиально иной методологический подход к оценке регионального инновационного потенциала. В основе подхода – темпоральные характеристики потенциала. По их мнению, инновационный потенциал региона представляет собой «пространственно-временную функцию, описывающую возможность с определенной вероятностью получения инновационного продукта в конкретной социально-экономической системе»⁴. Мультипликативность функции отражает нелинейное развитие инновационного потенциала региона и позволяет опровергнуть сложившееся убеждение о том, что для создания условий «наиболее вероятного получения инновационного продукта в данной пространственно-временной системе»⁵ требуется «сосредоточение в ней максимального интеллектуального потенциала и

¹Бондарева Е. В., Грошева А. Р., Грошева Т.А., Овчаренко А.М. Инновационный потенциал региона // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6828> (дата обращения: 14.10.2018).

²Смирнов Э. А. Теория организации. М.: Инфра-М, 2003. 248 с.

³Бондарева Е.В., Грошева А.Р., Грошева Т.А., Овчаренко А.М. Инновационный потенциал региона // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6828> (дата обращения: 14.10.2018).

⁴Бондарева Е. В., Грошева А. Р., Грошева Т. А., Овчаренко А.М. Инновационный потенциал региона // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6828> (дата обращения: 14.10.2018).

⁵Там же.

создание максимально широкого спектра механизмов реализации этих интеллектуальных ресурсов» (пример – Сколково)¹.

Институциональная парадигма социологического анализа инновационного потенциала. В качестве предмета исследования могут выступать: правила и нормы институциональной среды; социальные практики в различных институциональных полях; организации, на уровне которых реализуются конкретные нормативные, поведенческие и организационные модели; когнитивные образы и ценностные представления, мотивационные установки и ожидания, выявляемые в процессе социологических исследований.

Общностная парадигма социологического анализа инновационного потенциала. Изучение габитусов различных социальных общностей в качестве диспозиций по отношению к инновациям позволяет выявить инновационные практики этих агентов, которые формируют инновационный потенциал региона.

Особое внимание в реализации общностной парадигмы, конечно, должно уделяться молодежи. Молодежь, как наиболее мобильная и динамичная социальная общность, представляет собой стратегический резерв и социальный ресурс модернизационных процессов. Молодежь – это интенсивная социальная проекция общества, фокус – группа будущего социума в целом. Проходящая начальную профессиональную социализацию, молодежь уже завтра будет активным субъектом социальной жизни, основной производительной и творческой силой общества.

Моделирование структуры инновационного потенциала молодежи, по мнению авторов исследования, должно осуществляться на основе методологической взаимодополняемости средового, институционального и общностного подходов. Это позволит выявить особенности инновационного потенциала работающей молодежи индустриальных регионов России в диалектике объективного и субъективного, общего и особенного.

На рис. 2.1 представлена структура инновационного потенциала молодежи.

¹Там же.

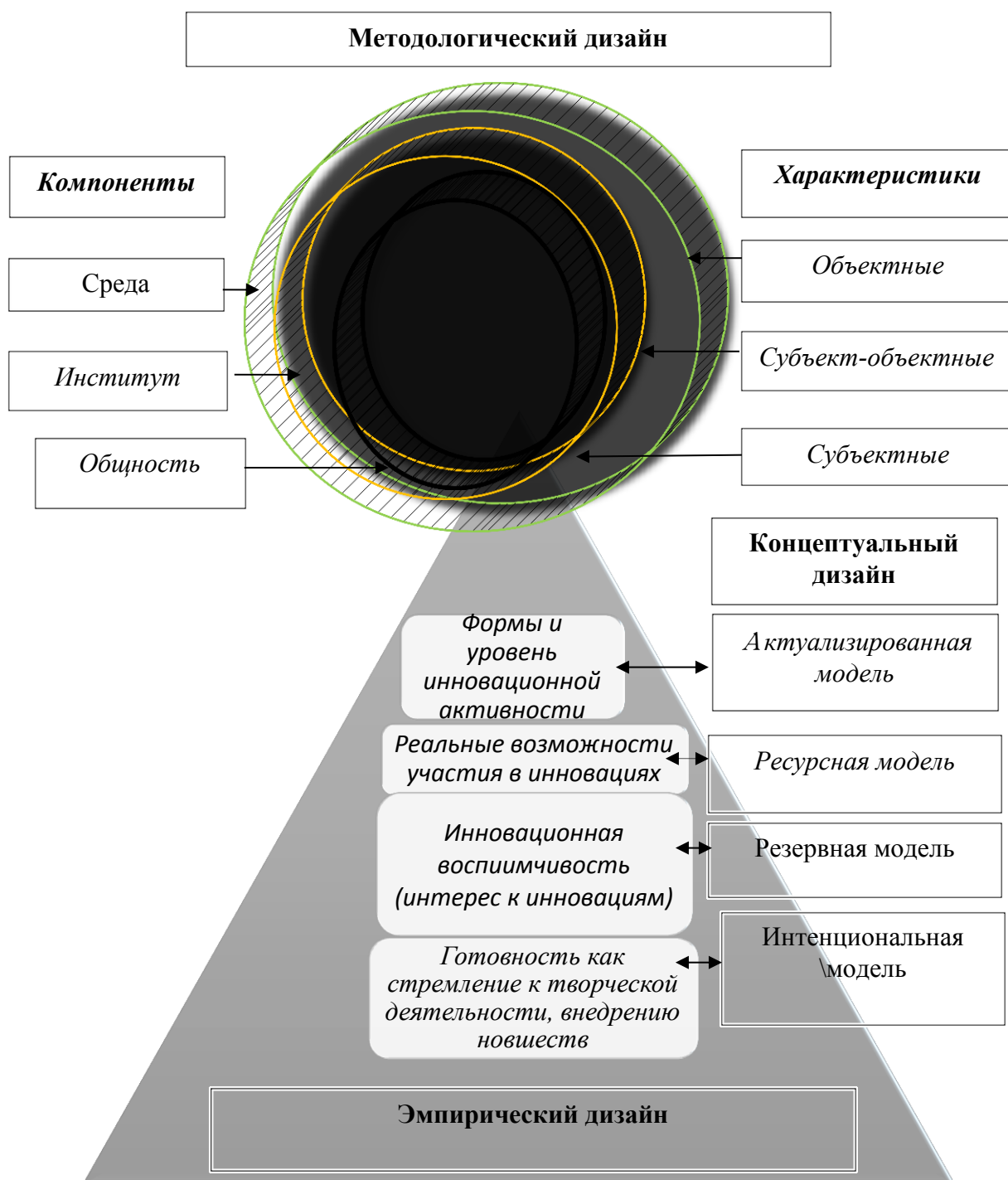


Рис. 2.1. Структура инновационного потенциала

Методологический дизайн моделируется совокупностью средовых, институциональных и общностных компонентов инновационного потенциала. Взятые в единстве, они демаркируются соответственно объектными, субъект-объектными и субъектными составляющими.

1. Средовые компоненты. Позволяют выявить объективные условия реализации инновационного потенциала работающей молодежи. В качестве

объективных условий выступают территориальные и отраслевые различия инновационного потенциала, те возможности и ограничения, в которых формируется и развивается инновационный потенциал работающей молодежи. Индустриальные регионы – это совокупность таких объективных условий, которые закладывают больше шансов и перспектив для реализации молодежи своего инновационного потенциала.

2. Институциональные компоненты. Направлены на выявление наиболее эффективных мер поддержки реализации инновационного потенциала работающей молодежи на макро- и микроуровнях – со стороны государства и корпоративных факторов влияния.

3. Общностные компоненты характеризуют общие особенности инновационного потенциала работающей молодежи и специфику различных отрядов работающей молодежи, способных стать агентами инновационного процесса.

В основу концептуального уровня было положено понимание потенциала в его различных значениях: потенциал как «резерв», «ресурс», «готовность», «реализованная возможность/способность». По результатам эмпирического исследования четыре концепта инновационного потенциала могут интерпретироваться в четырех соответствующих моделях – резервной, интенциональной, ресурсной и актуализированной. Каждая модель наполняется своими эмпирическими индикаторами:

- ✓ интенциональная модель отражает стремление молодежи, ее направленность на творческую деятельность, готовность к внедрению новшеств;
- ✓ резервная модель отражает инновационную открытость, восприимчивость субъекта, верифицируемую через интерес молодежи к инновационным процессам;
- ✓ ресурсная модель характеризует реальные возможности работающей молодежи участвовать в инновационной деятельности;

✓ актуализированная модель определяет уровень и формы инновационной активности через различные поведенческие модели (повседневная/бытовая и/или профессиональная инновационная активность).

2.2. Индустриальный регион как территория инновационного развития

Проблемы перевода экономики страны на инновационный путь развития остаются наиболее актуальными для современной России. За последние годы России удалось значительно улучшить свои позиции в ведущих международных рейтингах инновационной активности. Так, позиции страны существенно укрепились в рейтинге глобальной конкурентоспособности Global Competitiveness Index: Россия поднялась с 63 в 2010 г. до 38 места в 2017 г., рост показателя за год составил +5 позиций. За прошедшие восемь лет Россия прибавила 19 позиций в рейтинге развития инноваций Global Innovation Index, где по итогам 2017 года заняла 45 место.¹ Вместе с тем, по оценкам экспертов, на сегодняшний день прорыва в области инновационного развития экономики российских регионов не произошло. Сохраняется проблема невосприимчивости экономики и общества к инновациям, отсутствуют экономические механизмы, стимулирующих как инвестирование в инновационную сферу, в создание нововведений, так и их коммерциализацию. Невысокий уровень коммерциализации научных разработок – одно из ключевых ограничений инновационного развития России.² Доля инновационной продукции в общем выпуске составляет всего 8-9 %; инвестиции в нематериальные активы в России в 3-10 раз ниже, чем в ведущих государствах; доля экспорта российской высокотехнологичной продукции в мировом объеме экспорта составляет около 0,4 %.³ Технологические инновации в 2017 г. осуществляли менее 10 % от общего числа организаций промышленного

¹ Национальный доклад об инновациях в России 2017. Режим доступа: http://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf

² Там же.

³ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. N 642. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>

производства. В Германии показатель равен 58,9 %, Финляндии – 52 %; Франции – 46,5 %, Великобритании – 45,7 %, Дании – 39,4 %.¹

Согласно теории национальной конкурентоспособности М. Портера, государство на основе мобилизации первичных факторов на ресурсной стадии своего развития резко увеличивает использование импортируемых технологий и подготавливает условия для технологического рывка. При этом отмечают эксперты, существует опасность, что страна, успешно справившаяся с прохождением многих фаз инвестиционной стадии, «застрянет» на ней, не сможет перейти к стадии, основанной на собственных инновациях. Поэтому очень важно создать на инвестиционной стадии необходимые институциональные условия и ресурсное обеспечение для перехода к следующей стадии развития, основанной на собственных инновациях. На этой стадии ещё наиболее важны поддержка частных и государственных инвестиций в человеческий ресурс в науке и технологиях, а также развитие гибкого рынка высококвалифицированного труда.²

В соответствии со Стратегией инновационного развития Российской Федерации, одним из приоритетов государственной политики является стимулирование инновационного развития на региональном уровне.³ Регионы России характеризуются неравномерностью развития различных аспектов инновационных процессов и влияющих на них факторов. В основе инновационного развития региона лежит формирование региональной инновационной системы, включающей две группы факторов: структурные и экономические характеристики и социокультурные и институциональные условия, стимулирующие отдельных лиц, предпринимателей, работников, население региона к созданию инноваций. Эти две группы факторов, оцениваются и учитываются экспертами в рейтингах инновационного развития регионов. Наиболее известным инструментом такой оценки является «Рейтинг

¹Инновации в России: динамика основных показателей // Институт статистических исследований и экономики знаний. 2018. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/224259845.html>

²Голиченко О. Г. Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования. Режим доступа: <http://instituciones.com/innovations/2523-nacionalnaya-innovacionnaya-sistema.html>

³Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р). Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/#ixzz5T8UKW9NM>

инновационного развития субъектов Российской Федерации», подготовленный Институтом статистических исследований и экономики знаний, подразделением Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Рейтинг инновационного развития субъектов РФ выпускается на регулярной основе, начиная с 2012 года. Система количественных и качественных показателей инновационного развития регионов опирается на результаты многолетних исследований НИУ ВШЭ и отвечает современным статистическим стандартам, применяемым как в российской государственной статистике, так и в практике ведущих зарубежных стран и международных организаций (ОЭСР, Евростата и др.).¹

Институт статистических исследований и экономики знаний «Высшей школы экономики» оценивает регионы по 37 показателям. Эти показатели разделены на четыре категории:

- ✓ научные исследования и разработки, оцениваются рассчитанным индексом «Научно-технический потенциал» – ИНТП;
- ✓ инновационная деятельность измеряется индексом ИИД «Инновационная деятельность»;
- ✓ социально-экономические условия инновационной деятельности – ИСЭУ индекс;
- ✓ инновационная активность региона (ИКИП) – индекс «Качество инновационной политики».

По итогам оценки позиций регионов по отдельным направлениям, по субиндексам проводится ранжирование субъектов Российской Федерации, а также рассчитывается сводный российский региональный инновационный индекс (РРИИ). Для оценки близости (похожести) регионов помимо ранжирования по РРИИ и субиндексам был проведен кластерный анализ, в результате которого по каждому индексу субъекты Российской Федерации были разделены на кластеры (группы) таким образом, чтобы каждая группа состояла из схожих по значениям

¹Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / Под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2017/06/22/1170263711/RIR2017.pdf>

индексов объектов, а объекты разных групп существенно отличались друг от друга.

В материалах пятого выпуска рейтинга инновационного развития регионов с расчетами по итогам 2015, все регионы на основе кластерного анализа подразделены на 4 группы по интегральному показателю развития инноваций (РРИИ). Уровень дифференциации субъектов Российской Федерации по РРИИ, исчисляемый как отношение значений РРИИ для лидирующего в рейтинге региона и региона, его замыкающего, остался практически на прежней отметке: в 2014 г. он составлял 3.53 раза, в 2015 г. – 3.51.¹

Чаще всего резервом дальнейшего развития инноваций, по мнению экспертов, служит собственно инновационная деятельность организаций. Среди ряда других субъектов с наиболее высоким уровнем развития инновационной деятельности находится *Республика Башкортостан* и *Калужская область*. По социально-экономическим условиям инновационной деятельности и научно-техническому потенциалу дифференциация регионов более слабая. Эти показатели во многом зависят от активности федеральных органов исполнительной власти, в основе политики которых лежит принцип выравнивания условий и возможностей в регионах.

Три из шести исследуемых субъектов – *Республика Башкортостан*, *Калужская область* и *Красноярский край* находятся в группе сильных регионов, занимая соответственно 5, 6 и 10 места в рейтинге РРИИ. При этом позиция Башкортостана в рейтинге, в сравнении с данными 2014 года, понизились на три пункта, а Красноярский край усилил свою позицию на два пункта. Два из исследуемых региона (Пермский край и Свердловская область) отнесены к группе средне сильных субъектов. Пермский край занимает в рейтинге РРИИ 11 место, а Свердловская область – 17 место. Слабое звено в инновационном развитии этих двух регионов – недостаточное качество инновационной политики.

¹Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. М.: НИУ ВШЭ, 2017. № 5. С. 18. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2017/06/22/1170263711/RIR2017.pdf>

Волгоградская область занимает в рейтинге 39 место, уступая лидерам по ряду направлений (таблица 2.1).

Таблица 2.1

Положение регионов в рейтинге инновационного развития субъектов РФ
(по данным 2015 года)

Регион	РРИИ – российский региональный инновационный индекс		ИИД – индекс «Инновационная деятельность»		ИКИП – индекс «Качество инновационной политики»		ИНТП – индекс «Научно-технический потенциал»		ИСЭУ – индекс «Социально-экономические условия инновационной деятельности	
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
Республика Башкортостан	15	5	17	25	34	3	11	5	15	16
Калужская область	5	6	27	32	2	2	12	7	11	7
Красноярский Край	12	10	22	9	6	11	19	18	19	14
Пермский Край	19	13	8	11	50	30	16	19	20	20
Свердловская область	13	17	14	14	26	34	13	14	14	21
Волгоградская область	32	39	45	54	22	25	21	51	63	54

Составлено автором по «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации». Выпуск 5. М.: НИУ ВШЭ, 2017.

Качество инновационной политики ощутимо влияет на динамику интегрального индекса (РРИИ), является своеобразным залогом успеха «прорывных» регионов. Повышение качества инновационной политики (наличие инновационной стратегии, наличие нормативной правовой базы и пр.) обеспечило рост РРИИ Пермскому краю. Резкое повышение качества инновационной политики в Республике Башкортостан способствовало повышению в рейтинге РРИИ на 10 позиций, с 15 места в 2014 на 5 место в 2015 году (таблица 2.1).

Территориальное распределение регионов с разным уровнем инновационного развития охарактеризовано как устойчиво неравномерное. Лидерство по

суммарной доле регионов первой и второй групп в 2015 принадлежит Приволжскому федеральному округу.

В анализе социально-экономических условий инновационной деятельности особое внимание мы уделили сравнению исследуемых регионов по двум параметрам, значимым для оценки возможностей и перспектив инновационного развития молодежи этих территорий. Исследуемые регионы сравнивались по удельному весу работников, занятых в высокотехнологичных и средне-технологичных высокого уровня отраслях промышленного производства в общей численности занятых в экономике, и по численности студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, в расчете на 10 000 человек населения (таблица 2.2).

Таблица 2.2

Социально-экономические условия инновационной деятельности *

Показатели	Респ. Башк.	Волг. обл.	Калуж. обл.	Красн. Край	Перм. Край	Сверд обл.
Доля занятых в высокотехнологичных и средне-высокотехнологичных отраслях в общей численности занятых в экономике региона	0, 602	0,902	0, 286	0, 800	0, 507	0, 341
Ранг по доле занятых в высокотехнологичных отраслях	15	2	46	4	22	42
Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования (в расчете на 10 000 человек населения)	0, 456	0, 354	0,580	0,409	0,507	0,457
Ранг по численности студентов	38	65	25	49	26	37

*Составлено автором по «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации». Выпуск 5. М.: НИУ ВШЭ, 2017.

Можно заметить определенное противоречие в ресурсном обеспечении возможностей инновационного развития регионов: регионы с высокой долей занятых в высокотехнологичных и средне высокотехнологичных отраслях (Калужская область, Пермский край) могут столкнуться в перспективе с проблемами воспроизводства научно-технического (интеллектуального)

потенциала, снижением образовательного потенциала новых поколений. Не случайно, в числе наиболее значимых проблем реализации проекта «Создание и развитие пилотного инновационного территориального кластера «Фармацевтика, биотехнологии и биомедицина» на территории Калужской области указан дефицит высококвалифицированных кадров для производства и исследований в фармацевтической отрасли.¹

Не менее значим риск потери высокого человеческого потенциала (социальной и технической культуры, экономической активности территории) вследствие увеличения оттока людей с высшим образованием и специалистов за рубеж и для инновационного развития Пермского края. Показатель численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования (в расчете на 10 000 человек населения) в Пермском крае является одним из низких среди регионов, входящих в Ассоциацию инновационных регионов России (АИРР). Вместе с тем, несмотря на отставание по сравнению с другими субъектами Приволжского федерального округа по таким показателям, как количество вузов и филиалов и количество выпускников вузов, регион входит в 20 субъектов страны, в которых есть университеты с особым статусом (федеральные и национальные исследовательские), и в число регионов, в которых действуют национальные исследовательские университеты. Запрос на новые кадры важен и для создания и развития нефтехимического территориального кластера в Республике Башкортостан.

В то же время такие регионы как Свердловская область, Красноярский край, обладая солидным образовательным потенциалом молодёжи, рискуют не иметь возможности обеспечить их высокотехнологичными рабочими местами в недалеком будущем. Проблема, на решение которой направлен проект «Инновационный территориально-производственный кластер Красноярского края «Технополис «Енисей» – риск низкой динамики развития экономики Красноярского края из-за технологического отставания компаний региона от

¹ Открытый справочник лучших региональных практик субъектов РФ – членов АИРР. М. 2017. Режим доступа: http://i-regions.org/images/books/AIRR_Best_practise.pdf

глобальных лидеров. В рамках проекта планируется создать более 5000 высокопроизводительных рабочих мест.¹

Экспертная группа Института статистических исследований и экономики знаний впервые рассчитала рейтинг субъектов Российской Федерации по значению индекса готовности к будущему (ИГБ) по состоянию на 31 декабря 2016 года. Рейтингование субъектов Российской Федерации по индексу «готовность к будущему» измеряет качество стратегического управления на региональном уровне (таблица 2.3). В основе ИГБ лежат показатели, характеризующие дальность горизонта планирования в региональных стратегиях социально-экономического развития, их технологическую ориентированность, а также присутствие в СМИ материалов об успехах регионов в сфере научно-технического, инновационного и промышленного развития.²

Таблица 2.3

Готовность регионов к будущему*

Регионы	Ранг по ИГБ
Республика Башкортостан	59
Калужская область	15
Красноярский край	9
Пермский край	30
Свердловская область	3
Волгоградская область	37

*Составлено автором по: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5. М.: НИУ ВШЭ, 2017.

В число новостей, которые выделила описанная модель, входит информация о запуске новых либо реконструкции существующих предприятий, освоении производства новых моделей техники, экологических и иных усовершенствованиях технологических процессов на действующих производствах, о завершении проектов по созданию крупных технических объектов.

Свердловская область занимает третью строчку в рейтинге готовности к будущему благодаря высоким рангам по всем трем составляющим его

¹Открытый справочник лучших региональных практик субъектов РФ – членов АИРР. М. 2017. Режим доступа: http://i-regions.org/images/books/AIRR_Best_practise.pdf

²Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. М.: НИУ ВШЭ, 2017. № 5. С. 6. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2017/06/22/1170263711/RIR2017.pdf>

индикаторам (3-е место по длительности стратегического планирования, 5-е – по интенсивности пресс-сопровождения научных, инновационных и промышленных достижений, 6-е – по частоте использования научно-технологической и инновационной лексики в тексте региональной стратегии).¹

Большая часть исследуемых регионов проекта (Калужская область Республика Башкортостан, Красноярский край, Пермский край) являются членами Ассоциации инновационных регионов России (АИРР), созданной для содействия эффективному инновационному развитию регионов-участников. Для целей мониторинга и управления реализацией стратегии инновационного развития региона специалистами АИРР и РАНХиГС два раза в год проводится анализ позиций регионов-членов ассоциации, выявляются причины их перемещения в итоговом рейтинге и составляющих его подрейтингах. Эти данные позволяют руководителям регионов видеть точечную динамику инновационной активности и использовать рейтинг в качестве реального инструмента управления² (таблица 2.4).

Таблица 2.4

Положение регионов в рейтинге АИРР в 2017 году

Ранг	Регион	$I=\Sigma I/29$	% от среднего	Группа	Изменение позиции
6	Калужская область	0,55	143,8	Сильные инноваторы (из 9)	0
12	Республика Башкортостан	0,52	134,5	Средне-сильные инноваторы Из 17 субъектов	-5
16	Красноярский край	0,50	130,6		-5
17	Свердловская область	0,50	129,0		-4
18	Пермский край	0,49	126,7		-3
53	Волгоградская область	0,35	91,8	Средние инноваторы (из 29)	-2

Рейтинги АИРР основаны не на экспертных оценках, а на количественных показателях, что делает их более объективными и позволяет выявить лидеров по

¹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. М.: НИУ ВШЭ, 2017. № 5. С. 66. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2017/06/22/1170263711/RIR2017.pdf>

² Рейтинг инновационных регионов России: версия 2017. М.: АИРР, 2018. Режим доступа: http://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/document/2018/02/documents/airr17.pdf

каждому критерию, показать сильные и слабые стороны развития каждого региона.¹

При выборе основных разделов и показателей составители обоих рейтингов базировались на одной и той же методологической основе – подходах Европейского Союза. Кроме того, разработка рейтинга АИРР проводилась при активном взаимодействии с представителями региональных администраций и обсуждении результатов со специалистами ВШЭ. Это обеспечивает сопоставимость результатов с данными НИУ ВШЭ, отсутствие существенных расхождений в положении регионов по этим двум рейтингам.²

Изменение ранговых позиций ряда регионов за последние год-два нашли объяснение в оценке сильных и слабых сторон инновационной характеристики регионов, сравнении показателей по субиндексам, сравнение с данными средними по РФ (таблица 2.5).

Таблица 2.5

Положение регионов в рейтинге АИРР с учетом субиндексов

Регион	Ранг	1.Научные исследования и разработки	2.Инновационная деятельность	3.Социально-экономические условия инновационной деятельности	4.Инновационная активность
Калужская область	6	12	19	3	8
Республика Башкортостан	12	13	30	14	7
Красноярский край	16	24	20	26	10
Свердловская область	17	8	12	10	29
Пермский край	18	34	8	9	25
Волгоградская область	53	37	48	30	22

Калужская область сохраняет положение в группе сильных регионов инноваторов (6 место), лидирует по таким показателям социально-экономических условий для инновационной деятельности, как «удельный вес занятых в высоко

¹В рейтинг 2017 года входят 29 индикаторов. Версия 2017 года отличается уточнением введенных индикаторов, объединенных в тематический блок «инновационная активность региона». Показатели трех базовых блоков (научные исследования и разработки; инновационная деятельность; социально-экономические условия инновационной деятельности) остались неизменными.

² Бортник И. М., Сорокина А. В. Рекомендации регионам АИРР по результатам рейтингов инновационных регионов//Инновации. 2014. № 7 (189). С. 59-67.

технологичных и средне технологичных (высокого уровня) видов деятельности в общей численности занятых в экономике региона», «доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП». Регион входит в десятку активных субъектов по объему привлекаемых инвестиций, по инновационной активности региональных властей. Разработана Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2030 года «Человек – центр инвестиций». Основной целью разработки Стратегии стало определение путей и способов построения инновационной экономики, создание условий для раскрытия человеческого потенциала, повышение конкурентоспособности Калужской области в долгосрочной перспективе.¹ Для реализации региональной инвестиционной и инновационной политики в Калужской области созданы и функционируют ряд региональных институтов развития: государственное автономное учреждение Калужской области – «Агентство регионального развития Калужской области». Агентство осуществляет взаимодействие с инвесторами по принципу «одного окна», являясь основной точкой входа инвесторов в Калужскую область. Динамика развития Калужской области, темпы и объемы привлечения инвестиций, в том числе иностранных, характеризуется не иначе как «калужское чудо» или «калужский феномен».

Республика Башкортостан входит в группу средне сильных регионов, лидируя по инновационной активности региональных властей, проведении публичных инновационных мероприятий, участии в конкурсах, проводимых федеральными институтами развития, по ряду параметров организации научно-исследовательской деятельности в регионе (по числу патентных заявок на изобретения, удельному весу средств организаций предпринимательского сектора в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки). В то же время по ряду важных показателей регион находится «в середнячках», в том числе по количеству созданных передовых технологий, объему инновационных товаров в валовом региональном продукте.

¹ Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2030 года «Человек – центр инвестиций». Одобрена Постановлением Правительства Калужской области от 29 июня 2009 г. № 250 // Информационно-справочная система «КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/972215857>

Красноярский и Пермский край относятся к группе средне сильных регионов, ряд показателей инновационного развития у них выше средних по РФ. Пермский край имеет показатели выше средне российских по удельному весу инновационных товаров, работ, и услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, по доле продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, по удельному весу занятых в высокотехнологичных и средне технологичных (высокого уровня) видов деятельности в общей численности занятых в экономике региона.

Красноярский край сохраняет устойчивое преимущество по коэффициенту обновления основных фондов, удельному весу малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе малых предприятий. Поскольку Свердловская и Волгоградская области не являются членами АИРР в рейтинге только определено их место без детальной характеристики сильных и слабых сторон их инновационной активности (таблицы 2.4 и 2.5).

Выявлению условий и результатов развития высокотехнологичного бизнеса в регионах для определения потенциальных точек несырьевого роста экономики посвящен национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России», подготовленный РАНХ и ГС и АИРР совместно с Группой «Интерфакс». Доклад был презентован на Гайдаровском Форуме 2017 года.¹ В Докладе не производится оценок общего уровня инновационного развития, но выявлены зоны устойчивой концентрации высокотехнологичного бизнеса. Авторы доклада отмечают, что в таких авторитетных в России рейтингах АИРР и НИУ ВШЭ представлено по два показателя оценки потенциала регионов к созданию высоких технологий. При этом в указанных рейтингах «несущественная роль» отводится изучению передовых отраслей пятого и шестого технологических укладов значимых для формирования экономики знаний.

Система показателей, используемы авторами доклада, учитывает ключевые условия и результаты развития высокотехнологичного бизнеса, его вклад в

¹ Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России» / Барина В. А., Земцов С. П., Семенова Р. И., Федотов И. В. М.: РАНХиГС, АИРР, 2018. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/322656032>

развитие регионов. В качестве условий учитываются ресурсы капитала, труда, научный потенциал, институциональная среда, инфраструктурная обеспеченность и объем госзакупок в регионах. В оценке результатов учитывался вклад в валовой региональный продукт (ВРП), экспорт, создание рабочих мест, формирование бюджета и выращивание нового бизнеса. Авторы доклада учитывали результаты Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ, составляемого Агентством стратегических инициатив (АСИ), результаты исследования предпринимателей в 27 регионах России, проведенного Торгово-промышленной палатой РФ и лабораторией исследований корпоративных стратегий и поведения фирм ИПЭИ РАНХиГС.¹

Региональное распределение *основных средств*, по данным исследователей, крайне неравномерно: на 10 регионов-лидеров приходится около 67,4 % концентрации основных средств высокотехнологичного сектора. В числе десятка таких регионов-лидеров Республика Башкортостан и Пермский край. По уровню обеспеченности *нематериальными активами, НПА* (учитывалась стоимость интеллектуальной собственности, бренда компаний), лидируют Москва, Санкт-Петербург и Пермский край. На их долю в 2016 году приходилось около 73 % всех НМА. Правами на интеллектуальную собственность владеют крупные центры авиакосмической отрасли: в Пермском крае (АО «ОДК-Пермские моторы»), в Красноярском крае (АО «Информационные спутниковые системы» имени академика М. Ф. Решетнёва»), и др.

Кадровый потенциал также зависит от способности региона привлекать и удерживать кадры, создавать условия для самореализации людей, особенно предпринимателей и представителей креативного класса. Примерно 36,6 % общей среднесписочной численности работников занято в высокотехнологичном секторе, что свидетельствует о его высокой значимости в обеспечении занятости населения. Свердловская область входит в пятерку регионов – лидеров по концентрации работников высокотехнологичного сектора в 2016 году. Кадровый

¹Баринова В, Земцов С., Муравьев В. Что мешает инноваторам? / Economy Times. 23.03.2017. Режим доступа: <http://economytimes.ru/kurs-rulya/chto-meshaet-innovatoram>

потенциал замерялся, как численность занятых в высоко технологичном секторе с поправкой на привлекательность региона для высококвалифицированных кадров с точки зрения возможности зарабатывать, иметь доступ к качественным услугам, жилью, комфортным климатическим условиям. Около 42 % кадрового потенциала приходится на десять регионов с крупнейшими агломерациями страны. В числе этих десяти регионов Свердловская область. По индексу развития институциональных условий (процедуры регистрации, степень коррумпированности чиновников, уровень инвестиционных рисков, в том числе связанных с рейдерством, и уровня доступности капитала) Свердловская область также входит в десятку лидеров.

В целом, по данным исследователей, наиболее выгодные условия для высокотехнологичного бизнеса, наиболее высокая концентрация ресурсов наблюдается в трех регионах России: Москве, Санкт-Петербурге и Московской области. Именно там сосредоточено около 24 % всех ресурсов для развития высокотехнологичного бизнеса¹. Свердловская область по концентрации ресурсов для ведения высокотехнологичного бизнеса занимает 5-е место в стране, но регион занимает лишь 16-е место по концентрации капитала, что может быть связано, по мнению авторов доклада, с регистрацией фирм в других субъектах Федерации (в первую очередь в Москве) или недооценкой основных средств компаний.

По доле продукции высокотехнологичных, средне технологичных (высокого уровня) и наукоемких видов деятельности в валовом региональном продукте лидируют регионы с развитой обрабатывающей промышленностью Калужская область – 35,8 % (автомобилестроение, фармацевтика), Пермский край (двигателестроение), вертолетостроение в республиках Татарстан и Башкортостан. Треть вклада высокотехнологичного бизнеса в региональное развитие России приходится на этих же трех регионов-лидеров – Москва, Санкт-Петербург и Московская область.

¹ Национальный доклад «Высотехнологичный бизнес в регионах России» / Барина В. А., Земцов С. П., Семенова Р. И., Федотов И. В. М.: РАНХиГС, АИРР, 2018. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/322656032>

На основе соотнесения концентрации ключевых ресурсов (капитала, труда и научного потенциала) и важнейших результатов (выпуск продукции, экспорта, налоговые сборы и создание нового бизнеса) высокотехнологичного бизнеса в регионах России авторами доклада выделены кластеры регионов, перспективные центры специализации на высокотехнологичных секторах экономики. Эти кластеры могут стать наиболее перспективными объектами мер поддержки, точками несырьевого роста экономики страны.

По результатам итогового анализа Красноярский и Пермский край, Республика Башкортостан, Свердловская область вошли в группу регионов с высоким уровнем ресурсов и средним вкладом высокотехнологичного бизнеса в развитие региона. Они оценены как «ресурсные субцентры, имеющие средний результат», как регионы, недоиспользующие свой высокий потенциал из-за низкого объема экспорта и отсутствия новых рабочих мест. Калужская область в этой системе оценок была оценена как регион со средним уровнем концентрации ресурсов капитала, труда и научного потенциала для развития высокотехнологичного бизнеса и пониженным уровнем вклада высокотехнологичного бизнеса в развитие региона. Волгоградская область охарактеризована как регион с пониженным уровнем ресурсов и пониженной долей вклада высокотехнологичного бизнеса в выпуск продукции, экспорта, налоговые сборы и создание нового бизнеса.¹

В стремлении активизировать создание инноваций региональные власти порой стимулируют исключительно разработку новых технологий. Технологическое развитие, безусловно, ключевой источник инноваций, но далеко не единственный. Не меньшего внимания заслуживают инновационные бизнес-модели, социальные, административные и организационные инновации. С 2012 г. Министерство экономического развития Российской Федерации реализует программу поддержки отобранных на конкурсной основе пилотных инновационных территориальных кластеров (ИТК). Современные зарубежные исследования

¹Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России» / Баринова В. А., Земцов С. П., Семенова Р. И., Федотов И. В. М.: РАНХиГС, АИПР, 2018. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/322656032>

показывают, что принадлежность к кластеру выгодна компаниям, поскольку облегчает доступ к специализированным факторам производства и рабочей силе, специфическим знаниям и компетенциям.

В 2016 г. Минэкономразвития России перешло ко второму этапу реализации кластерной политики, запустив приоритетный проект «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня». Инновационные территориальные кластеры уже сейчас являются точками инновационного роста национального и международного масштаба. Это кластер фармацевтики, биотехнологий и биомедицины (Калужская область: Обнинск), инновационный территориальный кластер ракетного двигателестроения «Технополис «Новый звездный» (Пермский край: Пермь), кластеры производства летательных аппаратов (Красноярский край, Пермский край: Пермь), нефтехимический территориальный кластер (Республика Башкортостан). Уровень и темпы их развития за последние три года значительно опережают другие территории.¹

Инновационные кластеры характеризуются различными моделями территориальной организации и пропорциями соотношения научно-технической и производственной деятельности в структуре занятости. Одна часть программ развития кластеров характеризуется ориентацией на использование потенциала расположенных на их территории научных и образовательных организаций мирового уровня, предполагает привлечение крупных российских и зарубежных компаний к разворачиванию высокотехнологического производства за счет имеющегося кадрового потенциала и исследовательской инфраструктуры кластеров, а также активное развитие «серийного» малого и среднего инновационного предпринимательства за счет коммерциализации разрабатываемых технологий. Для других кластерных программ характерна ведущая роль среднего и крупного промышленного производства. При этом развитие кластера предполагается здесь за счет более интенсивного трансфера

¹ Инновационные кластеры – лидеры инвестиционной привлекательности мирового уровня : методические материалы / Е. А. Исланкина, Е. С. Куценко, П. Б. Рудник, А. Е. Шадрин; Минэкономразвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017.

результатов научно-технических исследований в деятельность уже существующих промышленных компаний. К инновационным кластерам, развивающимся в рамках территорий размещения крупного высокотехнологичного бизнеса нефтехимический территориальный кластер Республики Башкортостан, титановый кластер Свердловской области.

Таким образом, исследование условий и результатов инновационного развития исследуемых регионов на основе оценок итоговых индексов, субиндексов, наборов рейтингов позволяет, по мнению экспертов, преодолеть проблемы точности, надежности и обоснованности измерений, а также сложности интерпретации исследовательских результатов¹.

Оценка условий, результатов, проблем инновационного развития исследуемых регионов при сохранении определенной их дифференциации по набору проблем и достижений позволяет сделать вывод о том, что для всех шести анализируемых территорий справедливы выводы, сформулированные экспертами для оценки эффективности инновационного развития страны в целом. России, по мнению исследователей, свойственны неравномерная и неустойчивая динамика положительных и негативных факторов: преимущества фактически не наращиваются, слабости компенсируются медленно или не компенсируются вообще. Нарушен баланс между затратами ресурсов (потенциалом) и масштабами использования результатов деятельности в НТИ-сфере. В соответствии с оценками Глобального инновационного индекса (ГИИ) Россия использует свой инновационный потенциал на 65 %.²

Относительно высокие позиции России, по оценкам исследователей, обеспечены, прежде всего, индикаторами, характеризующими различные формы затрат на научную и инновационную деятельность, уровень человеческого капитала при существенном отставании по всем измерениям эффективности использования указанных ресурсов. Изменение этого соотношения в пользу факторов результативности – задача принципиально иного порядка, чем простое

¹Анализ драйверов и ограничений развития России на основе информации Глобального инновационного индекса: Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/321937937>

²Анализ драйверов и ограничений развития России на основе информации Глобального инновационного индекса: Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/321937937>

расширение ресурсной базы, например, прямых бюджетных затрат на исследования и разработки.

Анализ регионов по уровню инновационного развития позволяет оценить «инновационный фон» или условия для формирования инновационной восприимчивости населения, прежде всего той его части, что наиболее готова к принятию на себя предпринимательских рисков в технологической сфере. Исследования показывают, что в части формирования стартапов в основном активна работающая и студенческая молодежь в возрасте до 35 лет. Оценки доверия к науке, социальных эффектов развития науки и технологий, восприятия их роли в современном обществе являются значимым фактором влияния на формирование инновационной открытости и активности молодежи, её готовности принимать участие в инновационных изменениях в организации, обществе.

2.3. Анализ возможностей развития инновационного потенциала работающей молодежи в промышленных регионах России

Исследования по оценке социальных эффектов развития науки и технологий проводятся во многих странах, в том числе и в России. Более десяти лет мониторинговые исследования по оценке обобщенного уровня доверия к науке, инновационного поведения населения проводятся Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ¹.

Исследователи фиксируют наличие довольно заметной и устойчивой доли россиян (от 59 до 68 % опрошенных), отмечающих пользу от научно-технических достижений. Речь идет о влиянии науки и технологий на уровень и качество жизни населения, об отношении людей к науке как источнику позитивных общественных изменений. В 2016 г. с высказыванием о том, что благодаря науке у будущих поколений будет больше возможностей, согласились 86 % населения.²

¹ Общественное мнение о развитии науки и технологий // Наука. Технологии. Инновации. Экспресс-информация. – М. НИУ ВШЭ. 26.08.2016. Режим доступа: https://issek.hse.ru/data/2016/08/24/1118368121/NTI_N_14_24082016.pdf

² Общественное мнение о развитии науки и технологий // Наука, технологии, инновации. Экспресс-информация. М.: НИУ ВШЭ. Дата выпуска 24.08.2016. Режим доступа: https://issek.hse.ru/data/2016/08/24/1118368121/NTI_N_14_24082016.pdf

Вместе с тем, по данным этого исследования россияне хуже, чем жители Европы, осведомлены о последних научных достижениях, слабо интересуются научной тематикой, считая ее слишком сложной для понимания. Отчасти это обуславливает рост тревожных оценок по поводу рисков, которые несет в себе научно-технологический прогресс.¹

Анализ результатов опросов общественного мнения о науке и технологиях выявил противоречие между декларируемым позитивным отношением россиян к науке и фактической дистанцированностью от нее большей части населения. Дистанцированность от науки и техники проявляется в слабом личном интересе и включенности в научную тематику, недостаточном уровне научных знаний, непонимании отличий науки от псевдонауки, большом консерватизме в потребительском поведении и инерционностью в восприятии технических новинок.²

Безусловно, есть определенная дифференциация оценок значимости, уровня заинтересованности в использовании инноваций в зависимости от территории проживания респондентов, их социально-демографических характеристик (возраста, прежде всего), от сферы применения инновационных товаров и услуг (повседневность или профессиональная деятельность). Так, по данным выборочного опроса, проведенного летом 2017 года среди домохозяйств Москвы и Московской области для оценки запросов и удовлетворенности населения России в инновационных товарах и услугах, две трети опрошенных (из них более половины респондентов в возрасте до 30 лет) позитивно относятся к инновациям и стараются использовать их в повседневной жизни. Лишь 5,5 % охарактеризовали свое отношение к инновациям как негативное, остальные охарактеризовали свое отношение к инновациям словами «с осторожностью».³ Исследование показало, что молодые респонденты заинтересованы в получении работы, связанной с использованием современных ИКТ технологий и разработкой

¹ Там же

² Шувалова О. Р. Заинтересованные группы в сфере науки и инноваций: «новые» стейкхолдеры или «старые» технократы? // Социология науки и технологий. Т. 3. № 3. С. 73-96.

³ Архипова М. Ю., Кучмаева О. В. Социальный запрос россиян на инновации (по данным выборочного обследования) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 2 (11). С. 74.

инновационных технологий, даже если это не связано с ростом их материального положения. Это подчеркивает ту роль, которые играют инновации в формировании не только уровня, но и образа жизни россиян.

Для оценки уровня интереса работающей молодежи исследуемых регионов к науке, научным исследованиям мы применили методический прием, обоснованный и использованный исследователями Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ¹ в опросе общественного мнения о науке и технологиях. Для выделения и характеристики лиц, не являющихся профессиональными исследователями («не-ученые»), но проявляющих высокую осведомленность, устойчивый интерес, информированность о научных и технологических открытиях и достижениях был использован термин «заинтересованная публика» или «публика, заинтересованная наукой и технологиями»² (таблица 2.6).

Таблица 2.6

Региональные отличия в уровне интереса работающей молодежи к научным открытиям и изобретениям, в %

Параметры оценки	Сверд. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгог. обл.
«Заинтересованные»	35	39	41	35	33	38
«Интересующиеся»	58	53	48	58	63	52
«Неинтересующиеся»	8	8	11	11	4	10
Сводный ранг РРИИ	17	5	13	6	10	39
Интенсивность новостей о НТИ (текст-майнинговая система)*	0,614	0,258	0,254	0,288	0,340	0,232

*Составлено автором по Рейтингу инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5. М.: НИУ ВШЭ, 2017.

На основании ответов респондентов на вопрос о частоте (периодичности) чтения статей о научных открытиях, были выделены группы населения по степени интереса к публикациям о науке и инновациях. В опросе работающей молодежи был использован только этот критерий, не выяснялась степень действительной

¹Шувалова О. Р. Заинтересованные группы в сфере науки и инноваций: «новые» стейкхолдеры или «старые» технократы? // Социология науки и технологий. Т.3. № 3. С. 73-96.

² Там же

информированности респондентов о научных и технологических достижениях, понимания ими сути научных открытий, их оценки престижа науки.

В группу *заинтересованных* отобраны респонденты, ответившие, что они регулярно (один-два раза в неделю) или часто (каждую неделю) читают статьи о научных открытиях, изобретениях в самых разных областях.

В группу *интересующихся* включены те, кто ответил, что они иногда (1-2 раза в месяц) или редко (реже, чем один раз в месяц) читают о научных открытиях, изобретениях в самых разных областях. В группу *не интересующихся* вошли остальные респонденты, ответившие, что они не следят за информацией о научных открытиях и новых изобретениях и технологиях.

По данным обследования 2009 года ИСИЭЗ НИУ ВШЭ группа «заинтересованных» насчитывает всего 5 % взрослого населения России, что вдвое меньше, чем в США. Группа *интересующихся*, но слабо информированных составила 36 % (в США – 48 %); тогда как остальная часть населения составила наиболее многочисленную группу *не интересующихся* сферой науки и инноваций – 59 % (в США 42 %).¹

Размер той или иной группы зависит от «жесткости» критериев выделения. По предложенному нами весьма «мягкому» или обобщенному показателю заинтересованности молодежи в научной информации в число «заинтересованных» попал каждый третий респондент. При этом каждый второй отметил, что редко проявляет интерес к научным открытиям и изобретениям. Не интересуются наукой менее десяти процентов работающих молодых жителей индустриальных регионов.

Попытка увязать уровень интереса молодежи к научной информации с «инновационным фоном» конкретной территории оказалось безуспешной. Не прослеживаются корреляционные связи ни с интегрированным рейтингом РРИИ, ни с рейтингом АИРР. Более того, нет связи и с субрейтингом индекса готовности к будущему, одним из параметров которого является интенсивность новостей о

¹Шувалова О. Р. Заинтересованные группы в сфере науки и инноваций: «новые» стейкхолдеры или «старые» технократы? // Социология науки и технологий. Т.3. № 3. С. 73-96.

позитивных достижениях в сфере научно-технологического, инновационного и промышленного развития. Указанный показатель формировался с использованием текст-майнинговой системы ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в регулярно пополняемую базу данных которой загружено не менее 500 тыс. новостных сообщений из ведущих российских СМИ. В число новостей входит информация о запуске новых либо реконструкции существующих предприятий, освоении производства новых моделей техники о завершении проектов по созданию крупных технических объектов. Результирующее число позитивно окрашенных новостей о научно-технологическом, инновационном и промышленном развитии регионов показывает, как часто в течение 2016 г. те или иные субъекты Российской Федерации попадали в фокус внимания СМИ в связи с успехами в этой сфере.¹ Высокий уровень интенсивности новостей о НТИ в Свердловской области не отразился особым образом на показателях заинтересованности молодежи в научно-технической информации (таблица 2.7.).

Таблица 2.7

Отраслевые отличия в уровне интереса работающей молодежи к научным открытиям и изобретениям (в %)

Параметры оценки	Отрасли промышленности									
	Машиностроение	Авиастроение	Нефтехимия, нефтедобыча, нефтеобработ.	Химическое производство	Транспорт	Металлургия	IT, спутники, связь	Ракетостроение	Энергетика	Другое
Интересующиеся (редко, иногда)	57	55	49	45	64	65	41	62	62	58
Заинтересованные (часто, регулярно)	36	43	43	37	32	23	56	19	32	29
Не интересующиеся	7	2	8	18	4	12	3	19	6	13,
ИТОГО:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

¹Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Приложение. Рейтинг готовности регионов к будущему. М.: НИУ ВШЭ, 2017. № 5.

Отраслевые различия в большей степени, чем территориальные, отражаются на уровне интереса работающей молодежи к научной проблематике. Двойной разрыв в числе активно вовлеченных в НТИ между молодыми работниками в сфере ИТ, связь и металлургия, где износ основных фондов, который составляет более 70 % и ограниченное количество предприятий, занимающихся инновационной деятельностью. Каждый пятый респондент, занятый в химической отрасли, ракетостроении, не интересуется технологическими инновациями. Слабая инновационная активность и низкая эффективность инвестиционного процесса на химических предприятиях, по оценкам экспертов, обуславливается эффективностью экспорта товаров низкой переработки в течение последних 20 лет, в условиях резкого снижения внутреннего спроса.

По данным ВШЭ, абсолютное большинство россиян (80 %) считают, что финансовая поддержка науки и технологий необходима, даже если исследования и разработки не приносят сиюминутной пользы. При этом, по данным 2016 г., более трети (36 %) респондентов полагают, что государство тратит недостаточно средств на науку. Еще более значительной финансовой поддержки, по мнению населения, требуют инновации, а точнее их реализация в промышленности (40 %) и повседневной жизни (40.6 %).¹

Оценки молодых работников регионов с достаточно высоким по среднероссийским показателям уровнем инновационного развития распределились примерно поровну: нужно поддерживать те исследования, которые несут конкретную практическую пользу (51 %) и фундаментальную науку, даже если она не приносит сиюминутной пользы (40 %). Данные результаты слабо дифференцированы по территориям. Не удалось выявить прямое влияние качества инновационной политики конкретного региона, фактора, учитывающего бюджетные затраты на науку и инновации, на

¹Общественное мнение о развитии науки и технологий в России. Информационно-аналитический материал. М.: НИУ ВШЭ, август 2017. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2017/10/16/1159309436>

фундаментальные и прикладные исследования, на полученные результаты (таблица 2.8).

Таблица 2.8

Оценки уровня государственной поддержки научных исследований:
региональная дифференциация, в %

Параметры оценки	Сверд. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгог. обл.	По массиву
Нужно поддерживать все научные исследования	42	40	36	45	38	39	40
Нужно поддерживать только «полезные» исследования	50	56	52	49	51	51	51
Не стоит тратить деньги на исследования	2	0	4	3	1	2	2
Затрудняюсь ответить	6	4	8	3	9	8	8
ИКИП – индекс «Качество инновационной политики	34	3	30	2	11	25	-

Вместе с тем, обнаружена отраслевая дифференциация мнений о необходимости и уровне государственной поддержки научных исследований. Один из десяти респондентов, занятых в химическом производстве, металлургии, энергетике не смог ответить, затруднился с ответом на этот вопрос. Остальные ответы этих респондентов распределились так: более половины, скорее 2/3 высказались за поддержку только тех исследований, которые несут конкретную практическую пользу, треть – за поддержку всех научных исследований. В таких отраслях как информационные технологии, спутники, связь, авиастроение ответы иные: не менее половины высказались за необходимость государственной поддержки исследования, даже если они не приносят сиюминутной пользы (таблица 2.9).

Таблица 2.9

Отраслевые дифференциации в оценках уровня государственной поддержки науки, в %

Утверждения	Отрасли промышленности									
	Машиностроение	Авиастроение	Нефтехимия, нефтедобыча, нефтеобработка	Химическое производство	Транспорт	Металлургия	IT, спутники, связь	Ракетостроение	Энергетика	Другое
Нужно поддерживать только «полезные» исследования	50	48	64	51	53	55	38	48	56	48
Нужно поддерживать все научные исследования	42	47	33	34	38	28	55	43	32	42
Затрудняюсь ответить	5	5	3	11	8	12	5	9	12	10
Не стоит тратить деньги на исследования	3	0	0	4	1	5	2	0	0	0
ИТОГО:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Оценка возможностей инновационного развития работающей молодежи, уровень её инновационной восприимчивости, оценка степени готовности к инновациям определяются не только включенностью молодых в проблемы научных и технологических исследований и достижений, ценностным отношением к науке, но и наличием технологических, финансовых и человеческих условий для принятия и поддержки инноваций как в производственной деятельности, так и в повседневной жизни. От четверти до трети респондентов работают с высокими технологиями, часто используют и внедряют инновации. Работа подразумевает постоянный креатив/ тесное взаимодействие с инновациями (их разработку и внедрение) у каждого десятого в среднем по массиву, у одного из пяти респондентов Красноярского края. Указанные отличия вызваны, прежде всего, отраслевой спецификой предприятий (таблица 2.10).

Таблица 2.10

Региональные отличия в оценках возможности участия в инновационной деятельности, в %

Оценка возможностей	Сверд. обл.	Респ. Башкор.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волг. обл.	По массиву
Возможности для инноваций на предприятии							
На моей работе (предприятии) редко внедряются/ используются новые технологии	39	39	40	38	32	28	36
На нашем предприятии инновации не внедряются	5	1	4	5	4	11	6
Возможности для инноваций на рабочем месте							
Моя работа предполагает частое внедрение/ использование инноваций	34	29	29	29	27	26	30
Моя работа подразумевает постоянный креатив/ тесное взаимодействие с инновациями	9	17	12	13	23	17	13
Моя работа сама по себе не предполагает использование новых технологий	13	14	15	15	14	18	15
Ранг по условиям, ресурсам развития высокотехнологичного бизнеса в регионе, 2016 год ¹	6	10	9	20	11	32	-

По данным исследования условий и результатов развития высокотехнологичного бизнеса в российских регионах Красноярский и Пермский Край, Республика Башкортостан, Свердловская область вошли в группу регионов с высоким уровнем условий, ресурсов для высокотехнологичного бизнеса своего региона. Калужская область в этой системе оценок была оценена как регион со средним уровнем концентрации ресурсов капитала, труда и научного потенциала, а Волгоградская область охарактеризована как регион с пониженным уровнем ресурсов для развития высокотехнологичного бизнеса. Это объясняет мнения респондентов этих регионов о том, что новые технологии на предприятиях внедряются, хотя эти процессы происходят не часто (таблица 2.11).

¹Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России» М.: РАНХиГС, АИРР, 2018. Приложение 2. С. 51-52. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/322656032>

Таблица 2.11

Виды инновационной активности молодежи (последние 3 года, в %)

Направления инновационной деятельности	Сверд. обл.	Респ. Башкор	Перм. Край	Калуж обл.	Красн. Край	Волг. обл.	По массиву
На предприятии							
Предлагал свой проект руководству по решению производственной задачи	20	19	15	25	31	15	19
Принимал/ участвовал в принятии решения о внедрении новшества в производственный процесс	17	24	11	22	11	9	14
Осваивал новую технологию, новое оборудование, новые методы работы	38	35	32	36	23	31	34
Проходил курсы повышения квалификации, тренинги и др. по заданию предприятия	32	40	44	51	47	32	37
Развитие человеческого капитала							
Повышал свой уровень образования в рамках образоват. организации	40	32	38	25	43	46	40
Занимался самообразованием по своей или смежной профессии	59	67	51	57	62	49	56
Участвовал в профессиональных конкурсах, на получение грантов, стипендий	7	6	8	11	15	9	8
Регистрировал свои патенты на изобретения	4	4	1	0	5	3	3
Выступал с докладами на конференциях или семинарах	14	14	8	16	22	8	12
Разрабатывал бизнес-план и предлагал его к рассмотрению в банке	3	1	1	3	0	6	3
Создавал программные продукты	6	9	7	2	6	8	6
Инновации в быту							
Создавал или усовершенствовал устройства, технические средства для личного потребления	16	15	11	17	11	12	14
Ничем не занимался	11	11	15	3	3	2,5	3
В среднем, количество выборов	3	3	2,5	3	3	2,5	3

Каждый третий респондент отметил, что часто занимается освоением новых технологий на своем рабочем месте. Распределение остальных ответов зависит от

отраслевой принадлежности предприятия и от специфики рабочего места (специалист, руководитель или рабочий).

Все формы инновационной активности были подразделены на три направления. Это производственная активность – участие в освоении новых технологий, оборудования, повышение квалификации по заданию предприятия, обсуждение новых проектов, решений. Другое направление – внепроизводственная активность, наращивание человеческого капитала: самообразование, обучение, изобретательская деятельность, подготовка бизнес-плана, участие в профессиональных конкурсах, конференциях, разработки программных продуктов. И, наконец, потребительские («домашние») инновации – создание или усовершенствование устройства, технические средства для личного потребления (для своей семьи, себя, для друзей).

В среднем каждый из респондентов выбирал три варианта ответа. Среди форм производственной активности чаще выбирались такие направления как освоение новых технологий и повышение квалификации. Чаще других эти виды активности выбирали молодые работники Калужской области и Башкортостана, Пермского края. Не случайно по удельному весу вновь внедренных или подвергавшихся значительным технологическим изменениям инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг эти регионы лидируют.¹

Среди перечисленных форм активностей по развитию человеческого капитала каждый второй респондент выбрал самообразование, 40 % – формальное образование (обучение в рамках образовательной организации). Отраслевая дифференциация по этому направлению анализа инновационной активности практически не значима. Чаще других самообразование, обучение в образовательных учреждениях указывали работники энергетической отрасли, реже других – работники в сфере информационных технологии, связи, ибо

¹ Рейтинг инновационных регионов России: версия 2017 . М.: АИРР, 2018. Режим доступа: http://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/document/2018/02/documents/airr17.pdf

наличие специального образования определенного уровня является условием «входа» в эти отрасли.

Анализ данных опроса (НИУ ВШЭ, 2014 год) показал, что к домашним инноваторам можно отнести каждого десятого жителя нашей страны.¹ Создание инноваций и модификаций характерно для россиян, которые интересуются развитием технологий, разбираются в технике, подстраивают ее под свои нужды. Более того, такие люди стремятся к новым знаниям, активно пользуются Интернетом для различных целей. Иными словами, домашние инноваторы - это не пассивные потребители, а активные люди, способные разобраться в используемой технике и найти нестандартное решение в случае возникновения проблемы. Среди работающей молодежи промышленных регионов, по данным опроса, «домашних» инноваторов чуть больше, от 10 до 17 %.

На вопрос о том, есть ли у молодых работников на сегодняшний момент какая-либо творческая идея, замысел, проект, который они хотели бы реализовать, положительный ответ дал каждый второй. Чуть меньше (40 %) молодые люди, живущие и работающие в Пермском крае, чуть активнее отвечали согласием жители Красноярского края. Скорее всего, это отраслевые отличия.

Таблица 2.12

Оценка возможной сферы реализации проекта, в %

Сфера реализации	Регион						
	Сверд. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгогр. обл.	По массиву
сфера услуг, торговли	20	21	28	14	25	24	22
бизнес	18	25	25	14	14	25	21
промышленное производство, инженерия	53	32	29	52	30	41	43
информационные технологии	11	18	15	7	15	17	14
образование, воспитание	12	9	13	7	14	17	13
управление	13	12	21	14	19	16	15
медицина, здравоохранение	3	4	5	2	8	11	6
ИТОГО:	145,5	137,5	158,5	123,8	135,6	185,5	154,7

¹2014: Пользовательские инновации. Раунд I // Мониторинг инновационного поведения населения: вовлеченность населения в инновационные практики. Режим доступа: <https://www.hse.ru/monitoring/innpeople/2014rus>

По данным уже упоминавшегося выборочного опроса домохозяйств Москвы и Московской области для оценки запросов и удовлетворенности населения России в инновационных товарах и услугах, общество больше всего заинтересовано в распространении инноваций в образовании и медицине. Россияне полагают также необходимым развитие инноваций в сфере транспорта, экологии, туризма, оказания государственных услуг, производстве электрооборудования, туризме.¹ Нетрудно заметить, что в этом перечне подавляющее большинство инноваций, которые могут быть при необходимости использованы в жизни обычного человека, повысить качество жизни. В опросе молодежи индустриальных регионов чаще всего в качестве места реализации проекта упоминается сфера промышленного производства (таблица 2.13). Такой выбор сделал каждый второй респондент Свердловской и Калужской областей. Башкортостан лидирует среди регионов по удельному весу малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе малых предприятий. Не случайно, каждый четвертый респондент этого региона планирует реализовать свой проект в бизнесе.

Таблица 2.13

Мотивация участия в инновационной деятельности на предприятии, в %

Направления инновационной деятельности	Сверд. обл.	Респ. Башкор.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгог. обл.	По массиву
1	2	3	4	5	6	7	8
Личный материальный интерес							
в результате внедрения вы получите премию (денежное вознаграждение)	23	18	20	30	22	19	21
Интересы предприятия: качество продукции							
данные научной экспертизы, что новация имеет существенные преимущества	33	27	35	16	27	32	31
после внедрения новации конечная продукция предприятия будет соответствовать более высоким стандартам качества	48	46	33	43	30	26	38

¹Архипова М. Ю., Кучмаева О. В Социальный запрос россиян на инновации (по данным выборочного обследования) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 2 (11). С. 76.

Продолжение таблицы 2.13

1	2	3	4	5	6	7	8
Интересы предприятия: конкурентоспособность							
явная и быстрая экономическая выгода от внедрения	42	41	38	41	43	42	41
освоение этого новшества конкурентами	7	1	3	5	11	9	7
новация даст вам (предприятию) конкурентные преимущества в будущем (через 2-3 года)	43	48	39	36	27	24	37
Интересы предприятия: безопасность							
новация повысит безопасность производства	26	33	40	24	22	30	30
новация улучшит экологическую ситуацию в регионе	13	25	23	22	17	23	19
Принуждение							
прямое распоряжение руководителя о необходимости внедрения	18	27	16	27	23	28	21
ваше предприятие будет оштрафовано, если не внедрит новацию	4	6	5	0	5	5	4

В среднем респондент выбрал по 2-3 варианта ответа. Из предложенных причин участия каждый четвертый-пятый выделил на личную материальную заинтересованность. Примерно столько указали на прямое распоряжение руководителя о необходимости внедрения, штрафы предприятию в качестве обоснования своего решения об участии. Один их троих опрошенных отметил в качестве причины принятия положительного решения о своем участии во внедрении новшества такие интересы предприятия, как соответствие конечной продукции более высоким стандартам качества. Примерно такое число респондентов выбрали заботу о конкурентоспособности своего предприятия как обоснование своего решения об участии. Забота о безопасности производства, улучшение экологической ситуации в регионе чуть менее значимая причина принятия положительного решения.

Анализ барьеров или факторов, тормозящих успешную реализацию молодежных идей и проектов представлен в таблице 2.14.

Таблица 2.14

Факторы, влияющие на успешность реализации проекта, в %

Перечень факторов	Регионы						
	Сверд. обл.	Респ. Башкор.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгог. обл.	По массиву
Макрофакторы							
отсутствие /недостаток государственных программ по поддержке молодежных инициатив	31	45	36	25	35	42	35
законы, нормативные акты, подавляющие инициативу молодежи	10	18	12	21	9	21	14
экономический кризис	20	23	19	33	21	35	24
незаинтересованность бизнеса и производства в инновациях, погоня за сиюминутной прибылью	38	33	34	36	32	36	36
Факторы предприятия							
отсутствие системы стимулирования на предприятиях за разработку и внедрение инноваций	27	23	12	32	27	20	22
отсутствие стратегического мышления у руководства	10	7		9	16	8	9
низкий уровень профессиональной и управленческой подготовки тех, кто принимает решения о внедрении инноваций	24	13	13	29	25	20	20
нежелание, страх или равнодушие самой молодежи	42	45	47	28	35	28	39
ничего не мешает	11	12	14	14	7	9	11
ИТОГО:	214	221	194	229	206	220	212

В среднем опрошенные молодые работники выбрали два варианта ответа. Каждый указал один из макрофакторов (внешних) факторов, чаще отсутствие /недостаток государственных программ по поддержке молодежных инициатив и незаинтересованность бизнеса и производства в инновациях, погоня за сиюминутной прибылью.

Каждый второй респондент считает, что нет факторов, мешающих молодежи выдвигать и реализовывать новые идеи, причина в менталитете современной молодежи, ее нежелании и равнодушии. Ещё половина респондентов считают, что факторы, мешающие молодежи проявлять инициативу, находятся на

предприятия: отсутствие системы стимулирования на предприятиях за разработку и внедрение инноваций или низкий уровень профессиональной и управленческой подготовки тех, кто принимает решения о внедрении инноваций.

Территориальные отличия в оценке факторов, тормозящих инициативу молодежи скорее в нюансах. Так, работающая молодежь Калужской области реже других выбирали варианты ответов об отсутствии /недостатке государственных программ по поддержке молодежных инициатив и реже ссылки на нежелание и равнодушие молодежи как о факторах, тормозящих инициативу. При этом респонденты этого региона чаще других указывали на качество менеджмента конкретного предприятия: в полтора раза чаще среднего по массиву указывали отсутствие системы стимулирования на конкретном предприятии. Работающая молодежь Волгоградской области реже, чем в среднем по массиву, ссылались на равнодушие молодежи и чаще других отмечали отсутствие /недостаток государственных программ по поддержке молодежных инициатив.

Резюмируя результаты анализа возможностей развития инновационного потенциала работающей молодежи в индустриальных регионах, можем сделать следующие выводы.

1. Одной из характеристик базового типа современной личности по А. Инкельсу является открытость экспериментам, инновациям изменениям.¹ Оценка выраженности этой черты у работающей молодежи ряда индустриальных регионов позволяет сделать ряд замечаний. Территориальные отличия в уровне инновационной открытости молодежи, её восприимчивости к инновациям проявляются скорее в полутонах, нюансах, не прямо и резко. Возможно, эти отличия были бы заметнее при сравнении с другими категориями работников, другой возрастной группы, либо иных по статусу и уровню социально-экономического и технологического развития территорий.

2. С некоторой осторожностью можно охарактеризовать отношение молодых работников индустриальных регионов к своему предприятию как чувство

¹Цит. по: Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб. 2009. С. 63.

ответственности за общую ситуацию на предприятии. Одним из часто упоминаемых факторов участия молодежи в инновационной деятельности является забота о качестве продукции предприятия, о его конкурентоспособности. Значение этих факторов выше, чем роль прямого принуждения. Личный интерес, безусловно, тоже значим. Способность совместить личный интерес и ответственность за общие результаты деятельности – это своего рода «постсоветский корпоративизм»¹. Сочетать, разрабатывать на предприятиях программы стимулирования за разработку и внедрение инноваций – требование к качеству менеджмента. Более чем треть респондентов отмечают в качестве внешнего фактора незаинтересованность бизнеса и производства в инновациях, погоня за сиюминутной прибылью, а на своем предприятии – отсутствие программ стимулирования, поддержки такого участия и низкий уровень профессиональной и управленческой подготовки тех, кто принимает решения о внедрении инноваций.

3. Противоречие оценок (на предприятии редко или совсем не внедряются инновации, в тоже время на рабочем месте они внедряются часто) отразили особенности и различие в перспективах развития старопромышленных регионов.² В восприятии работающей молодежи предприятий старопромышленных регионов, таких как Башкортостан, Свердловская область, Пермский край, и Калужская область, в том числе, ещё не отразились в полной мере происходящие изменения в стратегии развития этих территорий. В современной России наблюдается внутренняя неоднородность старопромышленных регионов, в их составе могут быть выделены территории, находящиеся на различных этапах эволюционного развития. Так внутри исследуемой группы старопромышленных регионов активно идет процесс образования территорий нового типа – новопромышленных регионов (Калужская область), появление которых связано с распространением наукоемких технологий и предполагает активное развитие человеческого потенциала.

¹ Цит. по: Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб. 2009. С. 100.

² Сорокина Т. Ю., Латов Ю. В. Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Вопросы регулирования экономики. 2018. № 1 (9). С. 6-22.

5. По данным опросов россиян, большинство инноваций, которые могут быть при необходимости использованы в жизни обычного человека, призваны повысить качество жизни. Доминирование среди всех видов инновационной деятельности работающей молодежи технологических инноваций может быть объяснено своеобразной искажающей детерминантой, которая могла оказать воздействие на респондентов при выборе ими возможной сферы реализации проекта. Такой детерминантой являлась неосознанно выстраиваемая ассоциативная связь между сферой занятости на высокотехнологичных производствах и их оценками области своей инновационной активности.

6. Особенности инновационной активности или модернизационный потенциал работающей молодежи как способность и готовность к социальным преобразованиям для повышения своей конкурентоспособности в значительной степени связаны с отраслевой принадлежностью предприятия, отчасти с уровнем развития региона, активной инновационной политикой региональных властей. В большей степени потенциал молодежи, её восприимчивость и готовность к инновациям зависит от статуса, от сложности и разнообразия выполняемых трудовых функций.

2.4. Модели инновационного потенциала работающей молодежи: эмпирический анализ

Общностные и институциональные характеристики инновационного потенциала работающей молодежи характеризуют как общие особенности инновационного потенциала работающей молодежи, так и выявляют специфику потенциала различных отрядов работающей молодежи, способных стать агентами инновационного процесса.

Напомним, что в основу концептуального дизайна исследования было положено понимание потенциала в его различных значениях: «потенциал как стремление молодежи, ее направленность на творческую деятельность, готовность к внедрению новшеств», «потенциал как резерв», «потенциал как

ресурс» и «потенциал как реализованная возможность». По результатам опроса четыре концепта инновационного потенциала интерпретировались нами в четырех соответствующих моделях – интенциональной, резервной, ресурсной и актуализированной.

Интенциональная модель инновационного потенциала верифицировалась через:

✓ ценностные основания жизненных стратегий и планов работающей молодежи;

✓ наличие необходимых для инновационной деятельности личностных качеств, определяющих способность к инновациям;

В структуре жизненных планов молодежи установку на творческую, новаторскую деятельность, готовность к ней выражает каждый десятый респондент в целом по массиву (таблица 2. 15).

Таблица 2.15

Жизненные стратегии работающей молодежи, в %

Показатели жизненного успеха в оценке респондентов	Доля опрошенных
Хорошая семья, успешные дети	28
Высокий экономический статус, уровень дохода	20
Высокие профессиональные достижения	16
Собственное жилье	10
Карьера, достижение высоких должностных позиций	10
<i>Возможность заниматься творчеством, воплощать свои идеи</i>	9
Свое дело, независимость от работодателя	7
ИТОГО:	100

Это довольно высокий показатель, несмотря на предпоследнее место, которое занимает эта установка в рейтинге важнейших сфер жизнедеятельности работающей молодежи. Установка на творчество в анкетном вопросе представлена наряду с традиционными, универсальными терминальными жизненными ценностями, приоритет которых не оспаривает ни одно эмпирическое исследование. Второй аргумент связан со сложной природой творческого мышления. Творческие способности – это способности человека принимать творческие решения, принимать и создавать принципиально новые

идеи. По мнению психологов, изначально творческий потенциал у всех людей одинаковый. Однако с годами способность к творческому мышлению угасает. Результаты экспериментальных исследований показывают, что дети до 5 лет при тестировании дают 90 % неординарных ответов. У семилетних удельный вес таких ответов падает до 20 %. Совокупная доля оригинальных решений у взрослых людей составляет лишь 2 %¹. Вместо новых решений они воспроизводят привычное мышление на основе стереотипного знания. Причина – система образования, основу которой составляет конвергентное мышление. Американский психолог Дж. Гилфорд, обобщая результаты многолетних исследований, выделил два типа мышления: «*конвергентное*, необходимое для нахождения единственно точного решения задачи, и *дивергентное*, благодаря которому возникают оригинальные решения»². Творческое мышление – это дивергентное мышление. Творческие люди склонны образовывать новые комбинации из элементов и связи между комбинациями, не имеющих на первый взгляд никаких схожих характеристик. Креативность и нестандартность мышления – системообразующие признаки дивергентности, экстраполированные в опрос в статусе необходимых личностных качеств достижения жизненного успеха (таблица 2.16).

Таблица 2.16

Качества, необходимые для достижения успеха в жизни, в %

Качества, необходимые для достижения успеха в оценке респондентов	Доля опрошенных
Работоспособность, трудолюбие	23
Амбиции, целеустремленность	14
Качественное образование	13
Связи, поддержка влиятельных родственников и друзей	10
<i>Креативность, нестандартность мышления</i>	10
Высокий уровень профессионализма (профессиональной подготовки)	11
Стартовый капитал, деньги	7
Готовность рисковать	6
Врожденные способности, таланты	4
Способность не обращать внимания на общественные устои, мораль и нравственность	2
ИТОГО:	100

¹С чем связаны творческие способности человека? LonelyBoy. Режим доступа: <https://omkling.com/tvorcheskie-sposobnosti-cheloveka/> (дата обращения 22.10.2018).

²Практическая психология / Под ред. М. К. Тутушкиной.. Режим доступа: <http://medznate.ru/docs/index-71916.html> (дата обращения 22.10.2018).

Удельный вес респондентов, выбравших эти качества, составляет 10 % и совпадает с показателями готовности заниматься творчеством, воплощать свои идеи.

Резервная модель инновационного потенциала. Инновационная восприимчивость и открытость респондентов выявлялась посредством четырех индикаторов:

- ✓ выбор перспективной модели общественного развития;
- ✓ социальные ожидания на ближайшие пять лет, связанные с переходом российской экономики от сырьевой модели к развитию инноваций и наукоемких отраслей;
- ✓ оценка актуальных мер государственной поддержки инноваций;
- ✓ интерес работающей молодежи к научным открытиям и изобретениям.

При выборе моделей общественного развития, которые предлагались респондентам в качестве идеального общественного устройства, мнения респондентов разделились (рис. 2.2).



Рис. 2.2. Оценка моделей общественного развития

Преобладающей оказалась установка на общество с высоким уровнем и качеством жизни (25 %), основой которого являются технико-технологические инновации (16 %) и рыночная экономика (15 %). Ожидания респондентов

относительно скорости перехода от сырьевой модели к развитию наукоемких отраслей носят взвешенный характер: по пятибалльной шкале степень вероятности такого перехода в ближайшие 5 годы – 2,5 балла. Для развития сферы высоких технологий, по мнению опрошенных, необходимы соответствующие меры государственной поддержки, как в сфере фундаментальной науки (40 %), так и прикладных исследований, имеющих быструю и практическую пользу (51 %) (таблица 2.17).

В большей степени уверенность в необходимости развивать фундаментальную науку демонстрируют молодые руководители. Они хорошо понимают, что фундаментальные научные исследования, практически недоступные в условиях отраслевой и заводской науки, но закладывающие путь в новые области знания и создающие прорыв в сфере высоких технологий, имеют приоритетное значение для инновационных процессов.

Таблица 2.17

Оценки необходимости поддержки научных исследований: должностная дифференциация, в %

Утверждения	Должность				По массиву
	Квалиф. рабочий	Служащий (техн. исполнитель)	Специалист	Руководитель	
Нужно поддерживать те исследования, которые несут конкретную практическую пользу	49	53	54	42	51
Научные исследования, даже если они не приносят сиюминутной пользы, должны иметь финансовую поддержку со стороны государства	38	35	39	51	40
Затрудняюсь ответить	11	7	5	6	7
Не стоит тратить деньги на исследования и науку, у государства есть более важные задачи	2	5	2	0	2
ИТОГО:	100	100	100	100	100

Основной вопрос резервной модели связан с интересом к научным открытиям и изобретениям (таблица 2.18).

Таблица 2.18

Уровень интереса работающей молодежи к научным открытиям и изобретениям, в %

Уровни интереса	Должность				По массиву
	Квалиф. рабочий	Служащий (техн. исполнитель)	Специалист	Руководитель	
Заинтересованные» (читают регулярно, часто)	33	39	38	40	38
Интересующиеся (редко, иногда)	56	52	54	53	52
Неинтересующиеся (не читают)	12	9	8	7	10
ИТОГО:	100	100	100	100	100

Опрос не фиксирует значимых должностных отличий. По предложенному в предыдущем разделе «мягкому» или обобщенному показателю уровень заинтересованности молодежи у четырех категорий респондентов примерно равный. Каждый десятый опрошенный не интересуется научной информацией. Активный интерес к инновациям демонстрируют почти 40 % опрошенных. Каждого второго респондента (интересующегося, но редко) можно занести в инновационный резерв - тот запас, который может быть мобилизован, приведен в действие при соответствующих условиях.

Ресурсная модель инновационного потенциала. В экономической теории и практике управления резервы и ресурсы имеют разное значение. Резервы характеризуют возможности, не используемые в настоящем времени, но принимаемые в расчет в будущем. Ресурсы же представляют собой условия и средства, характеризующие актуальные возможности предприятия по ведению деятельности и определяемые в конкретных единицах измерения.

Оценка молодыми респондентами реальных возможностей участия в инновационной деятельности на своем предприятии и в своей профессиональной деятельности показана в таблице 2.19.

Таблица 2.19

Оценка возможности участия в инновационной деятельности, в %

Параметры	Доля опрошенных
На нашем предприятии инновации не внедряются	6
Моя работа сама по себе не предполагает использование новых технологий	15
На моей работе (предприятии) редко внедряются/ используются новые технологии	36
Моя работа предполагает частое внедрение/ использование инноваций (высоких технологий)	30
Моя работа подразумевает постоянный креатив / тесное взаимодействие с инновациями (их разработку и внедрение)	13
ИТОГО:	100

Более 40 % респондентов работают на предприятиях, которые относятся к старому технологическому укладу. В них инновации не внедряются, либо используются крайне редко. Каждый шестой опрошенный не имеет дело с инновациями по причине того, что его работа напрямую не связана с использованием новых технологий; 43 % – могут участвовать в инновационной деятельности регулярно в силу характера своей профессиональной деятельности. Указанное ранее противоречие оценок (на предприятии редко или совсем не внедряются инновации, в тоже время на рабочем месте они внедряются часто) объясняется не только особенностями старопромышленных регионов страны, их неоднородным составом. Можно утверждать, что противоречие носит не явный характер. Во-первых, речь идет о возможном, но не реальном внедрении новшеств. Во-вторых, противоречие снимается за счет должностных различий (рис. 2.3).

Повышение должностного и профессионального статуса обуславливает наращивание инновационных ресурсов молодого работника. Самые высокие оценки возможностей участвовать в инновационной деятельности демонстрируют технические специалисты и руководители. Именно их профессиональная деятельность *«предполагает частое внедрение/использование инноваций»*, *«подразумевает тесное взаимодействие с инновациями»*. По совокупности удельный вес таких ответов у специалистов оставляет 47 %, 52 % – у руководителей (для сравнения: рабочие 31; служащие – 40 %). Иначе говоря, внутренний (должностной и профессиональный) потенциал у каждого второго из них высокий.

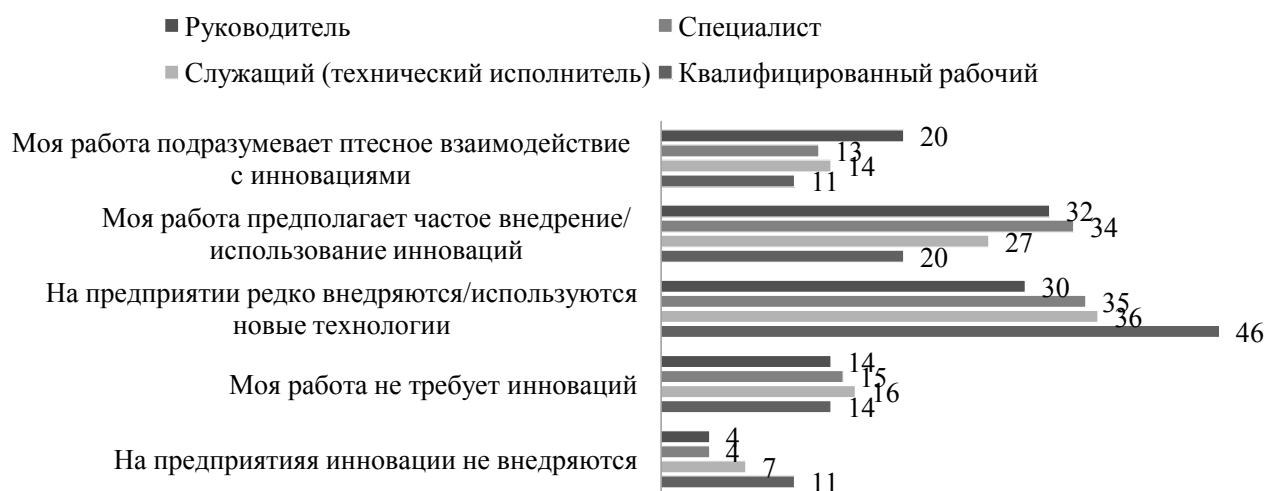


Рис. 2.3. Должностные отличия оценки возможности участия в инновационной деятельности, в %

Наращивание ресурсных характеристик инновационного потенциала работников во многом зависит от мотивационных факторов, которые можно задействовать в системе персонального и корпоративного стимулирования инновационной деятельности (таблица 2.20).

Таблица 2.20

Мотивация участия в инновационной деятельности на предприятии: должностные различия, в %

Параметры	Должность				По массиву
	Квалиф. рабочий	Служащий (техн. исполнитель)	Специалист	Руководитель	
В результате внедрения вы получите премию (денежное вознаграждение)	26	16	21	21	22
Данные научной экспертизы, что новация имеет существенные преимущества (лучшие технические характеристики)	30	27	33	24	31
После внедрения новации конечная продукция предприятия будет соответствовать более высоким стандартам качества	39	34	38	45	39
Явная и быстрая экономическая выгода от внедрения	39	47	40	45	41
Прямое распоряжение руководителя о необходимости внедрения	17	19	23	22	22
Освоение этого новшества конкурентами	8	10	6	5	7
Новация даст вам (предприятию) конкурентные преимущества в будущем (через 2-3 года)	18	40	41	48	37
Новация повысит безопасность производства	44	24	27	24	30
Новация улучшит экологическую ситуацию в регионе	24	18	19	14	19
Ваше предприятие будет оштрафовано, если не внедрит новацию	4	3	4	8	5

*Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, их сумма больше 100 %.

Для квалифицированных рабочих в большей степени значимы материальный (получение денежных вознаграждений) и экзистенциальные факторы, связанные с повышением уровня производственной безопасности и улучшением экологической ситуацией в регионе. Мотивация технических специалистов непосредственно связана с содержанием их профессиональной деятельности, их инженерным долгом – улучшением технических характеристик продукции. У руководителей персональные мотивы отождествляются с корпоративными интересами – внедрение инноваций, по их мнению, будет способствовать улучшению качества выпускаемой продукции и, как следствие, повышению конкурентоспособности предприятия.

Актуализированная модель инновационного потенциала. Ее индикаторы:

- ✓ наличие инновационных разработок;
- ✓ сфера приложения творческих идей;
- ✓ формы инновационной активности;
- ✓ факторы, влияющие на успешность реализации инновационных проектов молодежи.

Результаты опроса показывают, что 54 % опрошенных имеют в своем портфолио инновационные идеи, замыслы, проекты (таблица 2.21). Наиболее активными агентами инновационного процесса являются молодые управленцы.

Таблица 2.21

Наличие инноваций (творческая идея, замысел, проект) для реализации, в %

Есть ли у Вас творческая идея, замысел, проект, который Вы хотели бы реализовать?	Должность				По массиву
	Квалифиц. рабочий	Служащий (техн. исполнитель)	Специалист	Руководитель	
Да	50	51	53	69	54
Нет	50	49	47	31	46
ИТОГО:	100	100	100	100	100

Отраслевой диапазон инновационных разработок молодых работников необычайно широк (таблица 2.22).

Наибольшая инновационная активность проявляется в сфере промышленного производства, инженерии. В первую очередь, это связано с местом

профессиональной деятельностью наших респондентов – региональными промышленными предприятиями. Не менее привлекательной является сфера управления и бизнеса. Третье рейтинговое место занимает сфера услуг и торговли. В общей структуре инновационной активности профессиональная инновационная активность занимает значительное место. Ее удельный вес составляет 84 %. Каждый шестой респондент в нашем опросе (15,8 %) реализует свои творческие способности за рамками трудовой деятельности - образовании и воспитании детей, досуговой деятельности, быту. Творческий человек видит возможности для реализации своего креативного потенциала повсюду. Психологи эту особенность называют стабильным креативным мышлением, которое распространяется и на повседневную инновационную деятельность.

Таблица 2.22

Сферы реализации инноваций, в %

Сферы реализации	Должность				По массиву
	Квалифиц. рабочий	Служащий (технич. исполнитель)	Специалист	Руководитель	
Сфера услуг, торговли	19	28	25	14	23
Бизнес	21	22	20	26	21
Промышленное производство, инженерия	44	33	41	56	43
Безопасность, охрана правопорядка	7	6	3	5	4
Связь	3	4	3	6	3
Информационные технологии	6	17	17	10	14
Образование, воспитание	18	17	10	17	13
Управление	15	11	14	24	16
Медицина, здравоохранение	9	4	5	7	6
Космические технологии	2	0	4	3	3
Химия, биотехнологии	3	6	3	6	3
Другие сферы	4	8	1	1	3
ИТОГО	149	153	160	181	155

** Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, их сумма больше 100 %.

Соотношение профессиональной и повседневной/бытовой инновационной активности зависит от профессионально-должностного статуса опрошенных. В разрезе должностных позиций «квалифицированный рабочий – служащий – специалист - руководитель» доля профессиональной инновационной активности соответственно следующая: 0,85 – 0,84 – 0,92 – 0,90.

Как известно, инновационный процесс состоит из нескольких стадий: инициация и обоснование идеи, разработка продукта, производство, внедрение, распространение. Анализ структуры профессиональной активности молодых работников показывает, что 50 % всех усилий тратится на образовательную подготовку (таблица 2.23).

Вторая половина приходится собственно на инновационную деятельность, но с явным смещением в сторону разработки инновационных идей и проектов (50 %). Треть их них относится к повседневным, бытовым инновациям.

Таблица 2.23

Структура инновационной активности молодежи
(за последние три года), в %

Формы инновационной активности	Доля опрошенных
Образовательная подготовка	133
Повышал свой уровень образования в рамках образовательной организации	40
Занимался самообразованием по своей или смежной профессии (читал литературу, смотрел вебинары и т. п.)	56
Проходил курсы повышения квалификации, тренинги и др. по заданию предприятия/организации	37
Стадии инновационного процесса	
Разработка	54
Предлагал свой проект (идею) руководству по решению производственной задачи	19
Создавал или усовершенствовал устройства, технические средства для личного потребления (для вас, вашей семьи, друзей)	14
Создавал программные продукты	7
Участвовал в разработке творческого проекта, связанного со своей профессиональной или служебной деятельностью	14
Авторизация	3
Регистрировал свои патенты на изобретения	3
Обоснование внедрения	17
Принимал/ участвовал в принятии решения о внедрении новшества (новой технологии, идеи, способа) в производственный процесс	14
Разрабатывал бизнес-план и предлагал его к рассмотрению в банке	3
Освоение	34
Осваивал новую технологию, новое оборудование, новые методы работы	34
Продвижение	20
Выступал с докладами на конференциях или семинарах	12
Участвовал в профессиональных конкурсах, конкурсах на получение грантов, стипендий	8
ИТОГО	261

*Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, их сумма больше 100 %.

Катастрофически обстоит ситуация с авторизацией идей – получением патентов на изобретения (3 %). Только треть молодежи участвует в освоении новых технологий. Еще меньше – в процессе продвижения (20 %) и обосновании инновационных проектов (17 %). В лучшем положении пребывают молодые руководители (таблица 2.24).

Таблица 2.24

Виды инновационной активности молодежи: должностные отличия, в %

Формы инновационной активности	Должность				По массиву
	Квалиф. рабочий	Служащий (техн. исполнитель)	Специалист	Руководитель	
Предлагал свой проект (идею) руководству по решению производственной задачи	9	6	21	43	19
Повышал свой уровень образования в рамках образовательной организации	38	43	40	41	40
Принимал/ участвовал в принятии решения о внедрении новшества (новой технологии, идеи, способа) в производственный процесс	10	5	14	33	14
Занимался самообразованием по своей или смежной профессии (читал литературу, смотрел вебинары и т. п.)	48	49	58	64	56
Проходил курсы повышения квалификации, тренинги и др. по заданию предприятия/ организации	29	25	41	42	37
Осваивал новую технологию, новое оборудование, новые методы работы	30	31	33	44	34
Создавал или усовершенствовал устройства, технические средства для личного потребления (для вас, вашей семьи, друзей)	12	9	14	22	14
Создавал программные продукты	1	6	8	8	7
Разрабатывал бизнес-план и предлагал его к рассмотрению в банке	1	1	3	7	2,8
Выступал с докладами на конференциях или семинарах	5	7	14	22	12
Участвовал в разработке творческого проекта, связанного со своей профессиональной или служебной деятельностью	5	2	16	33	14
Регистрировал свои патенты на изобретения	2	0	3	8	3
Участвовал в профессиональных конкурсах, конкурсах на получение грантов, стипендий	6	6	8	14	8
Ничем из перечисленного	18	13	10	7,2	11

*Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, их сумма больше 100 %.

Они на порядок отличаются от других категорий молодых работников по всем видам активности. Наделенные статусом, ресурсами и высокой степенью ответственности, молодые управленцы более информированы, мобильны и результативны. Вместе с тем, для них, как для руководителей, вопрос о дополнительном стимулировании своих молодых коллег с более низким должностным положением и статусом должен стать очевидным и актуальным. Основная причина, которая, по мнению молодых руководителей, негативно влияет на успешность реализации инновационных проектов – незаинтересованность бизнеса и производства в инновациях, погоня за собственников сиюминутной прибылью (таблица 2.25).

Таблица 2.25

Оценка негативных факторов, влияющих на успешность реализации проекта, в %

Что, на Ваш взгляд, мешает молодежи выдвигать и реализовывать новые идеи?	Должность				По массиву	
	Квалиф. рабочий	Служащий (техн. исполнитель)	Специалист	Руководитель	Доля, в %	Ранг
Отсутствие /недостаток государственных программ по поддержке молодежных инициатив	36	47	34	36	35	III
Законы, нормативные акты, подавляющие инициативу молодежи	19	14	13	10	14	VI
Экономический кризис	26	25	23	27	24	IV
Незаинтересованность бизнеса и производства в инновациях, погоня за сиюминутной прибылью	30	34	37	43	36	II
Нежелание, страх или равнодушие самой молодежи	37	41	39	41	39	I
Отсутствие системы стимулирования на предприятиях за разработку и внедрение инноваций	18	19	24	22	22	V
Ничего не мешает	15	5	10	14	11	VIII
Отсутствие стратегического мышления у руководства	13	7	9	5	9	IX
Низкий уровень профессиональной и управленческой подготовки тех, кто принимает решения о внедрении инноваций	19	17	21	23	20	VI
Другие факторы	0	1	1	0	0	X

Оценки молодежи весьма самокритичны. В группе негативных факторов «нежелание, страх или равнодушие самой молодежи» занимает первое место. Недостаток нормативно-правовых актов и государственных программ, поддерживающих инновационную активность молодежи на макроуровне, и отсутствие на предприятиях локальных систем стимулирования молодежь связывает с низким уровнем профессиональной и управленческой подготовки тех, кто принимает решения о внедрении инноваций, а также отсутствием у них стратегического мышления. Отсутствие значимых различий в оценках четырех категорий наших респондентов лишний раз подтверждает прозрачность, очевидность и массовость всех пробелов инновационной политики на разных уровнях ее разработки и реализации.

Подведем итоги моделирования инновационного потенциала работающей молодежи.

Опрос зафиксировал высокий уровень интенциональных, резервных и ресурсных характеристик инновационного потенциала работающей молодежи. Значительная ее часть проявляет активный интерес к инновационной сфере, выражает стремление к инновационной деятельности, обладает креативным и нестандартным мышлением, в силу своей профессиональной деятельности готова к инновационной деятельности. Наиболее активные агенты инновационного развития – молодые специалисты и управленцы.

Вместе с тем, существует разрыв между субъективными (внутренними) и объективными (внешними, институциональными) характеристиками инновационного потенциала. Не всегда готовность и способность молодежи к инновациям поддерживается необходимыми условиями на предприятиях. Достигнутый уровень инновационной активности молодежи (актуализированная модель) в значительной степени ограничивается стадией инициирования и разработки инновационных проектов. Только 3 % авторизуют свои идеи (получают патенты на изобретения). Лишь небольшая часть работающей молодежи на региональных предприятиях привлекается к обоснованию инновационных проектов и их продвижению. Значительная часть времени уходит

на ее профессиональную подготовку. Стадии внедрения и распространения инноваций исключены.

Наращивание ресурсных характеристик инновационного потенциала работников во многом зависит от мотивационных факторов, которые можно задействовать в системе персонального и корпоративного стимулирования инновационной деятельности. Системы стимулирования должны носить дифференцированный характер.

К негативным факторам, тормозящим развитие инновационных процессов и, как следствие, инновационного потенциала молодежи можно отнести недостаток нормативно-правовых актов и государственных программ, поддерживающих инновационную активность молодежи на макроуровне; отсутствие на предприятиях локальных систем стимулирования; незаинтересованность в инновациях бизнеса; низкий уровень профессиональной и управленческой подготовки лиц, принимающих решения о внедрении инноваций.

3. ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ

3.1. Образ социального будущего в контексте социального самочувствия: социологическое измерение

«Образ будущего» как ключевое для нашего исследования понятие предполагает значительное количество научных импликаций в различные теоретические традиции. В первую очередь обратимся к смысловым значениям слова «образ». Следует признать, что данный термин имеет широкое применение как в научном, так и повседневном обороте. Например, мы говорим «образ мыслей», имея ввиду ход размышлений; или «образ действия», когда показываем то, как мы собираемся поступать в соответствии с определенным планом; под «образом жизни» понимается конкретный способ проживания человеком жизни, его реализация во всех сферах деятельности.

В наиболее разработанной *философской концепции*, образ отождествляется с определенной формой репрезентации объектов реального мира. Внешним видом объекта реальности, который можно ощущать, представлять, воспроизводить. В этом контексте образ выступает как категория гносеологии. В теории познания важным является вопрос о соотношении образа и вещи. Образ может либо предшествовать бытию какого-либо предмета (прообраз), либо наоборот, отражать его в сознании. И. Кант, уделял большое внимание образу в художественном искусстве, подчеркивая, что он выражается в пространстве эстетических идей¹.

Кроме того, образ воспроизводим посредством чувственного познания через его основные формы: ощущение, восприятие, представление.

Слово «образ» указывает на внешние стороны предмета или процесса, несущие о нем информацию. Философская трактовка помогает усвоить категорию образа с позиций чувственного и рационального познания. В первом случае образ

¹ Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство. 1994. 367 с.

отражается посредством органов чувств; во втором – мыслится и воспроизводится в терминах и категориях.

В рамках *психологического подхода* образом принято считать результаты непосредственного отражения и не распространять эту категорию на мышление. Психологи выделяют два уровня организации психики – образный (чувственный) и не образный (мысленный). Такая трактовка следует из традиции наивного реализма понимать образ как фотографию или зеркальное отображение, абсолютизация специфики чувственных наглядных образов, методологические и операциональные сложности описания образности мышления. Другими словами, непосредственность чувственных образов позволяет исследователю легко описывать их в некоторых отношениях непосредственно в терминах отражаемого объекта, а опосредованность мысленных образов в совокупности с их абстрактностью.

Особенность психологического понимания категории образ состоит в том, что реальность, которую он отражает, включает и самого субъекта. То есть образ – это субъективная картина мира, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий. В онтопсихологии К. Менегетти выделяется несколько уровней образа: чувственно-видимый (примитивное повторение реальности); рефлексивный или психологический; образ сферы бессознательного (охватывает фантазию, онейрическую реальность или реальность сновидений, искусство); метафизический образ (мир форм, регулирующих существование человека) и образы, пока не ставшие человеческими¹. Каждый из них выполняет специфические функции, а совместно представляют собой сложный процесс работы психики человека.

Можно сделать вывод, что философский и психологический подход к изучению категории образ фиксирует несколько ключевых аспектов. Во-первых, образ – это феномен, присущий субъективному восприятию реальности, который может быть исследован на уровне индивидуального сознания. Во-вторых, образ

¹ Менегетти А. Мир образов. СПб.: «Онтопсихология», 2005

всегда соотносится с предметом или вещью, являющихся объектом реального мира. В-третьих, образ внутренне сложно устроен, он отражает как чувственно-эмоциональную, бессознательную, так и рациональную сторону личности.

Следовательно, образ будущего – это еще одна из многочисленных теоретических конструкций, которая призвана объяснять реальность, причем в данном случае реальность весьма специфическую. Образ будущего в значительной степени «слагается из чувственных образов, которые не есть фиксирование наличествующего бытия, а являют собой запечатление того общего, что имплицитно присутствует в реальности, еще не оформившись»¹. На основе философского подхода заключим, что образ будущего – это представление или иными словами идея о будущем.

Социологическая трактовка образа социального будущего.

В последние годы растет интерес социологов к изучению будущего как особого предмета. С одной стороны, он стимулируется возрастанием кризисных явлений в обществе, а с другой – универсализацией научного поиска и разработкой более совершенной методологии социального прогнозирования.

Исследования, посвященные ожиданиям, социальным идеалам, программам общественного развития и даже мечтаниям людей, все чаще можно встретить на страницах социологических журналов и монографий². Вместе с ростом числа публикаций, посвященных будущему, расширяется и терминологический аппарат социологии. Как отмечают тюменские социологи Л. Л. Мехришвили и В. В. Гаврилюк «категориальное поле современной социологии представляет собой мозаику конкурирующих языков описания социальной реальности,

¹ Желтикова И. В. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 5 (55). С. 76.

² См.: Романовский Н. В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 13-22; Поздеева Е. Г. Контуры социального будущего в сингулярной реальности: социологический взгляд на проблему // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (8). С. 7-19; Образ будущего в оценках нового поколения россиян: [монография] / [В. В. Гаврилюк, Л. Л. Мехришвили, Н. И. Скок и др.] Тюмень: ТИУ. 2016. 166 с.; Горшков М. К., Крумм Р, Тихонова Н. Е. О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М. 2013. 400 с.

каждый из которых базируется на философских основаниях и имеет длительную историю»¹.

В социально-философский дискурс понятие образ будущего вошел благодаря голландскому социологу Фреду Полаку². Он одним из первых отметил эвристический потенциал этого понятия, связав его с футурологической проблематикой. Полак озабочен прежде всего проблемой кризиса западной цивилизации, одной из причин которого он видит в утрате позитивного восприятия будущего или же вообще нигилистического отношении к нему. Полак стремится изложить принципы формирования образа будущего, описывая ключевые вопросы социального познания, такие как выявление связи между фундаментальными изменениями в социальной структуре и изменениями в ведущих образах будущего; рассмотрение взаимодействия между образами будущего и самим будущим (их взаимовлиянием); прогнозирование последствий распадающегося образа будущего западной культуры для ее будущего.

Полак считает, что гарантия выживания общества состоит в его способности адекватно реагировать на потенциальные угрозы, в том числе и созданием образов будущего.

Одна из главных исследовательских линий Полака – это рассмотрение образов будущего как проектов желаемого завтра и их влияния на построение этого завтра. Полак считает, что «человек становится участником процесса создания будущего именно тогда, когда начинает сознательно создавать образы будущего»³. Образ будущего является фактором изменения действительности, он та произвольная переменная, которая, отталкиваясь от существующей реальности, задает вектор строительства нового мира.

При этом Полак подчеркивает субъективный характер видения будущего, его зависимость от настроения и мировоззрения того, кто его видит. «Вот в этом

¹ Мехришвили Л. Л., Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи// Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 15. М. 2017. С. 371.

² Polak F. The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam, London, New York. 1973. 320 p.

³ Polak F. The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam, London, New York. 1973. P.16.

значении субъективного предчувствия будущего и следует понимать возможность настоящего получать стимул от будущего»¹.

Концепция образа будущего Полака являет собой пример социального исследования, направленного на поиск новых оснований прогнозирования процессов общественного развития.

Социологическая трактовка исходит из признания социальной природы образа будущего. Он выступает элементом общественного сознания и имманентно свойственен любому обществу. В нем аккумулируются жизненные установки, ценности и верования, которые воспроизводят механизмы социальной адаптации, а его характер и направленность в значительной степени определяются уровнем развития общественно-экономических и политических отношений.

Как категория образ социального будущего напрямую указывает на основополагающий принцип социологии, который выражен в единстве субъективного и объективного знания.

Объективная реальность, отражаясь в социальном сознании, смешивается с субъективными оценками, верованиями, ценностями и т.д. Определяя предмет своего изучения как «образ» чего-то, мы тем самым подчеркиваем, что интересуемся не самим обозначаемым феноменом, а тем, каким он видится определенной социальной группе, в конкретной социокультурной среде или каким он изображается в тех или иных источниках. Тем самым образ – это возможность посмотреть на предмет глазами обследуемой группы, социальной общности. Отсюда появляется возможность его исследования социологическим инструментарием.

Уровни функционирования образа социального будущего.

Функционирование образа социального будущего осуществляется на двух уровнях: социетальном или макроуровне (как формы общественного сознания – идеология, программы социального развития) и личностно-индивидуальном (как

¹ Желтикова И. В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-buduschego-v-interpretatsii-f-polaka/>

формы индивидуального сознания – жизненные планы, стратегии поведения и адаптации) – микроуровне социальной системы.

На социетальном уровне изучение образа социального будущего связано с реализацией прогностической функции социологии, то есть выявлению тенденций, построению прогнозов и сценариев будущего развития общества. Объектом для такого анализа выступают идеологии, программы общественного развития, государственные стратегические решения и т.д. Через анализ событий прошлого и тенденций настоящего, пробиваясь сквозь мифы и идеологемы, социальные мыслители пытаются разглядеть возможные перспективы, опасности, риски и новые рубежи общества.

Попытки построения обоснованных социологических прогнозов, несомненно, встречаются в современной западной и отечественной литературе. Одним из ярких примеров такого рода прогнозирования является работа французского экономиста Т. Пикетти «Капитал в XXI веке». В ней ученый не только пробрасывает мостик к, казалось бы, основательно забытому марксизму, но и строит обоснованный прогноз социально-экономического развития на полувековую перспективу¹. В научной среде работа Пикетти вызвала небывалый интерес и стимулировала интеллектуальную полемику вокруг темы нарастания социально-экономического неравенства, которое автор называет глобальной тенденцией современности. Пикетти строит конфликтный сценарий будущего, в котором на историческую авансцену вновь выдвинуты социальные классы со своими идеологиями, политическими программами и непримиримой враждой. И хотя такой сценарий вполне вероятен, Пикетти допускает и консенсусную альтернативу. Она становится осуществима в том случае, если государства прибегнут к старому и давно изведенному методу – политическому реформированию. Перманентные преобразования, затрагивающие в первую очередь налоговую систему, должны сгладить нарастающее неравенство капитала и тем самым снизить вероятность социальной катастрофы.

¹Пикетти Т. «Капитал в XXI веке» М.: Изд-во «Ад Маргинем». 2016. 592 с.

Социально-экономическое исследование Пикетти представляет удачный пример прогнозирования, в основе которого положен не только глубокий анализ процессов, но и широкая теоретическая рамка.

Отечественный социолог Н. В. Романовский полагает, что социологическая проблематика исследования образа будущего на научно-идейном уровне должна включать следующие компоненты: а) «суть и возможные последствия развернувшихся в настоящее время в стране социальных процессов и тенденций; б) практические шаги в социальной и экономической сферах по недопущению нежелательных последствий; в) контуры опережающих время представлений о будущем страны; г) вопросы получения и эффективного использования социологического знания в дискурсе актуальных проблем будущего нашей страны»¹.

Предложенные Н. В. Романовским постулаты стоит рассматривать не столько как теоретические элементы в структуре образа социального будущего, сколько как последовательность исследовательских операций в его анализе. Такой метод позволяет переходить от теоретико-методологических к практическим проблемам функционирования образа будущего, что является важной научной задачей.

Итак, на макроуровне образ социального будущего представлен концепциями общественного развития, качество и содержание которых зависит как от развития науки и ее влияния на общественно-экономические отношения, так и от сложного сочетания историко-культурных обстоятельств жизни общества. Поскольку образ будущего выражает ценности и интересы людей, на идейно-концептуальном уровне идет перманентная борьба за возможность его артикулировать. Субъектами этой борьбы выступают властно-политические группы, элиты и наиболее ресурсные финансово-экономические структуры. Идеология будущего дело не только сложное в интеллектуальном плане, но и требующая значительных финансовых затрат.

¹ Романовский Н. В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 13-22.

Ученые, идеологи и лидеры общественного мнения отнюдь не единственный субъект образа социального будущего. Хотя признается несомненная лидирующая роль интеллектуальной элиты и политического класса в процессе формирования целей социального развития, не стоит сбрасывать со счетов и массовое сознание. В конечном итоге именно поддержка широких социальных слоев той или иной концепции будущего, ее укорененность в общественно-политическом сознании делает возможным преобразования на практике.

Было бы неверно считать, что образ будущего существует только в высоких слоях идеологий и политических программ, его носителем является и отдельный человек. Возможно, не всегда осознанно и ясно, но образ будущего присутствует в повседневной жизни людей, как правило, увязываясь с такими сторонами как жизненные планы и индивидуальные стратегии поведения.

Прогнозы будущего имеет не только общество, но и личность. Эти прогнозы охватывают ее индивидуальную жизнь, построение планов, принятие соответствующих решений, но их основой выступают прогнозы социального развития¹.

Поскольку человек осознает себя частью социального целого (в чем проявляется его социальность), то он предвосхищает не только свою личную перспективу, но встраивает ее в проекцию жизни социальных групп и общностей, с которыми связывает свое будущее. Социальный контекст вытекает из обобщенности представлений, который можно назвать осознанием социального будущего. Так как человек соотносит свои проекционные ожидания с представлениями о социальном будущем, то возникает комплексный образ будущего.

Он отражает сложное сочетание индивидуального и общественного сознания, при котором формируется непротиворечивое представление личности о ее социальных перспективах. На стыке этих перспектив возникают такие социально-

¹ Стегний В. Н. Осознание личностью своего социального будущего: монография / Изд. Пермского государственного технического университета, 2007. С. 25.

психологические феномены как социальное самочувствие и социальное настроение.

Под образом будущего мы понимаем *систему взглядов, ориентаций, установок на социальную перспективу, которая включает идеал общественного развития, ожидания и жизненные планы*. Основная функция образа социального будущего – ориентационная состоит в том, что на его основе люди выстраивают как свои личные, так и групповые стратегии, жизненные программы.¹

Для стабильно функционирующего общества характерно гармоничное взаимодействие личного и общественного уровня образа социального будущего. Личностные планы на будущее вполне естественно вписываются в социальный контекст, предоставляя человеку возможность развивать свои навыки, получать образование, строить карьеру. Индивидуальная перспектива определяется, в том числе, свободой выбора и широтой социальных возможностей.

Однако в кризисные периоды общественного развития происходят сбои, связанные с дисбалансом общественных интересов, потерей социальных ориентаций и аномией. Вместе с утратой ясных ориентиров общественного развития, происходит групповая дезориентация, а также снижается способность людей к адаптации.

Исследования социологов в этом направлении сосредоточились на изучении проблем текущего экономического положения, динамики оценок рисков снижения благосостояния населения, положения в сферах занятости и потребления, а также перспектив выхода из кризисного состояния. Особое внимание уделяется исследованию адаптационных стратегий населения, направленных на отражение соответствующих рисков.

Показательными можно считать результаты исследования, проведенного Е. Аврамовой и Д. Логиновым. Исходя из действий (или бездействия) россиян ими выявлено несколько стратегий адаптации населения к меняющимся условиям жизни.

¹Трынов Д. В. Методологические аспекты исследования образа будущего в контексте становления гражданской культуры // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса (Уфа, 23–25 октября 2012 г.). М. РОС. 2012. С. 134–139.

Инвестиционная стратегия, которая подразумевает покупку инвестиционных активов и аккумуляцию денежных средств присуща высокостатусным группам и в то же время она является наименее распространённой (6 %). Немного более распространена сберегательная стратегия (13,6 %) – ее последователи аккумулируют денежные средства, не покупая при этом ни инвестиционных продуктов, ни товаров длительного пользования. Стратегия, направленная на накопление ресурсов, – это смена профессии (16,3 %) через получение соответствующего образования. Стратегия потребления (33,3 %) направлена преимущественно на покупку товаров длительного пользования.

Последняя стратегия – стратегия выживания (32,0 %) – характеризуется тем, что ее последователи стали активнее использовать свое приусадебное хозяйство.

Средний класс выделяется среди общего состава населения как носитель адаптационных стратегий: отсутствие стратегий фиксируется у 35 % его представителей против 61,5 % представителей «нижнего» слоя. Примерно пятая часть представителей среднего класса инвестировала в средства передвижения и недвижимость и является активным приверженцем сберегательной стратегии. Создание запаса прочности в виде имущества длительного пользования также в большей степени соответствует поведению среднего класса. Использование личного подсобного хозяйства в целях выживания – не его стратегия¹.

Как можно видеть из результатов исследования, малоресурсные социальные группы строят архаичные стратегии поведения направленные, преимущественно, на выживание и сбережение ресурсов, в то время как высокоресурсные группы стремятся к инвестициям в свое будущее. Можно сделать и еще один вывод – структура населения по видам стратегий меняется в связи с углублением кризиса. Обнищание приводит к росту числа малоресурсных групп и, как следствие, сдвигу в сторону стратегий выживания. Это является примером влияния образа социального будущего на построение индивидуальных планов и принятию решений в личной жизни.

¹Аврамова Е., Логинов Д. Социальное самочувствие населения во втором квартале 2016 г. // Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2016. № 11 (29).

Образ будущего как показатель социального самочувствия.

В настоящем исследовании мы ставим задачу изучения социального самочувствия молодежи, ключевым фактором которого выступают ориентации на будущее, ее ожидания и жизненные стратегии, представляющие собой комплексный образ будущего.

Углубление теории социального самочувствия стало следствием развития самой социологии в постсоветский период, поиска новых оснований, объясняющих бурные социальные процессы. Вектор социологического интереса сместился в сторону субъективного восприятия человеком собственной жизни, которое перестало быть прерогативой только психологических исследований в силу существенного влияния объективных факторов.

Целый ряд отечественных социологов и социальных психологов увязывали категорию социального самочувствия с удовлетворенностью различными аспектами жизнедеятельности, в том числе такими важными как «проективные ожидания» и «жизненные стратегии».

Л. Я. Рубина, определяет социальное самочувствие как «степень удовлетворенности выбором и реализацией жизненной стратегии, высокий уровень социальной активности в различных сферах жизни, возможность смены профессии в случае необходимости, устойчивое ощущение комфортности, отсутствие сложностей в системе межличностных отношений, чувство содержательной наполненности жизни, социальной защищенности»¹.

Н. И. Лапин, определяя социальное самочувствие с позиций аксиологического подхода, соотносит его с контекстом настоящих условий и с ориентациями на будущее: «Социальное самочувствие – это субъективное восприятие людьми смыслов своей жизнедеятельности здесь и теперь, в контексте прошлого и ожидаемого будущего. Это ценностно-эмоциональное их отношение к своему

¹ Рубина Л. Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63-75.

социальному положению и уровню удовлетворения своих потребностей, интересов»¹.

Л. Е. Петрова включает в структуру социального самочувствия такие темпоральные характеристики как отношения к изменениям и планирование важнейших событий. Это означает «интерпретацию представлений индивидов о жизненных притязаниях, включающих ценностные ориентации, планы, ожидания, а также степень их реализации (актуальный статус, удовлетворенность жизнью в целом, характеристика своих возможностей и т.д.)»².

Теория социального самочувствия переплетается с изучением образа социального будущего, включая его базовые компоненты. Еще больше эта связь выражена, когда речь идет об исследовании самочувствия такой социальной группы как молодежь.

Человек существует не только в определенной социальной реальности, ему присуще также и определенная фаза жизнедеятельности. Система ценностей, эмоциональность, физическое самочувствие – все это меняется в процессе жизни и на разных ее этапах может представлять относительно самостоятельный и отдельный исследовательский интерес. Роль социального самочувствия в поведении человека выражается прежде всего в его регуляторной функции: становясь мотивом поведения, самочувствие может проявляться в различных формах активности/пассивности личности. Это особенно важно, когда речь идет о социальном самочувствии молодежи. Однако для нас принципиальным значением обладает то, как функционирует и изменяется образ будущего, как индивидуальный, так и групповой, на разных стадиях жизни человека.

Поскольку, образ будущего и проективные представления обладают относительной самодостаточностью, их анализ осуществляется в контексте индивидуального и общественного сознания. Первый, чаще становится предметом анализа психологии, второй – социологии и смежных дисциплин. Кроме этого, отдельно можно рассматривать и факторы, в той или иной мере

¹ Лапин Н. И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // VIII Международная научная конференция. Модернизация экономики и общественное развитие: В 3 кн. Под редакцией: Е. Г. Ясин Кн. 2. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. С. 210-219.

² Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С.50-55.

формирующие образ будущего. Стоит различать факторы, то есть все условия, формирующие в сознании образ социального будущего и акторов (субъектов), социальные институты и общности, своими действиями создающие установку, то есть ценность того или иного образа будущего. В обществе функция создания образа будущего возложена на наиболее ресурсные социальные группы (элиты) и социальные институты (государство, партии, СМИ) прежде всего, создают целостные программы будущего устройства: от утопических проектов до конкретных социальных программ.

Непротиворечивые образы будущего, согласующиеся с интересами широких социальных слоев повышают уверенность в завтрашнем дне, улучшают социальное самочувствие и позитивно влияют на перспективы развития.

3.2. Взаимосвязь образа будущего и инновационного потенциала молодежи

Прежде всего отметим, что проблема взаимосвязи явлений и процессов имеет общенаучный и философский статус, отражает положение о том, что все предметы и явления находятся в бесчисленных связях между собой и раскрывается в рамках учения о детерминизме.

Согласно механистическому «лапласовскому» детерминизму силы (внешние причины и факторы), действующие на материальную систему и ее начальное состояние, жестко, однозначно и линейно определяют ее развитие, дальнейшие события и состояния системы. Однако, такое видение взаимосвязи не подходит для сложных многокомпонентных систем, например, биологических или социальных. В данном случае в фокусе исследования должны находиться непричинные взаимосвязи – отношения взаимосвязи, в которых отсутствуют отношения генетической производительности и временной асимметрии

(функциональные, корреляционные, отрицательные обратные и др. виды взаимосвязей)¹.

Переход науки к исследованию сложных системных природных и социальных объектов обусловил расхождение принципов причинности и детерминизма, а переход от изучения простых динамических систем к вероятностным объектам привел к возникновению и утверждению статистического вероятностного детерминизма. Последующее развитие научного познания, а именно сосредоточение исследовательского фокуса на саморазвивающихся и саморегулирующихся системах кибернетического типа, а также на вероятностных процессах в квантовой механике, целесообразности живых систем в биологии, социальных систем обусловило появление новых категорий в изучении взаимосвязей, нежели простая причинность – самоорганизация, саморазвитие, прямые и обратные связи, неравновесность и т.д.

Как мы видим, современное понимание и исследование взаимосвязи сопряжено с понятием системы, а в социологии – социальной системы. Между элементами системы, в качестве которых выступают социальные действия и взаимодействия, социальная структура, социальные изменения и процессы, предполагается наличие отношений взаимосвязи. Рассматривая формирование образа социального будущего молодежи и развитие ее инновационного потенциала в качестве самостоятельных, но сопряженных друг с другом социальных процессов, мы сфокусируемся именно на взаимосвязи между социальными процессами. Под взаимосвязью социальных процессов мы подразумеваем взаимообусловленные сложные, не обязательно имеющие причинный характер, отношения между ними как элементами самоорганизующейся неравновесной системы.

Связь между процессами в рамках социальной системы носит комплексный характер и обеспечивается через структуры (статусы и роли), через систему институтов, через взаимодействие акторов (действия и практики индивидов.

¹ Дидковская Я. В. Трансформация взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры в современном российском обществе: ... дисс. на соискание уч. степ. д-ра социал. наук. Екатеринбург, 2017.

Воздействие элементов друг на друга, их изменения под влиянием данного воздействия представляют собой процессы, длящиеся во времени. Это означает, что взаимосвязь сама по себе представляет собой систему, но имеет и процессную природу и, в связи с этим, может быть выражена и соответственно охарактеризована посредством социальных механизмов¹.

В социальную, и в том числе в социологическую, науку категория «механизма» была привнесена из методологии естественных наук, прежде всего классической физики Ньютона. В механике как разделе физики под механизмом понимается внутреннее устройство машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие. Механизмы обычно служат для передачи движения и преобразования энергии. На наш взгляд, в социальных науках важным моментом является тот факт, что механизм всегда представляет собой «внутреннее устройство чего-либо», т.е. как в любой системе в нем можно выделить составляющие или элементы, находящиеся между собой во взаимодействии. Кроме того, важно, что механизм является преобразователем движения, видоизменяет скорости или траектории, в результате его действия меняется скорость протекания или направление идущих в системе процессов.

В современной социологической литературе можно вычленить два основных подхода к анализу социальных механизмов. С позиций первого подхода социальный механизм трактуется как социальный процесс или совокупность социальных процессов, обеспечивающих функционирование системы или связи между ее элементами (например, выделяют механизмы социализации – идентификацию, адаптацию, целеполагание и т.д.). С позиций второго подхода – как система взаимосвязанных условий, факторов, явлений, определяющую протекание социальных процессов.

В рамках системного подхода известна концепция социальных механизмов, разработанная Новосибирской школой экономической социологии в 1980-е гг. (Т. Заславская, Л. Косалс, Р. Рывкина, Н. Шабанова), которая явилась ответом на

¹ Подробнее о взаимосвязи социальных процессов в рамках социальной системы см. Дидковская Я. В. Трансформация взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры в современном российском обществе: ... дисс. на соискание уч. степ. д-ра социал. наук. Екатеринбург, 2017.

потребность комплексного изучения факторов экономического и социального развития общества.

Исследователи Новосибирской школы установили, что экономическое поведение находится во взаимозависимости с институциональными условиями, задающими правила игры, с социально-экономическим положением субъектов в структуре, с социокультурными условиями, определяющими ценностно-нормативный контекст деятельности, и, напротив, результатом экономического поведения индивидов выступают изменения в различных социальных структурах¹. Данная система интерпретировалась как социальный механизм развития экономики. В дальнейшем концепция социального механизма экономического развития получила свое развитие в концепции социальных трансформаций Т. И. Заславской².

В рамках процессуального подхода социальный механизм выступает процессом, обеспечивающим связи между социальными институтами, т.е. взаимосвязанное их функционирование. Например, Г. Б. Кораблева, опираясь на институциональный подход, анализирует связь образования и профессии в современном российском обществе³. Г. Б. Кораблева выделяет межинституциональные и внутриинституциональные механизмы связи профессии и образования, в том числе процессы профессионального отбора, профессиональную карьеру и рынок труда.

На наш взгляд, двойственность подходов отражает двойственный характер самого социального механизма, его одновременную процессуальность и системность, в чем и заключается, на наш взгляд, перспективность использования данного понятия в анализе взаимосвязи процессов формирования образа будущего и развития инновационного потенциала в данном случае.

¹ Косале Л. Я. Социальный механизм инновационных процессов: сравнительный анализ советского и постсоветского периодов // Экономическая наука современной России. 2000. № 3-4. С. 87.

² Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 15.

³ Кораблева Г. Б. Теоретико-социологический анализ взаимосвязи профессии и образования. Автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. Екатеринбург, 1999. 39 с.; Кораблева Г. Б. Об институциональном подходе к исследованию связи профессии и образования // СОЦИС. 2000. № 6. С. 48-51.

Наиболее полно двойственная природа социального механизма – его одновременная системность и процессуальность, – раскрывается в рамках интегративного подхода¹. Идеи интегратизма отражены в работах представителей «конструктивистской парадигмы» в социологии (П. Бурдьё, Э. Гидденса, М. Арчер, П. Штомпки) и некоторых других авторов.

Обосновывая одновременную системность и процессуальность социального механизма, мы опираемся, прежде всего, на идеи структуризации Э. Гидденса. По Э. Гидденсу система заложена в самих действующих социальных отношениях, она ограничивает их действия, но одновременно и разрешает их, в действии воспроизводится и изменяется². Отсюда в системе можно зафиксировать процесс структуризации – смену состояний социальной системы, ее динамизм, движение, изменение ее элементов и связей между ними, а это и есть социальный процесс. Поскольку системы имеют процессную природу, изменчивый характер, то мы имеем дело с нелинейными динамичными системами. Следовательно, социальный механизм взаимосвязи следует рассматривать как самоорганизующуюся систему, т.е. способную к изменениям³.

Интегративный подход предполагает движение к исследуемому предмету одновременно с двух сторон: со стороны структур и социальных институтов (анализируемых обычно на макроуровне) и со стороны действующих индивидов, акторов (анализируемых на микроуровне). Кроме того, функциональная роль в системе любого социального процесса заключается в связывании воедино макро и микроуровни системы. Поэтому, рассматривая социальный механизм взаимосвязи образа социального будущего и развития инновационного потенциала не только как систему, но и процесс, полагаем необходимым выделить в нем два уровня анализа - макро - и микроуровни (рис. 3.1).

¹ Дидковская Я. В. Концепция социального механизма как методология исследования взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры: интегративный подход // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Вып. 1. № 4. С. 53-67.

² Гидденс Э. Устроение общества. М., 2005. С. 262-266.

³ Дидковская Я. В. Трансформация взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры в современном российском обществе: ... лисс. на соискание уч. степ. д-ра социал. наук. Екатеринбург, 2017.

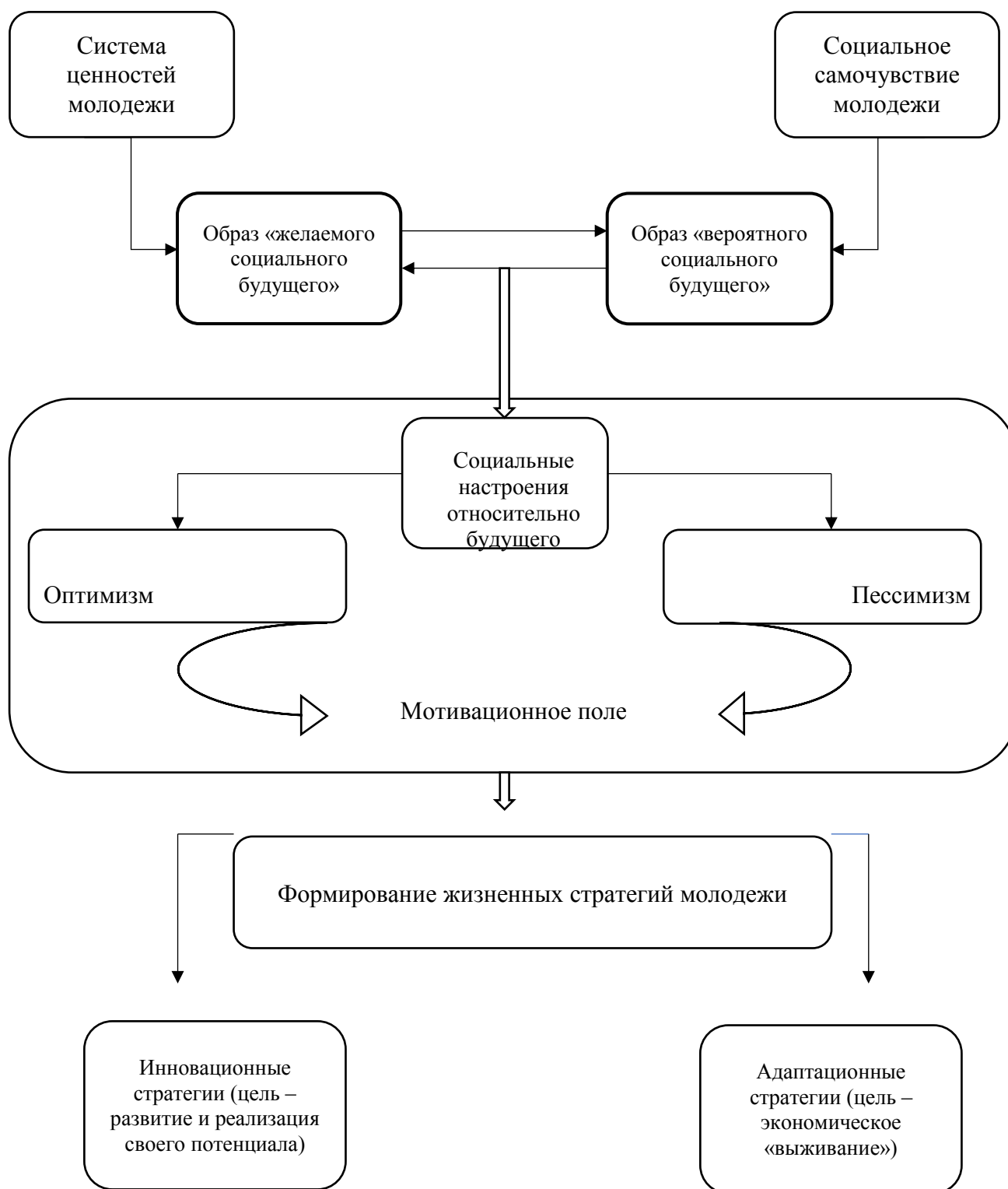


Рис. 3.1. Социальный механизм связи процессов формирования образа социального будущего и развития инновационного потенциала

Макроуровень анализа представлен комплексом институциональных условий, в которых, с одной стороны, формируется образ социального будущего, а с другой, реализуется инновационный потенциал молодежи. Этот комплекс

условий находит свое субъективное выражение в оценке молодежью своего социального самочувствия и определяется функционированием таких социальных институтов как институты образования и науки, производство (в том числе, промышленные предприятия), институты бизнеса и предпринимательства, региональная социально-экономическая инфраструктура, институты политики, СМИ. Микроуровень анализа взаимосвязи образа будущего и инновационного потенциала отражен в жизненных стратегиях, реализуемых молодыми людьми в различных сферах их жизнедеятельности.

Таким образом, исследуя сложную нелинейную взаимосвязь между процессами формирования образа социального будущего молодежи и развития ее инновационного потенциала, мы сфокусировались на двух феноменах – на институциональных условиях формирования образа будущего и реализации потенциала молодежи, субъективно фиксируемых ее социальным самочувствием, и на жизненных стратегиях молодежи, практикуемых ею в этих условиях.

Каким же образом, происходит регулирование данным механизмом взаимовлияния образа социального будущего молодежи и ее инновационного потенциала?

Ключевую роль в процессе формирования социального будущего играет социальный идеал, основанный на ценностных предпочтениях молодежи, его параметры и их значимость, другими словами, ее «желаемое социальное будущее»¹. В образе «желаемого социального будущего» могут аккумулироваться представления молодежи о наиболее важных общественных ориентирах – к чему должно стремиться российское общество в ближайшей или отдаленной перспективе, какие ценностные ориентиры доминируют при этом у молодого поколения, какие находятся на периферии ценностного сознания: общество с развитой рыночной экономикой или ориентированное на ее государственное регулирование, общество социального равенства или элитарное, гуманистическое и толерантное общество или общество с доминированием конкурентных

¹Подробнее социальный идеал как компонент формирования образа социального будущего рассмотрен в предыдущем параграфе монографии

отношений, открытое общество с развитыми институтами демократии или с доминированием жесткой властной вертикали, высокотехнологичное общество, креативное общество и т.д.

Мы полагаем, что общественный идеал или «желаемое социальное будущее» молодежи может выступать элементом, запускающим в действие весь механизм, обеспечивающий связь образа будущего с развитием инновационного потенциала молодежи. Образ «желаемого будущего» сопоставляется с социальными ожиданиями, которые выражаются как оценка молодежью вероятности наступления тех или иных событий на макро- (изменений экономических, политических, социальных и культурных условий в масштабах страны или региона) и микроуровне (ожидание каких-либо событий или изменений на своей личной жизненной траектории), то есть сопоставляется с «вероятным социальным будущем».

«Желаемое социальное будущее» и «вероятное социальное будущее» могут быть согласованы и тогда мы наблюдаем позитивность или оптимизм эмоциональных оценок, социальных настроений молодежи относительно будущего развития общества в целом и своих перспектив в нем. В случае же если ожидания грядущих изменений (или их отсутствия) вступают в противоречие, расходятся с общественным идеалом, мы, напротив, получаем негативистские, пессимистические настроения молодежи относительно сценария социального будущего. Соответственно, само по себе ожидание какого-то определенного события в будущем у молодежи не может вызывать оптимизм или пессимизм в оценках. Дело заключается в том, с каким значимым ориентиром общественного развития это событие соизмеряется. Так, ожидание в дальнейшем укрепления властной вертикали будет вызывать позитивные оценки у молодежи, ориентирующейся на «общество с которым считаются другие страны» как идеал социального развития, а у молодежи, ориентированной на «открытое общество с развитыми демократическими институтами», ожидание этого же события будет вызывать негативизм и пессимизм.

Ожидание конкретных событий в различных сферах общественной жизни и отчасти событий на своей жизненной траектории несомненно определяется оценкой молодежью институциональных условий своей жизнедеятельности и своих возможностей самореализации в этих условиях на настоящий момент, то есть ее социальным самочувствием, поскольку будущие события всегда вызревают в настоящем. Социальное самочувствие поэтому является основой, базой для формирования социальных ожиданий.

Оптимистические и пессимистические настроения молодежи по поводу будущего, возникшие в результате сопоставления образов «желаемого» и «вероятного» будущего, формируют жизненные стратегии молодых людей.

Жизненные стратегии является важным элементом, как для процесса формирования образа социального будущего молодежи, так и для развития и реализации инновационного потенциала, поскольку интегрирует в себе внутренние (потребности, способности, интересы, направленности, устремления индивидов) и внешние (представления об условиях жизнедеятельности, о ситуации самоопределения и карьеры, о возможностях реализации своего потенциала) компоненты данных процессов. Происходит соизмерение внешнего и внутреннего в системе ценностных ориентаций индивидов, являющейся ключевым моментом стратегического поведения.

Согласно наиболее концептуальным авторским подходам к исследованию стратегического поведения индивидов, разрабатываемым, прежде всего отечественной социологией личности, сущностной чертой жизненной стратегии является ее ценностная ориентированность. Согласно большинству теорий, жизненная стратегия включает в себя выбранные способы достижения целей, адекватных ценностной системе личности, соотнесение их во временной перспективе¹. В современной культуре, основанной на идеологии достижения, такой ценностью выступает жизненный успех. Представления молодежи об

¹Теоретические подходы к жизненным стратегиям в социологии анализируются нами в статье: Дидковская Я. В. Динамика стратегий профессиональной карьеры молодежи. // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие Сессия 10. Молодёжь на посткоммунистическом пространстве. Уфа. 2012. С. 1781-1789.

успехе в жизни и доступных и возможных способах его достижения определяют ее актуальные жизненные стратегии.

Кроме того, для нас важно, что категория «жизненная стратегия» наиболее комплексно характеризует компоненты активности, детерминирующие поведение молодежи, направленное именно в будущее, на долгосрочную перспективу, и включают в себя ориентации и жизненные планы¹.

Таким образом, под жизненной стратегией мы подразумеваем некую систему ценностно-ориентирующих целей в жизни молодых людей, а также способов их достижения, сконструированную на перспективу с учетом оценки своих возможностей реализовать потенциал в конкретных условиях жизнедеятельности.

Ожидание позитивных перемен в будущем влияет на желание молодежи осваивать новые технологии, вкладывать в свое профессиональное и личностное развитие. Иными словами, достаточная степень согласованности общественного идеала и социальных ожиданий формирует жизненные стратегии, способствующие развитию и реализации молодежью своего инновационного потенциала. Позитивные ожидания молодежи образуют своего рода мотивационное поле для инновационной открытости и инновационной готовности молодых работников. Негативная ориентация на перспективу, вызванная противоречием между «желаемым» и «вероятным» социальным будущим, напротив, способствует тому, что молодежь преимущественно стремится сохранить или повысить свой экономический статус, обеспечить себе и семье определенный уровень жизни, прибегая к так называемым «стратегиям выживания» или адаптационным стратегиям.

Отметим, что жизненные стратегии молодежи как ключевой механизм, связывающий образ будущего и инновационный потенциал молодежи на микроуровне социальной системы, обеспечивают и ризомность, «обратность» выявленной нами взаимосвязи. Для развития нашего вывода приведем позицию Й. Шумпетера, который определил экономическое развитие как повышение

¹См.: Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М: Мысль, 1991.С. 67; Резник Т. Е, Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // СОЦИС. 1995. № 12. С. 100-105; Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988.

уровня и качества жизни, смену образа жизни на основе крупных значительных новшеств – инноваций¹. Отсюда очевидно, что практика инновационных жизненных стратегий молодежи может выступать фактором, обуславливающим позитивную динамику как объективных условий жизнедеятельности социальных групп и индивидов, так и субъективных оценок этих условий, выражающихся в социальном самочувствии, а через социальное самочувствие менять ожидания и настроения относительно возможного социального будущего.

Результатом теоретико-методологического осмысления категории образа социального будущего молодежи и ее связи с инновационным потенциалом явился комплекс индикаторов, используемых нами в эмпирическом исследовании образа социального будущего работающей молодежи индустриальных регионов как фактора развития ее инновационного потенциала:

Социальные идеалы, касающиеся различных сфер реализации инновационного потенциала молодежи (ее «желаемого социального будущего»)

✓ Представления молодежи о наиболее важных общественных ориентирах (образ «желаемого социального будущего»), который раскрывается в следующих ценностных ориентирах молодежи:

- эффективная рыночной экономики;
- равенство и справедливость;
- сильная государственная власть;
- высокий уровень жизни;
- стабильность, традиции;
- толерантность, гуманизм, терпимость к меньшинствам;
- развитие высоких технологий, научно-технический прогресс;
- геополитическое доминирование.

✓ Представление о личной успешной траектории в обществе как ориентации на наиболее значимые сферы самореализации.

¹Шумпетер Й. Теория экономического развития. Пер. В.С. Автономова. М.: ДиректмедиаПабблишинг, 2008. 401 с.

Социальные ожидания или образ «ожидаемого» социального будущего, который реализуется:

- ✓ Во-первых, в ожиданиях общественных изменений в ближайшем будущем, либо в ожиданиях сохранения существующего;
- ✓ Во-вторых, в ожиданиях изменений на личной траектории, как планируемых, так и в социальных опасениях возможных негативных событий.

Жизненные стратегии молодежи как ориентации и планы, способы их реализации, которые могут носить как инновационный, так и адаптационный характер. Жизненные стратегии измерялись нами по следующим направлениям:

- ✓ Представления молодежи о жизненном успехе и способах его достижения;
- ✓ Жизненные планы и ориентации в различных сферах жизнедеятельности (на создание семьи, рождение детей, профессиональные и карьерные планы, занятия бизнесом и другие).
- ✓ Поведенческие практики молодежи (адаптационные/ инновационные) в различных общественных сферах – фактическая реализация/нереализация инновационного потенциала.

3.3. Работающая молодежь индустриального региона: ценности, ожидания, идеалы

Эмпирическое исследование работающей молодежи индустриальных регионов показало, что идеал общественного развития практически не варьируется по регионам. Имеется целостный устойчивый образ, отражающий идеал общественного развития в сознании молодежи.

Прослеживаются три основные тенденции (таблица 3.1). Во-первых, имеется устойчивый запрос на высокий уровень жизни, который связан с определенным уровнем потребления материальных благ. Во-вторых, для респондентов оказалось значимо развитие высоких технологий (на втором месте практически по всем регионам). В-третьих – молодежь ориентирована на общество эффективной рыночной экономики. Можно предположить, что общество с высоким уровнем жизни является целью, в то время как рыночный характер экономики и

технологическое развитие выступают средством, обеспечивающим его. Таким образом, для респондентов характерен определенный прагматизм, ориентация скорее на экономические показатели, технологическое развитие, вне идеологических ориентаций.

Тем не менее, стоит обратить внимание на запрос, связанный с сильной государственной властью (особенно Пермь, Калуга, Волгоград), достаточно

Таблица 3.1

Общественные идеалы молодежи индустриальных регионов, в %

Существует множество точек зрения на идеал общественного развития, какие из них разделяете лично Вы?	Регион						
	Свердл. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгогр. обл.	По массиву
общество с сильной государственной властью	7,8	9,8	12,4	11,0	9,7	11,3	9,9
общество, где высоко ценят традиции предков	7,9	6,7	4,2	8,5	4,4	6,0	6,5
<i>общество, ориентированное на развитие высоких технологий</i>	17,4	14,2	14,4	18,3	14,1	15,0	15,8
общество равенства и справедливости	14,8	15,4	13,5	13,4	11,7	15,2	14,3
толерантное общество, терпимое к меньшинствам	2,7	1,2	1,4	2,4	1,0	5,6	2,7
гуманистическое общество	3,4	5,1	3,7	3,0	5,8	3,8	3,9
общество эффективной рыночной экономики	14,0	15,7	15,4	14,0	17,5	15,0	14,9
общество с высоким уровнем жизни	25,9	28,0	26,4	22,6	26,2	21,2	25,1
общество, с которым считаются другие страны	6,2	3,9	8,6	6,7	9,7	6,9	6,9
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

выражен и запрос на социал-демократические ценности – общество равенства и справедливости (Башкирия, Волгоград). Внизу рейтинга общественных идеалов – ориентации на гуманизм и толерантность, которые не популярны у молодежи всех регионов.

Исследованием зафиксированы определенные значимые различия общественного идеала по отраслям занятости молодежи (таблица 3.2). Ориентация на сильную государственную власть (и соответственно поддержку государства) наблюдается у молодежи занятой на металлургической производстве, в энергетике и в нефтегазовых отраслях (нефте- и газодобыча, нефтепереработка и др.), то есть там, где сильнее выражено присутствие государственных структур и соответствующий контроль с их стороны. Фактор

технологического развития наиболее значим для респондентов, занятых в высокотехнологичных отраслях – авиастроении, информационных технологиях (включая создание спутников и связь). Мы можем проследить, что желаемый образ будущего тесно сопряжен с образом жизни молодежи, источниками ее актуальной жизнедеятельности и практикой профессиональной деятельности.

Таблица 3.2

Общественные идеалы работающей молодежи, занятой в различных отраслях промышленности, в %

Существует множество точек зрения на идеал общественного развития, какие из них разделяете лично Вы?	Основные отрасли									
	Металлург. пр-во	Машиностр.	Энергетика	IT, спутники, связь	Авиастроение	Химич. пром.	Нефтедоб., нефтехим., нефтеперераб.	Ракетостр.	Трансп.	По массиву
общество с сильной государственной властью	13,2	10,0	12,4	6,0	4,8	6,5	12,6	9,3	11,7	9,9
общество, где высоко ценят традиции предков	8,8	7,0	5,1	6,0	7,3	9,7	4,7	9,9	3,9	6,5
общество, ориентированное на развитие высоких технологий	13,8	16,3	15,0	20,4	19,6	6,5	13,3	13,7	13,3	15,8
общество равенства и справедливости	11,3	15,0	13,8	11,5	15,6	16,1	14,9	17,4	12,2	14,3
толерантное общество, терпимое к меньшинствам	7,5	2,1	2,5	5,5	2,2	0,0	2,5	0,6	1,1	2,7
гуманистическое общество	5,0	3,1	3,9	5,1	4,0	6,5	3,4	4,3	5,0	3,9
общество эффективной рыночной экономики	10,7	16,0	14,5	14,9	13,4	16,1	16,2	13,7	16,7	14,9
общество с высоким уровнем жизни	22,0	24,1	22,8	24,7	26,9	32,3	27,9	24,8	26,1	25,1
общество, с которым считаются другие страны	7,5	6,4	9,9	6,0	6,2	6,5	4,5	6,2	10,0	6,9
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,069, Вероятность ошибки (значимость): 0,005

Ожидания изменений носят в основном пессимистический характер. Большинство молодежи вообще во всех регионах не ждет каких-либо изменений вовсе (таблица 3.3). С учетом невысоких показателей удовлетворенности текущим положением дел, проанализированных нами в главе 1, ожидание отсутствия изменений в большинстве случаев стоит интерпретировать скорее как негативный сценарий будущего, нежели настроение промежуточное между оптимизмом и пессимизмом.

Для более точного анализа социальных ожиданий и настроений, сопоставим, во-первых, количество респондентов, ожидающих изменений в лучшую сторону, и респондентов, ожидающих изменений в худшую сторону, в каждом регионе (индекс позитивности оценок как абсолютная разница между долями респондентов с позитивными и негативными оценками). Индекс позитивности оценок изменений в будущем имеет положительное и высокое значение в Красноярском и Пермском Крае и, не такое высокое, но все же положительное – в Волгоградской области. Регионы с отрицательным значением индекса – Калужская область (-19!), Свердловская область и Республика Башкортостан.

Во-вторых, подробнее посмотрим, что означает ожидание отсутствия изменений в ближайшем будущем для молодежи – хорошо это или плохо?

Это определяется тем, как молодежь оценивает текущую ситуацию в стране. А оценивает она ее в целом плохо – ни в одной сфере общественной жизни оценки состояния дел не дотягивают до 3 баллов во всех регионах (таблица 3.3).

Таблица 3.3

Оценка молодежью состояния дел в различных сферах общества, средние баллы

Насколько дела в стране идут в правильном (5) или неправильном (1) направлении?	Регион						ИТОГО:
	Свердл. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгогр. обл.	
В экономике	2,23	2,30	2,55	2,10	2,64	2,34	2,35
В политике	2,57	2,63	2,84	2,55	2,94	2,60	2,66
В социальной сфере	2,36	2,29	2,65	2,23	2,88	2,40	2,45
В культурной жизни общества	2,97	2,83	3,14	2,63	3,17	2,75	2,95

Наиболее толерантно оценивают в Красноярском и Пермском Крае, наиболее критичные оценки – среди молодежи Свердловской и Калужской областей. Поэтому ориентация на отсутствие изменений в стране в ближайшем будущем, по сути означает негативные ожидания: сейчас дела идут неважно, и в ближайшее время ничего не изменится. Негативизм преимущественно характерен для молодежи, проживающей в регионах с относительно благополучным социально-экономическим положением, с наличием стабильно функционирующих технологически обновленных промышленных производств, где молодежь привыкла к достаточно широкому выбору мест работы, стабильной занятости, сравнительно приличным зарплатам, то есть к определенному уровню жизни.

Однако, в связи с кризисными явлениями в экономике, введением санкций, ухудшением экономического положения в целом и вместе с этим покупательной способности населения (тенденциями, не благоприятствующими экономическому и социальному развитию сосредоточенных в этих регионах производств – автомобильных концернов, машиностроительных предприятий и т.д.), установки относительно будущего и ожидания изменений существенно определяются этими факторами и не могут быть позитивны.

Таблица 3.4

Социальные ожидания молодежи в зависимости от региона, в %

Как вы считаете, изменится ли ситуация в нашем обществе в ближайшие 3 года?	Регион						
	Свердл. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгогр. обл.	ИТОГО:
<i>Нет, ничего не изменится</i>	57,6	46,2	67,1	48,4	46,9	47,9	55,4
Да, изменится в худшую сторону	24,1	29,0	11,3	35,5	12,3	24,2	21,7
Да, изменится в лучшую сторону	18,2	24,7	21,6	16,1	40,7	27,8	22,9
Индекс позитивности оценок	-5,9	-4,3	+10,3	-19,4	+28,4	+3,6	+1,2
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таким образом, на общем фоне выделяются регионы с наиболее пессимистическими настроениями – Свердловская и Калужская области, где доля респондентов, ожидающих изменений в худшую сторону, составляет 24 % в Свердловской и 36 % в Калужской области, а ожидающих, что ничего не изменится, – 58 % и 48 % соответственно; доля молодежи с позитивными социальными ожиданиями в этих регионах, напротив, ниже, чем в среднем по массиву и составляет только 18 % опрошенных в Свердловской области и 16 % в Калужской (таблица 3.4). Также можно выделить регион с наиболее оптимистичными социальными ожиданиями и настроениями – Красноярский Край, где доля респондентов, ожидающих изменений в лучшую сторону достигает 40 %, а индекс позитивности оценок – почти +30 % (для сравнения по всему массиву всего 23 % оптимистично настроенной молодежи).

Согласно полученным результатам социальные ожидания молодежи значимо определяет не только регион проживания, но и отрасль занятости. Можно указать отрасли, где ожидания молодежи наиболее позитивны – на общем фоне резко выделяются предприятия транспорта (более 40 % ожидают изменений в лучшую

сторону), сравнительно оптимистичны ожидания молодых работников химической промышленности (почти 30 % позитивных ожиданий) и металлургического производства (около 30 %). Отрасли с наименее благоприятными ожиданиями – ракетостроение, авиастроение и машиностроение (таблица 3.5), это, в основном, отрасли, подпадающие под санкции, что, видимо, и определяет настроения и опасения молодых работников.

Таблица 3.5

Социальные ожидания молодежи в зависимости от отрасли занятости, в %

Изменится ли ситуация в нашем обществе в ближайшие 3 года?	Основные отрасли										
	Металлургия	Машиностроение	Энергетика	IT, спутники, связь	Авиастроение	Химическое пр-во	Нефтедобыча, нефтехимия, нефтепереработка	Ракетостроение	Транспорт	Другие	По массиву
Нет, ничего не изменится	58,2	49,3	68,1	53,6	47,7	50,0	54,4	80,0	45,2	57,7	55,4
Да, изменится в худшую сторону	13,4	25,6	12,3	23,8	36,4	21,4	21,9	13,3	12,3	26,9	21,7
Да, изменится в лучшую сторону	28,4	25,2	19,6	22,6	15,9	28,6	23,7	6,7	42,5	15,4	22,9
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассмотрим более подробную характеристику социальных ожиданий молодежи индустриальных регионов, которая измерялась нами как оценка молодыми людьми вероятности наступления позитивных и негативных событий в ближайшие 3 года, и представлена в таблице 3.6.

Таблица 3.6

Оценка вероятности наступления следующих событий в стране в ближайшие 5 лет, средние баллы

Оцените вероятность наступления следующих событий в нашей стране в ближайшие 5 лет	Регион						
	Свердл. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгогр. обл.	ИТОГО:
1	2	3	4	5	6	7	8
Возможные позитивные события							
Успешные экономические и социальные реформы	2,25	2,23	2,59	2,02	2,69	2,49	2,38
Принятие законопроектов и государственных программ, способствующих развитию деловой активности, предпринимательской и других инициатив	2,52	2,68	3,49	2,32	3,47	2,69	2,82

Продолжение таблицы 3.6

1	2	3	4	5	6	7	8
Увеличение информационной открытости, прозрачности в обществе	2,24	2,40	3,25	2,27	3,54	2,48	2,61
Переход от сырьевой экономики к развитию наукоемких отраслей и инноваций	2,46	2,47	2,60	2,23	2,68	2,52	2,50
Укрепление государственной власти, властной вертикали	3,45	3,29	2,84	3,16	2,96	3,13	3,20
Возможные негативные события							
Увеличение внешнеполитической напряженности, конфликтов с другими странами	3,70	3,46	3,18	3,56	3,19	3,40	3,47
Принятие законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации, формализма	3,58	3,34	3,98	3,55	3,73	3,11	3,56
Экологические аварии, способствующие ухудшению состояния окружающей среды	3,18	3,14	2,87	3,16	3,01	2,89	3,05
Рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня	4,19	4,04	3,00	4,15	3,19	3,72	3,77
Политические беспорядки, протесты, увеличение напряженности внутри страны	3,22	3,33	3,35	3,15	3,56	2,91	3,22

Для оценки респондентам был представлен перечень возможных событий – трендов, вероятность наступления которых они должны были оценить в баллах следующим образом: 1 балл – наступление события крайне маловероятно, 5 – вероятность наступления события очень высока. В перечне возможных событий присутствовали как позитивные, так и негативные тренды. К позитивным мы отнесли: успешные экономические и социальные реформы; принятие законопроектов и государственных программ, способствующих развитию деловой активности, предпринимательской и других инициатив; увеличение информационной открытости, прозрачности в обществе; переход от сырьевой экономики к развитию наукоемких отраслей и инноваций; укрепление государственной власти, властной вертикали. К негативным: увеличение внешнеполитической напряженности, конфликтов с другими странами; принятие законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации, формализма; экологические аварии, способствующие ухудшению состояния

окружающей среды; рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня; политические беспорядки, протесты, увеличение напряженности внутри страны.

Данные по ожиданию конкретных событий подтверждают уже отмеченную нами тенденцию: в целом вероятность наступления негативных событий молодежью всех регионов оценивается выше (обычно более 3 баллов), чем вероятность наступления позитивных событий (обычно менее 3 баллов). Среди предлагаемых к оценке позитивных событий наиболее всего молодежь ожидает дальнейшего укрепления государственной власти, это единственный положительный тренд, получивший оценку выше 3 баллов, в том числе среди молодых работников предприятий Свердловской области. В топ ожидаемых событий с высокой долей вероятности попадают, к сожалению, в основном, негативные события – прежде всего молодежь ожидает рост цен, инфляцию, снижение жизненного уровня (3,77), кроме того молодые люди опасаются увеличения внешнеполитической напряженности, конфликтов с другими странами (3,47) и принятия законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации, формализма (3,56). Стоит обратить внимание на тот факт, что при достаточно явно выраженной ориентации молодежи на общество с высоким уровнем жизни и эффективной экономики как идеал общественного развития, более всего молодежь опасается именно роста цен и снижения жизненного уровня. Это указывает на существенное расхождение между общественным идеалом или «желаемым» социальным будущим и ожиданиями наиболее вероятных событий, что как раз и может приводить к «пессимизму», разочарованности и социальной пассивности молодежи. Кроме того, отметим, что ни в одном из исследуемых регионов молодые работники индустриальных предприятий (наиболее значимых и технологически перспективных для этих регионов!) не ожидают в ближайшем будущем перехода от сырьевой экономики к развитию наукоемких отраслей и инноваций, ни в одном регионе оценки вероятности этого тренда не достигли и 3-х баллов.

В оценке вероятности наступления позитивных и негативных событий в стране четко прослеживается региональная специфика. Молодежь Красноярского

и Пермского Краев в сравнении с другими регионами дает высокие оценки вероятности наступления позитивных событий и ниже оценивает вероятность наступления негативных трендов. Респонденты Свердловской и Калужской областей настроены по отношению сценария возможного будущего наиболее пессимистично. Республика Башкортостан и Волгоградская область образуют кластер «среднячков».

Вырисовывается два сценария «ожидаемого» социального будущего молодежи, которые неравнозначно представлены в регионах.

Первый сценарий, условно назовем его «критический», характерен для молодежи Свердловской и Калужской областей и отчасти (в смягченном варианте) Республики Башкортостан и Волгоградской области: в ближайшем будущем молодежь этих регионов ожидает рост цен, инфляцию и снижение жизненного уровня, увеличение внешнеполитической напряженности, конфликтов с другими странами, а также принятие законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации, формализма. И все это на фоне ожидаемого усиления государственной власти и укрепления властной вертикали. В данных регионах оценки вероятности этих трендов наиболее высоки (варьируются от 3,11 до 4,19 баллов).

Второй сценарий ожидаемого будущего условно можно назвать «оптимистично-парадоксальным», он сочетает в себе как оптимистичные, так и противоположные им негативные тренды, характерен для Пермского и, особенно, для Красноярского Краев. С одной стороны, в данных регионах молодежь ожидает увеличения информационной открытости, прозрачности в обществе (3,25 и 3,54), принятия законопроектов и государственных программ, способствующих развитию деловой активности, предпринимательской и других инициатив (3,47 и 3,49). С другой стороны, практически в той же мере ожидается противоположная им тенденция – принятие законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации и формализма, и именно в этих двух регионах молодежь довольно высоко оценивает вероятность политических беспорядков, протестов, увеличения напряженности внутри страны в ближайшем будущем (3,35 и 3,56).

Помимо социальных ожиданий молодежи на макроуровне, мы также оценивали ожидания микроуровня, а именно опасения работающей молодежи, касающиеся возможных изменений их индивидуальных жизненных траекторий. Респонденты оценивали в баллах вероятность наступления в их жизни нежелаемых событий: 1 балл – вероятность наступления события крайне мала, 5 баллов – вероятность события очень высока. Полученные результаты (средние баллы) представлены в таблице 3.7.

Таблица 3.7

Социальные опасения молодежи индустриальных регионов, в %

Оцените в баллах вероятность наступления следующих событий в Вашей жизни в ближайшие 5 лет	Регион						
	Свердл. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгогр. обл.	ИТОГО:
Увольнение, потеря работы	2,25	2,12	2,33	2,40	2,11	2,37	2,27
Проблемы со здоровьем, необходимость лечения	2,51	2,42	2,44	2,68	2,26	2,56	2,49
Ухудшение материального положения вследствие перехода на менее оплачиваемую работу, неполный рабочий день и прочее	2,45	2,14	1,67	2,74	1,84	2,49	2,24
Развод, расставание с близким человеком	1,78	1,52	1,71	1,60	1,72	2,01	1,77
Утрата собственности вследствие противоправных действий (квартиры, машины и др.)	1,87	1,61	1,76	1,76	1,67	2,09	1,84
Невозможность платить/брать кредиты	2,58	1,87	2,09	2,50	1,90	2,39	2,33
Неправомерное преследование со стороны органов власти или силовых структур (чиновников, полиции, налоговой, судебных приставов и др.)	2,08	1,78	2,35	2,34	2,30	2,31	2,18

В целом наибольшие опасения молодежи вызывают следующие факторы: проблемы со здоровьем, ухудшение материального положения и связанное с этим, невозможность платить/брать кредиты. Также молодые люди достаточно серьезно опасаются возможного увольнения, потери работы. То есть большинство социальных страхов молодежи опять-таки связаны с вероятностью ухудшения жизненного уровня, проявляется это и как опасения ухудшения условий жизни в стране в целом, и как страх перед возможным снижением своего личного экономического статуса.

Более всего социальные опасения, связанные с личной жизненной траекторией, характерны для респондентов Калужской, Свердловской и Волгоградской областей (таблица 3.7). Интересно, что в оценке вероятности наступления негативных событий на индивидуальной траектории в «регионы-лидеры», выходит Волгоградская область, сравнительно благополучная нежели Свердловская и Калужская области в оценке возможных общественных изменений. Молодые жители Волгоградской области более остальных опасаются утраты собственности вследствие чьих-либо противоправных действий, а также возможного развода, расставания с близким человеком. Волгоградская молодежь сравнительно сильно опасается проблем со здоровьем и ухудшения материального положения.

Исходя из гипотезы-положения о том, что настроения молодежи оптимизм/пессимизм определяются возможными противоречиями между ее социальными ожиданиями (образом ожидаемого социального будущего) и идеалами общественного развития (образом желаемого идеального будущего), мы попытались ответить на вопрос: Какие ценностные ориентиры лежат в основе социальных настроений молодежи – оптимистического взгляда в будущее или пессимизма, сопряженного с опасениями и страхами?

Для этого в соответствии с социальными ожиданиями работающей молодежи, мы выделили две, противоположные по своим настроениям относительно будущего, группы респондентов:

1. Оптимистично настроенная молодежь: считающая, что ситуация изменится в лучшую сторону (Объем группы: 240 респондентов или 22,88 %).
2. Пессимистично настроенная: считающая, что ситуация изменится в худшую сторону (22).

Их соотношение во всем массиве респондентов сбалансированно: каждая из групп составляет примерно чуть меньше четверти от опрошенных. В выделенных группах мы проанализировали содержание их общественных идеалов, представлений о желаемом будущем, то есть ориентиров развития общества, основанных на ценностных представлениях молодежи. Благодаря этому возможно

понять, что конкретно не устраивает молодежь и в чем расхождение их ожиданий с идеалом («желаемого» и «ожидаемого» будущего).

При этом мы использовали процедуру количественного анализа данных «Сравнение двух групп», реализуемую программой для обработки социологических данных «Vortex», которая показала статистически значимые различия данных групп по переменной «Идеал общественного развития». Результаты сравнения групп представлены в таблице 3.8.

Таблица 3.8

Сравнение двух групп – оптимистов и пессимистов
с помощью дискриминантного анализа, в %

Переменная (X)***:	Значение (Xn):	Разница между Y1 и Y2 по X:	X/Y1*:	X/Y2**:	Delta
Существует множество точек зрения на идеал общественного развития, какие из них разделяете лично Вы?	общество равенства и справедливости (X1)	-15,4	33,3	48,7	12,5
Существует множество точек зрения на идеал общественного развития, какие из них разделяете лично Вы?	общество с сильной государственной властью (X2)	14,5	32,5	18,0	11,0
Существует множество точек зрения на идеал общественного развития, какие из них разделяете лично Вы?	общество с высоким уровнем жизни (X3)	-12,0	61,7	73,7	12,0

*Первая группа (Y1): Как вы считаете, изменится ли ситуация в нашем обществе в ближайшие 3 года? (Да, изменится в лучшую сторону – 240 (22,88 %))

** Вторая группа (Y2): Как вы считаете, изменится ли ситуация в нашем обществе в ближайшие 3 года? (Да, изменится в худшую сторону – 228 (21,73 %))

*** Переменная X – Существует множество точек зрения на идеал общественного развития, какие из них разделяете лично Вы?

Среди выявленных значимых различий – три момента: общество равенства и справедливости, общество с сильной государственной властью, общество с высоким уровнем жизни. А именно, оптимисты в большей мере ориентированы на общество с сильной государственной властью, их оптимистичность объясняется совпадением ожиданий высокой вероятности укрепления государственной власти в обществе с общественным идеалом; пессимисты же более ориентированы социал-демократические ценности, в качестве идеала общественного развития им ближе общество равенства и справедливости, а также общество с высоким уровнем жизни. Однако, среди наиболее сильных опасений

молодежи мы видим ожидание именно снижения уровня жизни, инфляцию и рост цен. Таким образом, сравнительный анализ «оптимистов» и «пессимистов» еще раз подтверждает наш вывод о том, что настроения молодежи определяются расхождением/ совпадением образа желаемого социального будущего с образом ожидаемого будущего, а пессимистичный настрой молодых людей связан именно с тем, что общественный идеал не согласуется с их социальными ожиданиями.

Социальные настроения образуют своего рода мотивационное поле для формирования молодыми людьми своих индивидуальных жизненных стратегий. Особенности практикуемых жизненных стратегий и их роль в реализации инновационного потенциала работающей молодежи индустриальных регионов рассмотрены в следующем параграфе монографии.

3.4. Жизненные стратегии работающей молодежи: адаптация и инновация

Исследуя жизненные стратегии молодых людей, мы исходили из того, что их сущностной чертой является ценностная ориентированность. Какие же именно жизненные цели характерны для работающей молодежи и на какие ценности они опираются? Ответы респондентов о жизненном успехе представлены в таблице 3.9.

Таблица 3.9

Показатели успеха, которые являются наиболее значимыми для молодежи, в %

Показатели жизненного успеха в оценке молодежи	Регион						
	Свердл. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгогр. обл.	По массиву
собственное жилье	10,2	9,1	8,6	10,5	8,4	11,9	10,0
свое дело, независимость от работодателя	7,5	8,4	4,9	5,8	8,4	8,9	7,3
хорошая семья, успешные дети	27,6	28,9	29,9	29,8	27,9	28,2	28,5
высокий экономический статус, уровень дохода	19,1	23,2	17,6	17,5	19,0	16,3	18,5
карьера, достижение высоких должностных позиций	10,0	8,7	14,1	12,3	10,2	7,6	10,4
высокие профессиональные достижения	16,0	13,7	16,8	10,5	15,9	17,6	15,9
возможность заниматься творчеством, воплощать свои идеи	9,5	8,0	8,1	13,5	10,2	9,6	9,4
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В основных жизненных целях и ориентирах значимых различий по регионам не наблюдается. Молодые люди ценят семью и высокий уровень жизни с присущими ему атрибутами – высоким доходом, карьерой и достижением высоких должностных позиций. Достаточно важным показателем успеха для молодежи выступает наличие собственного жилья. Эти пункты в совокупности и образуют для молодежи идеал успешной жизненной траектории. Отметим, что значимость творчества и возможности воплощать свои идеи (данная ориентация выступает ценностным фундаментом именно для инновационного поведения человека) характерна менее, чем для 10 % молодых работников.

Результаты нашего исследования перекликаются с данными ряда социологических исследований, в частности с результатами, полученными коллегами из Пермского филиала НИУ ВШЭ, которые изучали ценностные ориентации молодежи по методике Ш. Шварца. Правда, объектом исследования в данном случае выступила более молодая возрастная когорта молодежи: возрастная граница респондентов составила до 25 лет (мы раздвинули границу нашего объекта до 30 лет и изучали лишь молодежь, занятую в индустрии). Тем не менее, мы полагаем, что, не смотря на некоторое различие в характеристиках объекта и используемой методики, сопоставление выявленных жизненных ценностей молодого поколения в общих чертах в данном случае принципиально возможно. Согласно выводам пермских исследователей «с одной стороны, представители российской молодежи стремятся к приятному времяпрепровождению; для них важно наслаждаться удовольствиями, которые дает жизнь; использовать любую возможность повеселиться, а с другой, имеют амбициозные цели в жизни и стремятся преуспеть»¹. По нашим данным более всего преобладают ориентации на семью (благополучную личную жизнь), высокий уровень и качество жизни (экономическое благополучие) и на достижения в карьере, профессиональной сфере.

Если показатели успеха диагностируют ценностные ориентиры, образующие базу жизненных стратегий молодежи, то другим дополняющим их элементом

¹Федотова В. А. Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 78-86.

выступают способы достижения этих ценностей-ориентиров или инструментальные ценности молодежи. В нашем исследовании они измерялись как возможные способы, средства достижения жизненного успеха. В таблице 3.10 приведена иерархия способов достижения успеха в жизни согласно оценкам респондентов.

Таблица 3.10

Способы достижения успеха в жизни согласно оценкам респондентов, в %

Качества и обстоятельства, которые помогают человеку достичь успеха в жизни	Регион						
	Свердл. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгогр. обл.	По массиву
<i>работоспособность, трудолюбие</i>	20,9	24,7	25,9	21,2	23,3	25,1	23,2
стартовый капитал, деньги	8,0	4,4	4,2	6,1	8,6	7,1	6,7
связи, поддержка влиятельных родственников и друзей	11,0	11,8	10,6	14,5	5,6	9,3	10,5
<i>амбиции, целеустремленность</i>	14,0	17,0	13,5	7,8	15,1	13,3	13,8
способность не обращать внимание на общественные устои, мораль и нравственность	2,6	2,6	1,5	5,0	0,9	3,0	2,5
креативность, нестандартность мышления	9,8	10,7	10,0	10,6	10,8	6,8	9,5
высокий уровень профессионализма (профессиональной подготовки)	11,7	9,2	9,1	11,7	10,8	11,2	10,8
<i>качественное образование</i>	12,3	10,0	15,1	14,5	13,4	14,2	13,2
врожденные способности, таланты	4,2	3,0	4,3	5,0	6,0	2,8	4,0
готовность рисковать	5,4	6,6	5,8	3,4	5,6	7,1	5,8
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В ходе исследования был получен, на наш взгляд, интересный факт: доминирующим средством достижения успеха в жизни для занятой молодежи является работоспособность и трудолюбие (варьирует по регионам от 21 до 26 %). Работоспособность и трудолюбие молодежь оценивает существенно выше нежели наличие стартового капитала (около 7 % по массиву), и даже связи и поддержку влиятельных родственников (6-12 %).

В качестве ресурса жизненного успеха молодежь достаточно высоко оценивает качественное образование, амбиции и целеустремленность.

Иначе говоря, в достижении успеха молодежь готова скорее опереться на свои внутренние ресурсы – определенные качества личности – работоспособность, трудолюбие, целеустремленность, амбициозность, нежели использовать внешний ресурс – связи, поддержку родственников, капиталы. Это говорит о достаточно

выраженном стремлении к самостоятельности, желании добиваться успеха своим путем. Для молодежи довольно высока значимость качеств, связанных со способностью к инновационной активности, – креативности и нестандартности мышления и готовности рисковать.

Вырисовывается обобщенная стратегия молодежи, занятой на индустриальных предприятиях: через труд и амбиции добиться успехов, прежде всего, в личной жизни – создать семью, обеспечить ей достойный уровень жизни и экономического благосостояния, а также добиться значимых успехов на профессиональном поприще, в карьере. Помимо работоспособности и стремлению к достижениям важным средством успеха выступает качественное образование.

Далее мы постарались проследить определенные вариации в жизненных стратегиях работающей молодежи. Существует ли корреляция жизненных целей со средствами их достижения? Наши данные говорят о том, что сильных взаимосвязей не прослеживается, однако, определенные статистически значимые особенности стратегий выявить возможно (таблица 3.11).

Таблица 3.11

Взаимосвязь между жизненными целями молодежи и способами их достижения, в %.

Средства достижения успеха в жизни	Показатели жизненного успеха, значимые для респондента							
	собственное жилье	свое дело, независимость от работод.	семья, успешные дети	высокий эконом. статус, уровень дохода	карьера, высокие должн. позиции	высокие профес. достижения	возможность заниматься творчеством	По массиву
1	2	3	4	5	6	7	8	9
работоспособность, трудолюбие	67,2	57,8	68,3	67,5	71,3	72,6	61,5	66,7
стартовый капитал, деньги	27,6	27,0	19,0	20,8	13,2	16,2	15,4	19,3
связи, поддержка влиятельных родственников и друзей	36,2	33,6	30,4	36,0	26,4	23,3	23,1	30,1
амбиции, целеустремленность	33,8	39,3	38,3	41,6	44,2	40,2	45,8	39,6

Продолжение таблицы 3.11

1	2	3	4	5	6	7	8	9
способность не обращать внимание на общественные устои, мораль	6,6	8,1	6,0	5,8	6,6	5,2	13,2	7,1
креативность, нестандартность мышления	21,0	30,3	27,6	25,6	26,1	25,3	42,5	27,3
высокий уровень профессионализма	30,3	23,2	31,6	31,7	34,7	38,2	31,1	31,1
качественное образование	37,6	33,2	40,6	36,5	44,2	44,1	26,7	38,0
врожденные способности, таланты	10,3	13,7	10,9	11,5	9,2	11,0	15,8	11,6
готовность рисковать	19,7	26,1	17,7	15,0	15,2	13,4	16,8	16,7
ИТОГО:	290,3	292,4	290,3	292,0	291,1	289,4	291,9	805,8

* Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100 %.

** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,058, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Опираясь на некоторую предрасположенность респондентов, придерживающихся той или иной модели жизненного успеха, выбирать определенные средства его достижения, мы выделили несколько типичных жизненных стратегий молодых людей и их особенности.

Выделяются несколько независимых кластеров стратегий молодежи. Жизненные ориентиры молодых людей, выстраивающих данные стратегии, между собой практически не пересекаются. Среди них, прежде всего отметим стратегию достижения успехов в бизнесе, в сфере предпринимательства на основе ориентации на свое дело и независимость от работодателя как показатели жизненного успеха. Однако, бизнес-карьера в представлениях этих молодых людей выглядит довольно своеобразно. Респонденты данной категории чаще других, в качестве средств достижения успеха выбирают наличие стартового капитала и опору на связи и поддержку родственников. Интересно, что среди них по сравнению с остальными респондентами наиболее низка значимость таких способов достижения успеха как работоспособность и трудолюбие, высокий уровень профессионализма и качественное образование. Готовность рисковать –

одна из отличительных характеристик данной стратегии: среди респондентов этого типа на готовность рисковать для достижения успеха уповает 26 % молодых людей, тогда как в среднем по массиву – только 16 %.

Следующая стратегия, которую мы выявили, базируется на ориентации на достижение успехов в профессии и построение карьеры. Именно эта категория молодежи больше чем другие стремится достичь успеха через работоспособность, амбиции, высокий уровень профессионализма и получение качественного образования.

Затем мы выделили стратегию, при которой молодые люди ориентированы на творчество как жизненную ценность и воплощение своих идей. Эти респонденты в большей мере чем остальные в качестве средства достижения успеха опираются на креативность и нестандартность мышления: среди них более 42 % отметили креативность мышления как значимый для них способ добиться жизненного успеха, в среднем же по массиву таких только 27 %. Как и предыдущая категория респондентов, они в значительной мере полагаются на свою амбициозность и целеустремленность.

Каждая из данных стратегий, на наш взгляд, обладает определенным инновационным потенциалом, который может быть реализован при благоприятных внешних условиях или остаться не востребуемым. Очевидно, что наибольший креативный потенциал имеет последняя рассмотренная нами стратегия, поскольку здесь можно говорить о воплощении своих творческих идей как основном жизненном ориентире и креативности мышления как основном способе его достижения. Данная категория молодежи нацелена на продуцирование новых идей, создание разработок и воплощение в жизнь своих проектов. Их амбициозность выступает внутренним мотиватором для инновационной активности. Более всего в исследуемом массиве представлена вторая стратегия. Ее потенциал заключается в способности самосовершенствоваться (в профессиональном и образовательном плане) для достижения успеха и высоких социально-профессиональных позиций. Стратегия преуспевания в бизнесе, несмотря на свою неоднозначность, отмеченную нами выше, тоже имеет значимый потенциал в плане инновационной активности

молодежи – создание бизнес-проектов, благодаря которым происходит внедрение инноваций, которые предполагают доведение разработки до массового потребителя, чрезвычайно важно для инновационного развития. Кроме того, для внедрения новых технологий, реализации новых идей важна готовность предпринимателей к определенному риску.

Помимо выделенных и рассмотренных стратегий, присутствуют еще ориентации на высокий экономический статус, хорошую семью и собственное жилье как атрибуты жизненного успеха. Однако, выделять их в отдельные стратегии мы не стали, поскольку эти ориентации не обособляются и практически растворены между всеми категориями респондентов. Также трудно указать на их перспективность в плане реализации инновационного потенциала, скорее эти субстратегии несут в себе черты адаптационности – нацеленности на стабильность и экономическое «выживание» в неблагоприятных условиях внешней среды.

В итоге, на основании выявленных особенностей различных стратегий мы построили их типологию, которая представлена в таблице 3.12 и включает в себя два типа, обладающих определенным инновационным потенциалом – стратегию творчества и реализации идей в том числе в бизнесе (креативный и предпринимательский потенциал) и стратегию профессионального и карьерного успеха (потенциал самосовершенствования), а также тип стратегии, обозначенный нами как стратегия создания семьи и экономического благополучия, который скорее представляет собой адаптационные стратегии или стратегии «экономического выживания».

Отметим, что это типология именно стратегий, а не респондентов, поскольку она не жесткая и один и тот же респондент может придерживаться, например, стратегии реализации своих творческих идей и одновременно, стратегии создания семьи и экономического благополучия. В наши задачи анализа не входило распределить респондентов по группам, главное для нас было показать какие стратегии, формируемые молодыми людьми, перспективны в плане реализации инновационного потенциала и какие стратегии молодых работников необходимо стимулировать.

Таблица 3.12

Типы жизненных стратегий

Значения	Частота	% от опрошенных
Стратегия профессионального успеха и карьеры	518	49,4
Стратегия творчества и реализации идей в том числе в бизнесе	279	26,6
Стратегия создания семьи и экономического благополучия	252	24,0
Итого ответивших:	1049	100,0

Одним из важных результатов исследования стала обнаруженная взаимосвязь между типами жизненных стратегий и социальными настроениями молодежи относительно будущих перспектив (раскрытыми нами в предыдущем параграфе) – оптимизмом и пессимизмом (таблица 3.13).

Таблица 3.13

Взаимосвязь между типом жизненных стратегий и социальными настроениями респондентов, в %

Как вы считаете, изменится ли ситуация в нашем обществе в ближайшие 3 года?	Типы жизненных стратегий			
	стратегия профессионального успеха и карьеры	стратегия творчества и реализации идей в том числе в бизнесе	стратегия создания семьи и экономического благополучия	ИТОГО:
Нет, ничего не изменится (нейтральные или латентные настроения)	54,1	54,5	59,1	55,4
Да, изменится в худшую сторону (пессимизм)	18,7	21,9	27,8	21,7
Да, изменится в лучшую сторону (оптимизм)	27,2	23,7	13,1	22,9
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0

** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,103, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Из данных таблицы 3.13 видно, что социальный пессимизм (ожидание изменений в худшую сторону) несколько выше среди молодежи, практикующей стратегии создания семьи и достижения экономического благополучия (28 %), чем среди молодежи, придерживающейся стратегий профессионального успеха и карьеры и стратегии творчества и реализации идей (18-22 %). Социальный оптимизм (ожидание изменений в лучшую сторону), напротив более характерен для стратегий профессионального успеха и карьеры, творчества и реализации идей (24-27 %), а не для стратегии создания семьи и экономического благополучия (13 %). Таким образом, полученный эмпирический материал подтверждает нашу гипотезу о том, что стратегии, имеющие определенный инновационный потенциал, в большей мере сопутствуют оптимистичным

социальным настроениям относительно будущего, а стратегии «экономического выживания» (адаптационные), напротив, сопряжены с пессимизмом, негативным сценарием возможного социального будущего.

Выбранные цели и средства их достижения соотносятся между собой во временной перспективе с помощью формирования жизненных планов. Исследуя жизненные планы как элементы стратегий молодежи, мы рассмотрели в качестве важнейшего показателя отношения молодежи к своему будущему так называемый «горизонт планирования» – период времени, на который возможно планировать свое будущее. Понятно, что чем дальше «горизонт планирования» охватывает перспективу жизненных планов, тем более стабильно и уверенно молодежь смотрит в будущее.

Таблица 3.14

Период времени, на который молодежь планирует свою жизнь, в %

На какой период времени Вы предпочитаете строить планы на жизнь?	Регион						
	Сверд. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волг. обл.	По массиву
Затрудняюсь ответить	8,6	11,8	10,8	11,3	4,9	10,8	9,6
<i>Планирую только на ближайший год</i>	41,9	37,6	30,5	46,8	39,5	34,0	37,8
Строю планы на ближайшее будущее (до 5 лет)	31,3	36,6	39,4	24,2	39,5	22,7	32,0
У меня вся жизнь уже спланирована	3,0	4,3	6,1	0,0	4,9	10,3	5,1
Строю планы на отдаленное будущее (от 5 до 10 лет)	5,9	4,3	7,5	8,1	7,4	13,9	7,8
Живу одним днем, не строю планов	9,4	5,4	5,6	9,7	3,7	8,2	7,6
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Мы видим, что региональная картина сроков планирования практически повторяет ситуацию с социальными ожиданиями и настроениями молодежи: в тех регионах, в которых в оценках молодежи преобладает негативный сценарий будущего, это Калужская и Свердловская области, горизонт планирования несколько короче (сильнее тяготеет к планированию только на 1 год), нежели в регионах с более позитивными ожиданиями и настроениями – в Красноярском и Пермском Крае, в этих регионах срок планирования увеличивается до 5 лет. В целом же, обращает на себя внимание, что во всех регионах «горизонт планирования» невысок, и составляет у большинства молодых людей не более

одного года, что говорит о неуверенности, неопределенности молодежи в своих жизненных стратегиях и планах. Согласно мнению самих молодых людей, наиболее существенной причиной, мешающей молодежи планировать свое будущее, является значительная неопределенность и изменчивость ситуации – почти половина респондентов указала на это. Также, по мнению молодежи, осложняет планирование своего будущего отсутствие опыта и навыков планирования (19 %) и негативный сценарий будущего (12 %). Считающих, что ничто не мешает молодежи планировать свое будущее немного от 4 % в Калужской области до 12 % в Красноярском Крае.

Жизненные планы молодежи различных индустриальных регионов представлены в таблице 3.15.

Таблица 3.15

Жизненные планы молодежи индустриальных регионов, в %

Жизненные планы	Регион						
	Свердл. обл.	Респ. Башкорт.	Перм. Край	Калуж. обл.	Красн. Край	Волгогр. обл.	По массиву
сменить место работы	23,9	31,2	23,5	29,0	28,4	44,8	29,0
сменить сферу занятости, профессии	24,1	17,2	25,4	11,3	23,5	26,8	23,5
открытие своего дела	20,2	26,9	19,2	27,4	30,9	23,7	22,5
создание семьи, рождение ребенка	53,7	62,4	54,9	41,9	39,5	41,8	50,7
покупку собственного жилья/ улучшение жилищных условий	57,9	62,4	57,3	45,2	39,5	39,2	52,5
получить дополнительное образование	35,2	35,5	35,2	29,0	32,1	26,3	33,0
сменить место жительства	33,3	33,3	27,2	25,8	45,7	38,1	33,5
освоение нового оборудования, повышение своих компетенций	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1
переезд за границу на постоянное место жительства	7,1	9,7	5,6	8,1	7,4	12,4	8,1
учебу в зарубежном университете	2,2	5,4	1,4	0,0	1,2	2,1	2,1
вступить в общественную организацию, движение/ничего из перечисленного	5,4	5,4	7,5	16,1	7,4	3,6	6,3
заняться политической деятельностью	0,5	0,0	0,9	0,0	1,2	0,0	0,5
	4,9	3,2	2,8	9,7	7,4	5,7	5,0
ИТОГО:	287,4	295,7	290,1	253,2	267,9	321,1	291,4

*Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100 %.

В жизненных планах молодых людей можно выделить несколько направлений, они представлены практически в равной мере во всех регионах, с некоторыми небольшими отклонениями. Во-первых, более всего планы молодого поколения (подчеркнем, работающей молодежи, то есть уже получивших профессию и некоторый профессиональный и жизненный опыт) связаны со стабилизацией личной траектории – молодежь планирует создать семью и улучшить свои жилищные условия (около половины респондентов). На покупку жилья и улучшение жилищных условий в ближайшем будущем нацелены несколько больше респонденты Свердловской области, Башкортостана и Пермского Края. Во-вторых, существенная часть молодежи при этом, планирует изменения в своей профессиональной траектории – сменить место работы или сферу занятости собирается почти каждый третий респондент. Особенно нестабильность профессиональных траекторий в планах молодежи отмечается в Волгоградской области, регионе с наиболее низкими показателями инновационного развития и потенциала (см. параграф 2.2). Достаточно существенное количество молодых людей планируют открыть свое дело, особенно это характерно для Красноярского Края, где желающих заняться предпринимательством более 30 %. А вот в Пермском Крае – менее 20 %. Общественно-политическая активность – в планах Калужской молодежи. Заострим внимание на следующем факте: во всех регионах у молодежи практически полностью отсутствуют планы, связанные с освоением нового оборудования, повышением своих компетенций в ближайшем будущем. Получается, что инновационный потенциал в своем ресурсном значении присутствует в достаточной мере, но, когда речь идет о его реализации через конкретные планы – возникает проблема и она может стать серьезным препятствием для инновационного развития человеческого капитала регионов.

Каким образом молодые люди реализуют свои стратегии и планы? Нас прежде всего интересовало насколько и какие виды инновационной активности реализуются молодежью, какая инновационная активность вписывается в жизненные стратегии молодых работников? Другими словами, в соответствии с поставленной задачей исследования, мы попытались сопоставить инновационную

активность молодежи (то есть речь уже идет о реализации инновационного потенциала) с выделенными ранее типами жизненных стратегий, чтобы выяснить какие из стратегий более способствуют *реализации* инновационного потенциала молодежи.

Напомним, что мы обнаружили две стратегии, обладающие определенным инновационным потенциалом, назовем их обобщенно инновационными (стратегия профессионального успеха и карьеры и стратегия творчества и реализации идей) и стратегию «выживания», назовем ее адаптационной, поскольку она не предполагает изменение существующего, а лишь приспособление к текущим условиям (стратегия создания семьи и экономического благополучия).

Далее мы сгруппировали все виды инновационной активности, практикуемой молодыми работниками (ее подробный анализ проведен в параграфах 2.3 и 2.4) в три уровня: высокая или креативная активность – предполагающую выдвижение своих идей, разработку проектов, их продвижение; средняя – активность по повышению своего профессионально-образовательного потенциала, по освоению новых технологий; и низкая – отсутствие какой-либо деятельности, связанной с инновациями или ее формальный характер (таблица 3.16).

Для большинства респондентов характерна средняя степень инновационной активности, то есть внедренческая деятельность по проведению инноваций в жизнь и по собственному профессиональному самосовершенствованию, однако, именно она является базовой для обеспечения инновационного развития. Творческая инновационная активность также представлена в достаточной степени: 35 % респондентов по массиву проявили какой-либо из видов творческой инновационной деятельности за последние 3 года, что является достаточно высоким показателем).

Результаты корреляционного анализа показали, что уровень инновационной активности сопряжен с типом жизненных стратегий молодежи (таблица 3.17).

Таблица 3.16

Распределение видов инновационной активности молодежи по уровням

Уровень инновационной активности	Виды инновационной активности	% от опрошенных
Высокая (творческая)	предлагал свой проект (идею) руководству по решению производственной задачи	19
	участвовал в разработке творческого проекта, связанного со своей профессиональной или служебной деятельностью	14
	создавал или усовершенствовал устройства, технические средства для личного потребления (для вас, вашей семьи, друзей)	14
	участвовал в профессиональных конкурсах, конкурсах на получение грантов, стипендий	8
	создавал программные продукты	7
	регистировал свои патенты на изобретения	3
	разрабатывал бизнес-план и предлагал его к рассмотрению в банке	3
Средняя (внедренческая)	повышал свой уровень образования в рамках образовательной организации	40
	проходил курсы повышения квалификации, тренинги и др. по заданию предприятия/ организации	37
	осваивал новую технологию, новое оборудование, новые методы работы	34
	принимал/ участвовал в принятии решения о внедрении новшества (новой технологии, идеи, способа) в производственный процесс	15
	выступал с докладами на конференциях или семинарах	12
Низкая	занимался самообразованием по своей или смежной профессии (читал литературу, смотрел вебинары и т. п.)	56
	ничем из перечисленного	11

Таблица 3.17

Взаимосвязь типов жизненных стратегий молодежи и уровня инновационной активности, в %

Уровни инновационной активности	Типы жизненных стратегий			
	стратегия профессионального успеха и карьеры	стратегия творчества и реализации идей (в том числе в бизнесе)	стратегия создания семьи и экономического благополучия	ИТОГО:
высокая (творческая)	33,8	44,8	26,2	34,9
средняя (внедренческая)	44,0	33,7	41,3	40,6
низкая/отсутствие	22,2	21,5	32,5	24,5
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0

** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,114, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Высокий уровень инновационной активности более всего характерен для стратегии творчества и реализации идей (45 %), средняя или внедренческая активность в большей мере представлена в стратегиях профессионального успеха и карьеры (44 %), а низкая – для адаптационной стратегии достижения экономического благополучия (33 %).

Таким образом, нам на основе эмпирических данных удалось выстроить в соответствии с гипотезой исследования следующую цепочку: социальные ожидания (желаемое и ожидаемое будущее) – настроения (оптимизм/ пессимизм) – жизненные стратегии (инновационные/ адаптационные) – инновационная активность (высокая/ средняя / низкая), и с помощью корреляционного анализа подтвердить взаимосвязь между компонентами образа социального будущего и инновационным потенциалом молодежи.

Подводя итоги анализу образа будущего молодежи индустриальных регионов, мы можем отметить следующие моменты.

Образ будущего, несмотря на его междисциплинарность, можно рассматривать как предмет социологического анализа, наравне с образом жизни и образом прошлого. Социальные ожидания, настроения и планы молодежи, аккумулируемые в образе ее социального будущего, образуют значимый социокультурный фактор, определяющий инновационную активность молодежи. Расхождение между общественным идеалом молодежи и ее социальными ожиданиями формируют мотивационное поле для конструирования инновационных, либо адаптационных жизненных стратегий.

Результаты эмпирического исследования образа социального будущего молодежи в индустриальных регионах России показало, что реализация инновационного потенциала молодых работников активнее идет в регионах с более благоприятным социальным самочувствием и более позитивными социальными ожиданиями молодежи.

В целом, молодежь индустриальных регионов демонстрирует достаточно высокий уровень и сформированность инновационного потенциала, однако реализация этого потенциала может натолкнуться на негативный сценарий будущего – ожидания принятия законопроектов, тормозящих инициативу молодежи, кризисных явлений в экономике и политике.

Выявленная в результате исследования негативная тенденция дисбаланса между общественным идеалом и социальными ожиданиями молодежи индустриальных регионов, не может не вызывать существенных опасений,

поскольку рассогласование идеалов и ожиданий порождает критичность и даже негативизм в оценках настоящего и будущего общества, чревато активизацией радикализма и протестных настроений среди молодежи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значимость молодежи как агента будущих преобразований определяется внутренне присущим ей свойством – ориентацией на перспективу, устремленностью в будущее. Свое актуальное поведение молодежь всегда выстраивает с расчетом на то, насколько удастся ей реализовать свои идеи и проекты в обозримом будущем. Поэтому столь важно, каков образ этого будущего складывается в сознании молодого поколения – видит ли молодежь в нем свое место и возможности развития или оно слишком неопределенно, вызывает опасения и социальные страхи – остаться без работы, не обеспечить свою семью, не добиться успеха, остаться не востребованным как профессионал и т.д.

Результаты исследования молодых работников промышленных предприятий шести крупных модернизирующихся регионов России позволили нам подтвердить исследовательскую гипотезу – социальные ожидания и настроения молодых людей относительно будущего сопряжены с ее инновационным потенциалом, они создают определенное «мотивирующее поле» для творческих идей молодежи, желания создавать и продвигать новые проекты, внедрять и осваивать инновации.

Результаты опроса молодежи наглядно доказали, что, по крайней мере в исследуемых регионах, молодое поколение обладает довольно широким инновационным потенциалом – набором свойств, характеристик, способностей, которые помогают воспринимать и разрабатывать новшества, чувствовать их необходимость, быть готовым к освоению новаций в технике, технологии и менеджменте.

Нам удалось зафиксировать высокий уровень интенциональных, резервных и ресурсных характеристик инновационного потенциала работающей молодежи. Значительная часть молодых работников проявляет активный интерес к инновационной сфере, выражает стремление к инновационной деятельности, обладает креативным и нестандартным мышлением, в силу своей профессиональной деятельности готова к инновационной деятельности, готова

предложить свои идеи. Наиболее активные агенты инновационного развития – молодые специалисты и управленцы. Однако, инновационный потенциал молодежи при определенных условиях может быть успешно использован, реализован, а может и остаться невостребованным.

Исследование весьма четко высветило возможные риски, угрозы для реализации потенциала молодежи индустриальных регионов. Согласно оценкам самих молодых работников, существует немало барьеров, препятствующих выдвижению и воплощению креативных идей и разработок молодежи. Среди таких барьеров: незаинтересованность бизнеса и производства в инновациях, отсутствие или недостаток государственных программ поддержки молодежных проектов, отсутствие системы стимулирования на предприятиях за разработку инноваций и другие. Действительно, пока фактическая реализация идей и проектов молодежи невысока: исследованием установлено, что для молодежи более характерна деятельность, связанная с освоением и внедрением уже готовых инноваций, повышением своего образовательного или профессионально-квалификационного уровня, нежели деятельность по разработке и представлению своих идей и проектов. В частности, мы зафиксировали низкую активность молодых работников в разработке и представлении своих творческих профессиональных и бизнес-проектов, а также незначительное участие в изобретательской и рационализаторской деятельности, в конкурсах на получение грантов и стипендий.

Получается, что молодежь, с одной стороны, готова к конкретным действиям, связанным с внедрением инноваций, генерированием новых идей, проектов, участием в научной и новаторской деятельности, но с другой стороны, реализация ее инновационного потенциала наталкивается на серьезные мотивационные и институциональные препятствия.

В связи с этим мы предлагаем некоторые практические рекомендации.

Во-первых, стоит разрабатывать и внедрять региональные программы по поддержке государством и бизнесом молодежных инициатив – креативных инновационных проектов в сферах индустриального производства и IT. Данные

программы необходимо развивать на основе взаимодействия региональной исполнительной власти и субъектов бизнеса по финансированию, наиболее перспективных молодежных проектов, предоставляя им поддержку (финансовую, правовую, организационную и прочую) на конкурсной основе.

Во-вторых, на базе университетов, колледжей и сотрудничающих с ними предприятий возможно организовывать молодежные малые НПЦ (научно-производственные центры), которые занимались бы разработкой опытных образцов инновационной продукции и могли бы принимать участие в конкурсах на получения стипендий и грантов на финансирование разработки и внедрения своих проектов в производство.

В-третьих, следует организовать полномасштабное информирование (через университеты, колледжи и предприятия) молодежи о предлагаемых конкурсах и программах поддержки молодежных изобретательских, рационализаторских и предпринимательских инициатив в сфере индустриального производства и информационных технологий.

Наше исследование вскрыло и более глубинные причины невысокой активности молодежи по реализации своих идей и проектов. Не случайно, среди рисков на пути реализации идей и разработок молодежи наши респонденты прежде всего назвали лень и нежелание самой молодежи. Безусловно, это говорит не о том, что молодежь не способна и инертна к инновациям в принципе, а об отсутствии внутренней мотивации к инновационной деятельности, а вот она как раз и определяется сложным социокультурным фактором - образом социального будущего и социальным самочувствием молодежи. Оптимистический настрой и спокойная уверенность в завтрашнем дне способствует переходу от адаптационных жизненных стратегий («вписаться в рынок», «получать высокие доходы», «обеспечить достойный материальный уровень себе и семье» и т.д.) к инновационным (создавать, творить, разрабатывать свои проекты и внедрять их). Пессимизм и социальные фобии, напротив, консервируют поведение в русле стратегий, направленных на «экономическое выживание», не дающее

возможности выйти за рамки «проверенных», «апробированных» поведенческих форм.

Серьезным препятствием к реализации своего потенциала может стать озабоченность молодежи всех регионов своим будущим и настоящим: согласно результатам опроса, молодежь оценивает текущее состояние дел в стране – в экономике, политике, социальной и культурной жизни – едва на «слабую тройку». При этом большинство молодых людей не ожидают каких-либо изменений в ближайшем будущем.

Общественные идеалы молодежи довольно прагматичны: основные ориентиры – общество с высоким уровнем жизни, эффективная рыночная экономика, развитие и внедрение высоких технологий. Позитивный тренд – в сознании молодежи «желаемое социальное будущее» тесно сопряжено с высокими технологиями, а значит и с инновационностью. Однако, вызывает опасения расхождение общественного идеала или «желаемого» будущего и социальных ожиданий («ожидаемого» будущего) молодежи: если в идеалах молодых людей – стремление к обществу с высоким уровнем жизни и эффективной экономикой, то в социальных ожиданиях доминируют негативы, связанные с невозможностью такой перспективы - опасения кризисов, инфляции, снижения жизненного уровня. В регионах, где идеалы и ожидания расходятся наиболее значительно, там сильнее развит негативизм в оценке текущего состояния дел, преобладают пессимистические социальные настроения по поводу будущих перспектив. Напротив, там, где идеалы и ожидания относительно сближены – молодежь настроена более оптимистично, а среди форм инновационной активности, практикуемой молодежью, более (в сравнении с другими регионами) представлены выдвижение креативных идей и разработка и продвижение собственных проектов.

Размежевание общественных идеалов молодежи и вектора реального развития общества чреваты негативными ориентациями молодежи, пессимизмом и апатией, выбором жизненных стратегий, предполагающих не развитие и

реализацию инновационного потенциала, а лишь экономическое выживание, адаптацию к «потенциально ухудшающимся условиям жизни».

Определяя исследовательскую перспективу, отметим, что, в рамках развития идеи связи инновационного потенциала, с образом социального будущего, необходимо углубить анализ факторов, влияющих на развитие и реализацию инновационного потенциала молодых работников – как объективных, связанных с особенностями модернизации регионов и предприятий, так и субъективных, связанных с социальным самочувствием самой молодежи, ее ценностными ориентациями, социальными ожиданиями и жизненными стратегиями. Также интересно было бы расширить объект исследования, охватив различные категории молодежи – молодых предпринимателей, творческую молодежь, реализующую свои стартапы, молодежь, занятую в науке и образовании, словом те отряды молодежи, от активности которых во многом зависит инновационное развитие, как конкретных регионов, так и страны в целом.

В плане развития социологической теории – безусловно, перспективной нам представляется дальнейшая разработка социологической концепции образа социального будущего, значимость данной концепции бесспорна для социального прогноза и управления, поиска социальных механизмов, позволяющих эффективно регулировать использование и развитие человеческого капитала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Alexander R. Migration, education and employment: socio-cultural factors in shaping individual decisions and economic outcomes in Orkney and Shetland // *Island studies journal*. 2016. Vol. 11. issue 1. P. 177-192.
2. Begu L. S., Vasilescu M. D. School-to-work transition: european youth's perception of labour market opportunities // *Economic computation and economic cybernetics studies and research*. 2017. Vol. 51. issue: 1. P. 5-20.
3. Bendit R. Youth Sociology and Comparative Analysis in European Union Member States. German Youth Institute. Munich. 2006. № 79. P.49-76.
4. Bennett A. and Keith K.-H. (eds.). After Subculture. Critical Studies in Contemporary Youth Culture. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 195 p.
5. Bennett A. Subcultures or Neo-Tribes? Rethinking the Relationship Between Youth, Style and Musical Taste // *Sociology*. 1999. Vol. 33. № 3. P. 599-617.
6. Biswas-Diener R., Diener E., Tamir M. The Psychology of subjective well-being // *Daedalus*. 2004. Vol. 133. № 2. P. 18-25.
7. Bruijn H., Voort H., Dicke W., Jong M., Veeneman W. Creating System Innovation: How Large Scale Transitions Emerge. N.Y.: Taylor & Francis, 2004.
8. Butler R; Muir K. (2017). Young people's education biographies: family relationships, social capital and belonging // *Journal of youth studies*. Vol. 20, issue 3. P. 316-331
Campbell A. Subjective Measures of Well-Being // *American Psychologist*. 1976. № 31. P. 117-124.
9. Campbell, C., & Jovchelovitch, S. Health, community and development: Towards a social psychology of participation // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2000. № 10 (4). P. 255-270.
10. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1995 [1965]. 251 p.
11. Cohen P., Ainley P. In the country of the blind? Youth studies and cultural studies in Britain // *Journal of Youth Studies*. 2000. № 3 (1). P. 79-95.

12. Cundiff P. R. Great Expectations Unmet: The Impact of Adolescent Educational Expectations on Deviant Coping During the Transition to Adulthood // Sociological inquiry. 2017. Vol. 87. issue 3. P. 449-471.
13. Denison E. F. Estimates of Productivity Changes by Industry: An Evaluation and an Alternative. Brookings Institution. 1989.
14. Diener E., Sapyta J. J., Suh E. M. Subjective well-being is essential to well-being // Psychological Inquiry. 1999. Vol. 9. № 1. P. 33-37.
15. Earl J., Maher T. V., Elliott T. Youth, activism, and social movements // Eisenstadt S. N. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. New York; London: The Free Press; Collier-Macmillan Ltd., 1966 [1956]. 357 p.
16. Feixa C, Pereira I and Juris J. Global citizenship and the 'new new' social movements: Iberian connections // Young. 2009. № 17 (4). P. 421–442.
17. Feixa C. De jóvenes, bandas y tribus. Barcelona: Ariel, 2012. 5th edition. [1998].
18. Feixa C., Nofre J. Youth cultures. Sociopedia.ISA. 2012. 16 p.
19. Furlong A., Stalder B., Azzopardi A. Vulnerable Youth: Perspectives on Vulnerability in Education, Employment and Leisure in Europe. Strasbourg: Council of Europe, 2000.
20. Gallie D. Employment, unemployment and social stratification // Employment in Britain, 1988. P. 465-492.
21. Gayle V. Structural and Cultural Approaches to Youth: Structuration theory and bridging the gap' // Youth and Policy. 1998. № 61. P. 59-72.
22. Geels F. Technological Transitions and System Innovations: A Co-evolutionary and Socio-technical Analysis. N.Y.: Edward Elgar Publishing. 2005.
23. Griffin Chr. E. The trouble with class: researching youth, class and culture beyond the «Birmingham School» // Journal of Youth Studies. 2001. Vol. 14. P. 245-259.
24. Griffin J. Well-being: Its meaning, measurement and moral importance. Oxford. 1986.

25. Hebdige Dick. Subculture: The meaning of style. Repr. London; New York: Methuen, 1981. 195 p.
26. Jun K. Reputation of University, Major, Gender and Graduate's Job Search // 2nd International Conference on Applied Social Science - ICASS. Kuala-Lumpur: Malaysia. 2012. P. 155-160.
27. Lundvall B. National Systems of Innovation: Toward a Theory of Innovation and Interactive Learning. N.Y.: Anthem Press. 2010.
28. MacDonald R., Banks S., Hollands R. Youth and Policy in the 1990s' // Youth and Policy. 1993. № 40. P. 1-9.
29. Maffesoli M. Le Temps des tribus. le déclin de l'individualisme dans les sociétés postmodernes. Paris: Le Livre de Poche, 1991 [1988].
30. Mavromaras K., McGuinness C., O'Liri N. Job mismatches and Labour Market Outcomes: Panel Evidence on University Graduates // Economic Record, 2013. P. 382-395.
31. Means A.J. Generational Precarity, Education, and the Crisis of Capitalism: Conventional, Neo-Keynesian, and Marxian Perspectives // Critical sociology. 2017. Vol. 43 (3). P. 339-354.
32. Mercier C. Improving the Quality of Life of People with Severe Mental Disorders // Social Indicators Research. 1994. № 33. P. 165-192.
33. Mincer J. The Production of Human Capital and Lifecycle of Earnings: Variations on a Theme // Working Paper of the NBER. 1994. Vol. 4838.
34. Muggleton D., Weinzierl R. (eds.). The post-subcultures reader. Berg, Oxford-New York, 2003.
35. Mulligan C.B., X.S. Martin. Measuring Aggregate Human Capital // Working Paper of the NBER. 1995. Vol. 5016.
36. Murray C. The Emerging British Underclass. London. 1990.
37. Nilan P., Feixa C. (eds.). Global Youth? Hybrid Identities, Plural Worlds. London and New York: Routledge. 2006. 232 p.
38. Parker P. D., Jerrim J., Anders J. Does Living Closer to a University Increase Educational Attainment? A Longitudinal Study of Aspirations, University Entry, and

Elite University Enrolment of Australian Youth // Journal of youth and adolescence. 2016. Vol. 45. issue 6. SI. P. 1156-1175.

39. Parsons T. (1972 [1942]) Age and sex in the social structure of the United States // American Sociological Review// 1942. № 7. P. 604–616. In: Manning P.K. and Truzzi M. (eds.). Youth and Sociology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1972. P. 136–47

40. Polak F. The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam, London, New York. 1973. 320 p.

41. Poster M. A second media age? // Arena Journal. 1994. № 3. P. 49–91.

42. Poster M. The Second Media Age. Cambridge: Polity Press, 1995.

43. Pruitt L. Youth, politics, and participation in a changing world // Journal of sociology. 2017. Vol. 53 (2). P. 507-513.

44. Rerat R. Highly Qualified Rural Youth? Why Do Young Graduates return to Their Home Region? // Children's Geographies. 2014. P. 70-86.

45. Sabates R. Harris A. L., Staff J. Ambition Gone Awry: The Long-Term Socioeconomic Consequences of Misaligned and Uncertain Ambitions in Adolescence // Social science quarterly. 2011. Vol. 92, issue 4. P. 959-977.

46. Scales P. C. Youth Developmental Assets in Global Perspective: Results from International Adaptations of the Developmental Assets Profile. // Child indicators research. 2011. Vol. 4, issue 4. Special issue. P. 619-645.

47. Schultz T.W. Investing in People: The Economic of Population Quality. Berkeley, Calif.: University of California Press. 1981. P. 149-166.

48. Shildrick T., MacDonald R. In Defence of Subculture: Young People, Leisure and Social Divisions // Journal of Youth Studies. 2006. Vol. 9. № 2. P. 125-140.

49. Smith D.J. (ed.) Understanding the Underclass. London: Policy Studies Institute. 1992.

50. Sociology compass. Vol. 11 (4) UNSP e12465.2017.

51. Steinmeier F. A growth programme for industrial renewal in Europe. Friedrich Ebert – Stiftung. Berlin, 2012. 139 p.

52. Tajfel H. Social-psychology of inter-group relations // Annual Review of psychology. 1982. Vol. 33. P. 1-39.
53. Thrasher F.M. The Gang: A Study of 1313 Gangs in Chicago. Chicago: University of Chicago Press. 1963 [1927].
54. Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. New York: Simon & Schuster; London: Phoenix, 1995. 347 p.
55. Van Mol C. Migration aspirations of European youth in times of crisis // Journal of youth studies. 2016. Vol. 19, issue 10. P. 1303-1320.
56. Wang M., Ye F., Degol J.L. Who Chooses STEM Careers? Using A Relative Cognitive Strength and Interest Model to Predict Careers in Science, Technology, Engineering, and Mathematics // Journal of youth and adolescence. 2017. Vol. 46. issue 8. P. 1805-1820.
57. Wernerfelt B. A Resource-Based View of the Firm// Strategic Management Journal, 1984. Vol. 5. №. 2. P. 171-180.
58. Wernerfelt B. The Resource-Based View of the Firm: Ten Years After // Strategic Management Journal. 1995. Vol. 16. №. 3. P. 171-174.
59. Winkelmann R. Unemployment, social capital, and subjective well-being // Journal of Happiness Studies. 2009. № 10. P. 421-430.
60. Woodman D. The future of the sociology of youth: Institutional, theoretical and methodological challenges // Youth Studies Australia. 2011. Vol. 30. № 3. P. 8–13.
61. Wynecken G. Escuela y cultura juvenil. Madrid: Espasa Calpe (Schule und Jugendkultur). 1927 [1914].
62. Абрамова С. Б. (2015). Образ будущего: ориентиры современной молодежи // Материалы всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения. Сборник статей и тезисов выступлений. (Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г.) / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ. 2015. С. 3-8.
63. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М: Мысль, 1991. 299 с.

64. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Маслова Т.Ф. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 91-96.
65. Аврамова Е., Логинов Д. Социальное самочувствие населения во втором квартале 2016 г // Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2016. № 11 (29). С. 59-62.
66. Акбердина В.В., Сергеева А.С. Индустриальные регионы России: сравнительный анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrialnye-regiony-rossii-sravnitelnyy-analiz> (Дата обращения: 07.09.2017)
67. Анализ драйверов и ограничений развития России на основе информации Глобального инновационного индекса. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/321937937> (дата обращения 14.10.2018)
68. Антоненко И.В. К разработке программы долгосрочного социально-экономического развития России // Проблемы перехода к инновационной экономике. 2010. №1 (33). С.33. (С.33-37). Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2959> (дата обращения 14.10.2018)
69. Архипова М. Ю., Кучмаева О. В. Социальный запрос россиян на инновации (по данным выборочного обследования) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 2 (11). С. 69-83.
70. Баринова В., Земцов С., Муравьев В. Что мешает инноваторам? / Economy Times. 23.03.2017. Режим доступа: <http://economytimes.ru/kurs-rulya/chto-meshaet-innovatoram>
71. Безруков А.В. Методологические подходы к изучению социального самоопределения молодежи // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 137-145.
72. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 336 с.
73. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия. 1999. 956 с.

74. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.
75. Бондарева Е. В., Грошева А. Р., Грошева Т. А. Овчаренко А. М. Инновационный потенциал региона // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6828> (дата обращения: 14.10.2018)
76. Бортник И. М., Сорокина А. В. Рекомендации регионам АИРР по результатам рейтингов инновационных регионов // Инновации. 2014. № 7 (189). С. 59-67.
77. Бохан Т. Г., Алексеева Л. Ф., Языков К. Г., Шабаловская М. В., Морева С. А. Образ профессионального будущего у студентов на «кризисных» этапах обучения в вузе // Высшее образование в России. 2013. № 11. С. 132-137.
78. Бочарова Е. Е. Конструирование образа будущего учащейся молодежью как аспект их социального самоопределения // Известия Саратовского университета. 2010. № 3. Т. 10. Сер. Философия, психология, педагогика. С. 68-73
79. Быкова Е. Б. Образ будущего в картине мира и Я-концепции личности: Автореф. дисс. к. псих. н. СПб. 2002. 24 с.
80. Вишневский Ю. Р., Белова О. Р. Ориентир подготовки выпускника – перспектива // Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. Мир–Россия–Урал: матер. XIII Всерос. науч.-практ. конф Гуманитарного университета (8–9 апреля 2010 г.): Тезисы докладов. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. 2010. Т. 1. С. 596-602.
81. Вишневский Ю. Р., Белова О. Р., Дидковская Я. В., Певная М. В. Профессиональный выбор студенчества в ракурсе ресурсного подхода // Молодежь как ресурс регионального развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. Киров. 2011. С. 29–34.
82. Вишневский Ю. Р., Белова О. Р., Нархов Д. Ю., Орешкина Т. А. Будущее в представлениях молодежи региона // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю. Р. Вишневского / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 343 с.

83. Вишневский Ю. Р., Боронина Л. Н., Белова О. Р. Валеологическая культура студенчества: тенденции и перспективы // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития: сб. матер. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 19-20 сентября 2013. С. 200-211.

84. Вишневский Ю. Р., Боронина Л. Н., Белова О. Р., Нархов Д. Ю. Валеологическая и физическая культура: теоретико-методологический анализ // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2.

85. С. 123-131.

86. Вишневский Ю. Р., Вишневский С. Ю. Профессиональный выбор студентов и ресурсный подход: от потенциала к реализации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2012. № 1 (25). С. 22–27.

87. Вишневский Ю. Р., Вишневский С. Ю., Багирова Т. Б., Белова О. Р. Будущее как объект управления // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю. Р. Вишневого / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 343 с. С. 121-129.

88. Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Какое общество является справедливым: мнение свердловских студентов // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 32-46.

89. Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Социология молодежи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 246 с.

90. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология: Курс лекций для технических вузов. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. 278 с.

91. Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Жизненные стратегии и образ успешного будущего в сознании молодежи // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю. Р. Вишневого / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого; отв. за вып. Д. Ю. Нархов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 343 с.

92. Гидденс Э. Последствия современности /Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича. М.: ИКГ «Праксис», 2011 [1991]. 352 с.

93. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект. 2005. 528 с.
94. Голенкова З. Т., Игитханян Е.Д. Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса// Социологические исследования. 2002. № 9. С. 41–50.
95. Голиченко О. Г. Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования. Режим доступа: <http://institutiones.com/innovations/2523-nacionalnaya-innovacionnaya-sistema.html>
96. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: Социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
97. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь: истоки и этапы социологического изучения // Гуманитарий Юга России. 2012. № 3. С. 23-46.
98. Горшков М. К., Крумм Р, Тихонова Н.Е. О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М. 2013. 400 с.
99. Горшков М.К., Петухов В.В. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты // Информационно-аналитический бюллетень/ ИНАБ. 2007. № 4. 95 с.
100. Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 244 с.
101. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности». Перевод М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-deystvie-i-sotsialnaya-struktura-problema-ukorenennosti> (дата обращения 14.10.2018)
102. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. The New Industrial State (1967). АСТ. 2004. 608 с.
103. Давыдов А. А. Инновационный потенциал России: настоящее и будущее // ФГБОУ ВПО «Институт социологии Российской академии наук». Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_modern_3.html (дата обращения 14.10.2018)

104. Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2017. 265 с.

105. Дидковская Я. В. Динамика стратегий профессиональной карьеры молодёжи. // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие Сессия 10. Молодёжь на посткоммунистическом пространстве. Уфа. 2012. С. 1781-1789.

106. Дидковская Я. В. Концепция социального механизма как методология исследования взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры: интегративный подход // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Вып. 1. № 4. С. 53-67.

107. Дидковская Я. В. Социокультурный анализ профессионального самоопределения и карьеры молодежи. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 125 с.

108. Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск, 6–9 октября 2009 г. Смоленск: «Универсум», 2009. С. 89–95.

109. Желтикова И. В. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 5 (55). С. 75-80.

110. Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8-22.

111. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 12-48, С. 15-16.

112. Инновации в России: динамика основных показателей // Институт статистических исследований и экономики знаний. 26 сен 2018. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/224259845.html>

113. Инновационные кластеры – лидеры инвестиционной привлекательности мирового уровня: методические материалы / Е. А. Исланкина, Е. С. Куценко, П. Б. Рудник, А. Е. Шадрин; Минэкономразвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017.
114. Кант И. Критика способности суждения. М.: «Искусство», 1994. 367 с.
115. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
116. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения 14.10.2018)
117. Ключарев Г. А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // СОЦИС. 2015. № 11. С.49-56.
118. Князева Е. Н. Конструирование будущего в сложном мире. Режим доступа: <http://agni-joga-i-novuj-mir.ru/index.php/arkhiv/item/45-konstruirovanie-budushchego>
119. Кобяк О. В. Социология инноваций / Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко и др. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 1021.
120. Коган Л. Н. Предисловие // Молодежь – будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. 11–12.09.1996. Ч.1. Екатеринбург: УИМ, 1996. 98 с.
121. Коган Л. Н. Социология культуры // Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. В 2 т. Т. 2. Работы 1988-1997 гг. / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: НИЦ «Маска», 2009. С.121-160.
122. Константиновский Д. Л. Молодежь России на рубеже XX – XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко. М.: ЦСИиП, 2014. 548 с.
123. Концепция поддержки работающей молодежи Свердловской области на период до 2020 года утверждена постановлением Правительства Свердловской области от 20 ноября 2009 года. № 1683-ПП Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/4678381/4106832/>

124. Концепция пост-субкультур в теоретическом дискурсе. Режим доступа: https://studbooks.net/2057870/sotsiologiya/kontseptsiya_post_subkultur_teoreticheskoe_diskurse
125. Кораблева Г. Б. Об институциональном подходе к исследованию связи профессии и образования // СОЦИС. 2000. № 6. С. 48-51.
126. Кораблева Г. Б. Теоретико-социологический анализ взаимосвязи профессии и образования: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. Екатеринбург, 1999. 39 с.
127. Корчагин Ю. А. Человеческий капитал и инновационная экономика России. Монография. Воронеж: ЦИРЭ, 2012. 244 с.
128. Косалс Л. Я. Социальный механизм инновационных процессов: сравнительный анализ советского и постсоветского периодов // Экономическая наука современной России. 2000. № 3-4. С. 85-96.
129. Котлер Ф. Основы маркетинга: Пер. с англ. В. Б. Боброва. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
130. Крупец Я. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности. Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/78/230/49516.php>
131. Лапин Н. И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // VIII Международная научная конференция. Модернизация экономики и общественное развитие: В 3 кн. Под редакцией: Е. Г. Ясин. Кн. 2. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. С. 210-219.
132. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социентально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С.3-12.
133. Легостаева Н. И. Особенности структуры образа будущего современной российской молодежи // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2012. Вып. 3. С. 285-289.
134. Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. 256 с.
135. Луков В. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.

136. Луков В. А., Луков С. В., Погорский Э. К. Российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: подходы к исследованию // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 1. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/1/Lukovs~Pogorskiy_New-Generations-Innovative-Potential/
137. Макарова И. В., Коровин Г. Б. Тенденции неоиндустриализации старопромышленного региона. // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 31. С. 2-13.
138. Маклакова Г. Е., Панова С. Г., Тришкина И. С. Социальное самочувствие населения Свердловской области по материалам социологического мониторинга за 1994-1996 годы // Социологическое обозрение (Информационно-аналитический сборник). Вып.1. Екатеринбург, 1997. 89 с.
139. Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юристъ, 1994. 693 с.
140. Менегетти А. Мир образов. СПб. ННБФ: «Онтопсихология», 2005. 160 с.
141. Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург: Уральский госуниверситет. 2001. 290 с.
142. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2008. 880 с.
143. Мехришвили Л. Л., Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 15. М., 2017. С. 371.
144. Молодёжь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы / Рук. автор. коллектива и науч. ред. И. М. Ильинский. М.: Изд-во Ин-та молодёжи. Голос, 1999. 323 с.
145. Молодежь России: социальное развитие / под ред. В. И. Чупрова. М.: Наука, 1992. 205 с.
146. Наемный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.

147. Наумова Н. Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988.
148. Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России» / Баринова В. А., Земцов С. П., Семенова Р.И., Федотов И. В. М.: РАНХиГС, АИРР, 2018. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/322656032>
149. Национальный доклад об инновациях в России 2017. Режим доступа: http://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf
150. Никитина А. Г. «Критический рационализм» и идеология современного реформизма // Вопросы философии. 1986. № 8. С. 96-102.
151. О концепции поддержки работающей молодежи Свердловской области на период до 2015 года: Постановление Правительства Свердловской области №647-ПП от 13.07.2004. Режим доступа: <http://ekb4.info/act4/postanovlenie354/page2.htm>
152. О положении молодежи в Свердловской области в 2016 году: Информационные материалы к докладу. Екатеринбург, 2017. 32 с.
153. Образ будущего в оценках нового поколения россиян: монография / В. В. Гаврилюк, Л. Л. Мехришвили, Н. И. Скок и др. Тюмень: ТИУ, 2016. 166 с.
154. Образ будущего: опыт социолого-философского анализа / Н. И. Боечко и др. / под ред. Р. А. Зобова и А. А. Козлова. СПб.: Химиздат, 2001. 101 с.
155. Общественное мнение о развитии науки и технологий // Наука. Технологии. Инновации. Экспресс-информация. М., 2016 Режим доступа: <http://ekb4.info/act4/postanovlenie354/page2.htm>
156. Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. 262 с.
157. Открытый справочник лучших региональных практик субъектов РФ – членов АИРР. М, 2017. Режим доступа: http://i-regions.org/images/books/AIRR_Best_practise.pdf
158. Отношение жителей Свердловской области к физической культуре и спорту. Итоги социологического мониторинга / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 324 с.

159. Панченко Е. В. Мониторинг социального самочувствия тверской молодежи // Современная Россия в социальном измерении. Материалы выступлений (X Социологические чтения МГСУ). М., 2003. С. 118–122.
160. Пермский край в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Пермь, 2017. 180 с.
161. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50-55.
162. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Изд-во «Ад Маргинем», 2016. 592 с.
163. Поздеева Е. Г. Контуры социального будущего в сингулярной реальности: социологический взгляд на проблему // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (8). С. 7–19.
164. Половозрастной состав населения Красноярского Края. 2017, 2018 // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: Population_2017.xls Population_2018.xls
165. Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: научные основы доклада правительству Свердловской области / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 350 с.
166. Положение молодежи Свердловской области в 2015 году: научные основы доклада Правительству Свердловской области / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 272 с.
167. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ., под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс. Международный фонд «Культурная инициатива». 1992. 448 с.
168. Постановление Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998 - 2000 годы». Режим доступа: <http://base.garant.ru/179112/#ixzz5Tskw2MRm> (дата обращения 14.10.2018)

169. Постановление Правительства Свердловской области № 647-ПП от 13.07.2004). Режим доступа: <http://ekb4.info/act4/postanovlenie354/page2.htm>

170. Практическая психология / под ред. М. К. Тутушкиной. Режим доступа: <http://medznate.ru/docs/index-71916.html> (дата обращения 22.10.2018)

171. Проблемы профессионального самоопределения молодежи: анализ ценностных ориентаций и профессиональных стратегий / Ю. Р. Вишневский, Я. В. Дидковская и [др.]. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 167 с.

172. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 2011. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/ (дата обращения 14.10.2018)

173. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». Режим доступа: <http://base.garant.ru/179112/#ixzz5Tskw2MRm> (дата обращения 14.10.2018)

174. Распределение численности населения Волгоградской области по полу и возрастным группам на 1 января 2017 года // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/2ba64600439b44b7bacfbfbfa17e1e317/%D0%9F%D0%92%D0%A1_061217.htm

175. Резник Т. Е, Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // СОЦИС. 1995. № 12. С. 100-105.

176. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5. / под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017.

177. Романовский Н. В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 13-22.

178. Россия и Китай: Молодежь XXI века [монография] / Отв. ред.: М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З. Т. Голенкова, П. М. Козырева. М., 2014. 424 с.

179. Рубина Л. Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63-75.
180. Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 90–98.
181. С чем связаны творческие способности человека? LonelyBoy. Режим доступа: <https://omkling.com/tvorcheskie-sposobnosti-cheloveka/> (дата обращения 22.10.2018)
182. Словарь-справочник по социальной психологии / В. Крысько. СПб.: Питер, 2003. 416 с.
183. Смирнов Э. А. Теория организации. М.: Инфра-М, 2003. 248 с.
184. Соболева И. Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. 2009. № 9. Режим доступа: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n9_2009.html#an4 (Дата обращения 02.09.2016)
185. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
186. Сорокина Т. Ю, Латов Ю. В. Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Вопросы регулирования экономики. 2018. Т. 9. № 1. С. 6-22.
187. Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования / под ред. Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 205 с.
188. Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. 696 с.
189. Социология молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. 430 с.
190. Стегний В. Н. Осознание личностью своего социального будущего: монография. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2013. 152 с.
191. Стегний В. Н. Осознание студентами социального прошлого // Власть. 2017. № 6 (т. 25). С. 18-23.

192. Стивенсон Т., Розов Н. Тревожный океан будущего. Беседа о глобальных проблемах и перспективах человечества. Режим доступа: <https://nsu.ru/filf/rozov/publ/tob.htm>

193. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>

194. Стратегия развития молодежи Российской Федерации до 2025 года. Режим доступа: http://noyamolod.ru/index.php?catid=155:2013-12-10-03-09-24&id=2041:2013-12-10-03-13-21&Itemid=58&option=com_content&view=article (дата обращения 18.01.2015)

195. Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2030 года «Человек – центр инвестиций». Одобрена Постановлением Правительства Калужской области от 29 июня 2009 г. № 250 // Информационно-справочная система «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/972215857>

196. Структура населения Башкортостана по полу и возрасту в 2017 году// Рахим итегез! Уфа и Башкортостан в цифрах. Режим доступа: <http://rahimitegez.ru/population-of-bashkortostan-republic/>

197. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л. Н. Банникова [и др.]; Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.

198. Студенты России о социальном неравенстве и социальной справедливости / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. М.: РОС, Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 253 с.

199. Трынов Д. В. Методологические аспекты исследования образа будущего в контексте становления гражданской культуры // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса (Уфа, 23–25 октября 2012 г.). М., 2012. С. 134–139.

200. Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск: ЧГАКИ, 2009. 312 с.

201. Федотова В. А. Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 1. С. 78-86.
202. Ферлонг Э. Введение: молодежь в меняющемся мире. Режим доступа: <http://library.ua/m/articles/view/>
203. Хасбулатова О. А., Егорова Л. С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 51. Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/hasbulatova_socsamwoman/ (дата обращения 19.03.2015)
204. Черкасов П. С. Регион как социально-экономическая система // Проблемы современной экономики. 2013. № 2 (46). С. 212-214. Режим доступа: [cyberleninka.ru>Грнти>n/region-kak-sotsialno...](http://cyberleninka.ru/Grnti/n/region-kak-sotsialno...) (дата обращения 14.10.2018)
205. Чупров В. И. Молодежь // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чернов. М.: Academia, 2008. 608 с.
206. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи. М.: Норма, 2013. 336 с.
207. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: Монография. М.: Норма. 2016. 352 с.
208. Шапинская Е. Эскапизм в киберпространстве: безграничные возможности и новые опасности. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskiiy-zhurnal/kul2-2013/21642-eskapizm-v-kiberprostranstve-bezgranic-hnye-vozmozhnosti-i-novye-opasnosti.html>
209. Шило И. Н. Инновационная среда как объект социологического анализа // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. Выпуск 6. С.114-119. Режим доступа: <https://vestnik.utmn.ru/> (дата обращения 14.10.2018)
210. Шувалова О. Р. Заинтересованные группы в сфере науки и инноваций: «новые» стейкхолдеры или «старые» технократы? // Социология науки и технологий. Т. 3. № 3. С.73-96.
211. Шумпетер Й. Теория экономического развития. пер. В. С. Автономова. М.: ДиректмедиаПублишинг, 2008. 401 с.

212. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
213. Щербакова Е. Россия: предварительные демографические итоги 2016 года (часть I) // Демоскоп. 2017. № С. 715-716. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0715/barom01.php>
214. Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Ребров А. В. Человеческие ресурсы российских бизнес-организаций: проблемы формирования и управления. М.: Инфра-М, 2014. 102 с.
215. Ядов В. А. «Господа. Думайте о социальных следствиях проводимых реформ!» // Социологические исследования. 2001. № 5.
216. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.
217. Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 310-319.
218. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. 2003. 600 с. Режим доступа: <https://nashol.com/2012061365585/strategiya-sociologicheskogo-issledovaniya-yadov-v-a-2003.html>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Перечень предприятий, принявших участие в исследовании

№ п.п.	Предприятия
1	ПАО «Уралкалий»
2	ОАО «Уральский завод гражданской авиации»
3	ООО «Уральские локомотивы»
4	ОАО «РЖД»
5	АО «Научно-производственное объединение автоматики им. академика Н. А. Семихатова»
6	ПАО «Синарский Трубный Завод»
7	ООО «Лукойл-Пермь»
8	ООО «Уфимский научно-технический центр»
9	ООО «Управляющая Компания «ТАУ НефтеХим»
10	ОАО «Волгограднефтемаш»
11	АО «Федеральный научно-производственный центр «Титан-Баррикады»
12	ООО «Меркатор Калуга»
13	ПАО «РусГидро-Волжская ГЭС»
14	ООО «Научно-производственная фирма «Пакер»
15	ОАО «Калужский турбинный завод»
16	АО «Каустик»
17	ОАО «Синтез-Каучук»
18	ООО «Volkswagen Group Rus»
19	ООО «Аватри»
20	АО «Информационные спутниковые системы имени академика М.Ф. Решетнёва»
21	ОАО «Красный Октябрь» - Волгоградский металлургический завод»
22	АО «Тайфун»
23	ООО «Группа компаний «Технопарк-автоматизация»
24	ОАО «КЗХ «Бирюса»
25	ПАО «Метафракс»
26	ПАО "Кадви"
27	ООО «Нефтезаводмонтаж»
28	ООО «Кип-электромонтаж»
29	ООО «ВИЗ-сталь»
30	ООО «Научно-производственное объединение «Уфанефтегазмаш»

Анкета работающей молодежи

Уважаемый работник!

Мы предлагаем Вам принять участие в исследовании, посвященном жизненным планам работающей молодежи. Для этого Вам необходимо будет ответить на вопросы, представленные ниже. Выберите наиболее подходящий вариант(ы) ответа и обведите его номер. Данный опрос является анонимным, результаты опроса будут использоваться только после статистической обработки.

Выберите из списка отрасль, в которой Вы работаете

01. Машиностроение
02. Фармацевтическое производство
03. Нефтехимия
04. Ракетостроение
05. Авиастроение
06. Металлургическое производство
07. Информационные технологии
08. Спутники, связь
09. Транспорт
10. Другое _____

Укажите название предприятия, на котором Вы работаете

Выберите из списка Вашу должность

01. Руководитель
02. Специалист
03. Служащий (технический исполнитель)
04. Квалифицированный рабочий

Укажите Ваше образование

01. Высшее, специалист
02. Высшее, бакалавр
03. Высшее, магистр
04. Среднее профессиональное образование, квалифицированный рабочий
05. Среднее профессиональное образование, специалист среднего звена

Укажите Ваш возраст

01. До 20 лет
02. От 21 до 25 лет
03. От 26 до 30 лет

Укажите Ваш пол

01. Мужской
02. Женский

Укажите Ваш стаж работы

01. Менее 3 лет
02. От 3 до 5 лет
03. Более 5 лет

Ответьте на несколько вопросов о вашем социальном самочувствии и настроении**Довольны ли Вы своей жизнью в целом?**

01. Да
02. Скорее да
03. Скорее нет
04. Нет
05. Затрудняюсь ответить.

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?

01. Да
02. Скорее да

03. Скорее нет
04. Нет
05. Затрудняюсь ответить.

На чью помощь Вы можете рассчитывать, когда возникают трудности и неудачи в жизни?

Необходимо выбрать не более 3 вариантов ответа

01. Родных, близких
02. Друзей
03. Коллег
04. Знакомых и соседей
05. Администрации предприятия, на котором работаете
06. Органов государственной власти
07. Органов муниципальной власти
08. Общественных и благотворительных организаций

Оцените, насколько дела в стране идут в правильном или неправильном направлении в перечисленных ниже сферах *

1 - в совершенно неправильном направлении, 5 - в совершенно правильном направлении

Отметьте ответ в каждом ряду.

В экономике	1	2	3	4	5
В политике	1	2	3	4	5
В социальной сфере	1	2	3	4	5
В культурной жизни общества	1	2	3	4	5

Оцените, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены следующими аспектами Вашей жизни:

1 – совершенно не удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен

Отметьте ответ в каждом ряду.

Своим материальным положением	1	2	3	4	5
Состоянием здоровья	1	2	3	4	5
Своей работой	1	2	3	4	5
Своим образованием	1	2	3	4	5
Отношениями с близкими и друзьями	1	2	3	4	5
Отношениями с коллегами	1	2	3	4	5
Экологической ситуацией	1	2	3	4	5

Оцените, насколько широки или ограничены Ваши возможности в следующем:

1 – очень ограничены, 5 – очень широки

Отметьте ответ в каждом ряду.

Обеспечить себе правовую защиту в случае необходимости	1	2	3	4	5
Организовать свой бизнес, заниматься предпринимательством	1	2	3	4	5
Получить качественное образование или повысить свой образовательный уровень	1	2	3	4	5
Поддерживать здоровье на необходимом уровне, вести здоровый образ жизни	1	2	3	4	5
Получать достоверную и объективную информацию о событиях и фактах общественной жизни	1	2	3	4	5
Реализовывать свой профессиональный потенциал	1	2	3	4	5
Внедрять или использовать новшества	1	2	3	4	5

Ответьте на несколько вопросов, касающихся ваших ожиданий и идеалов

Существует множество точек зрения на идеал общественного развития, какие из них разделяете лично Вы?

Необходимо выбрать не более 3 вариантов ответа

01. Общество эффективной рыночной экономики
02. Общество равенства и справедливости
03. Общество с сильной государственной властью
04. Общество с высоким уровнем жизни
05. Общество, где высоко ценят традиции предков
06. Толерантное общество, терпимое к меньшинствам

07. Общество, ориентированное на развитие высоких технологий
08. Гуманистическое общество
09. Общество, с которым считаются другие страны

Укажите, в каких из представленных ниже сфер деятельности Вы больше всего хотели бы реализовать свой потенциал:

Необходимо выбрать не более 2 сфер

01. В бизнесе, сфере предпринимательства
02. В науке, научно-производственной сфере
03. В образовании, культуре
04. В управлении, административной сфере
05. В сфере производства
06. В общественно-политической сфере

Выберите из списка ниже показатели успеха, которые являются наиболее значимыми лично для Вас.

Необходимо выбрать не более 3 показателей

01. Высокие профессиональные достижения
02. Хорошая семья, успешные дети
03. Высокий экономический статус, уровень дохода
04. Собственное жилье
05. Свое дело, независимость от работодателя
06. Карьера, достижение высоких должностных позиций
07. Возможность заниматься творчеством, воплощать свои идеи

Выберите в приведенном ниже списке качества и обстоятельства, которые помогают человеку достичь успеха в жизни.

Необходимо выбрать не более 3 качеств / обстоятельств

01. Качественное образование
02. Работоспособность, трудолюбие
03. Стартовый капитал, деньги
04. Связи, поддержка влиятельных родственников и друзей
05. Амбиции, целеустремленность
06. Способность не обращать внимание на общественные устои, мораль и нравственность
07. Готовность рисковать
08. Врожденные способности, таланты
09. Высокий уровень профессионализма (профессиональной подготовки)
10. Креативность, нестандартность мышления

Как вы считаете, изменится ли ситуация в нашем обществе в ближайшие 3 года?

01. Нет, ничего не изменится
02. Да, изменится в лучшую сторону
03. Да, изменится в худшую сторону

Оцените вероятность наступления следующих событий в нашей стране в ближайшие 5 лет

1 – наступление события крайне маловероятно; 5 – вероятность наступления события очень высока

Отметьте ответ в каждом ряду.

Увеличение информационной открытости, прозрачности в обществе	1	2	3	4	5
Экологические аварии, способствующие ухудшению состояния окружающей среды	1	2	3	4	5
Переход от сырьевой экономики к развитию наукоемких отраслей и инноваций	1	2	3	4	5
Принятие законопроектов и государственных программ, способствующих развитию деловой активности, предпринимательской и других инициатив	1	2	3	4	5
Увеличение внешнеполитической напряженности, конфликтов с другими странами	1	2	3	4	5
Политические беспорядки, протесты, увеличение напряженности внутри страны	1	2	3	4	5
Принятие законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации, формализма	1	2	3	4	5
Укрепление государственной власти, властной вертикали	1	2	3	4	5

Рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня	1	2	3	4	5
Успешные экономические и социальные реформы	1	2	3	4	5
Оцените в баллах вероятность наступления следующих событий в Вашей жизни в ближайшие 5 лет					
1 – наступление события крайне маловероятно; 5 – вероятность наступления события очень высока					
<i>Отметьте ответ в каждом ряду.</i>					
Невозможность платить/брать кредиты	1	2	3	4	5
Ухудшение материального положения вследствие перехода на менее оплачиваемую работу, неполный рабочий день и прочее	1	2	3	4	5
Развод, расставание с близким человеком	1	2	3	4	5
Утрата собственности вследствие противоправных действий (квартиры, машины и др.)	1	2	3	4	5
Неправомерное преследование со стороны органов власти или силовых структур (чиновников, полиции, налоговой, судебных приставов и др.)	1	2	3	4	5
Увольнение, потеря работы	1	2	3	4	5
Проблемы со здоровьем, необходимость лечения	1	2	3	4	5

Ответьте на несколько вопросов о ваших жизненных планах

На какой период времени Вы предпочитаете строить планы на жизнь?

01. У меня вся жизнь уже спланирована
02. Строю планы на отдаленное будущее (до 10 лет)
03. Строю планы на ближайшее будущее (до 5 лет)
04. Планирую только на ближайший год
05. Живу одним днем, не строю планов
06. Затрудняюсь ответить

Как Вы считаете, что в наше время больше всего мешает молодежи планировать свое будущее?

Отметьте только одну самую важную причину

01. Значительная неопределенность, изменчивость ситуации
02. Негативный сценарий будущего
03. Отсутствие опыта и навыков планирования
04. Ничего не мешает, молодежь строит долгосрочные планы
05. Затрудняюсь ответить

Планируете ли Вы в ближайшие 5 лет что-либо из приведенного ниже списка?

Выберите столько вариантов ответа, сколько считаете необходимым

01. Сменить место работы
02. Сменить сферу занятости, профессии
03. Получить высшее образование в российском университете
04. Получить дополнительное образование
05. Сменить место жительства
06. Переезд за границу на постоянное место жительства
07. Учебу в зарубежном университете
08. Открытие своего дела
09. Создание семьи, рождение ребенка
10. Покупку собственного жилья/ улучшение жилищных условий
11. Заняться политической деятельностью, вступить в политическую партию
12. Вступить в общественную организацию, движение/ заняться волонтерской деятельностью
13. Другое:

В завершение ответьте на несколько вопросов, касающихся Вашего отношения к инновациям

Как часто Вы читаете о научных открытиях, изобретениях в самых разных областях?

01. Каждый день
02. 1-2 раза в неделю
03. 1-2 раза в месяц

- 04. Реже одного раза в месяц
- 05. Никогда

Выберите из списка утверждение, с которым Вы согласны в наибольшей степени

- 01. Научные исследования, даже если они не приносят сиюминутной пользы, должны иметь финансовую поддержку со стороны государства
- 02. Нужно поддерживать те исследования, которые несут конкретную практическую пользу
- 03. Не стоит тратить деньги на исследования и науку, у государства есть более важные задачи
- 04. Затрудняюсь ответить

Отметьте из перечисленных видов деятельности те, которыми Вы занимались в последние 3 года

Выберите столько вариантов ответа, сколько считаете необходимым

- 01. Предлагал свой проект (идею) руководству по решению производственной задачи
- 02. Разрабатывал бизнес-план и предлагал его к рассмотрению в банке
- 03. Повышал свой уровень образования в рамках образовательной организации
- 04. Занимался самообразованием по своей или смежной профессии (читал литературу, смотрел вебинары и т. п.)
- 05. Выступал с докладами на конференциях или семинарах
- 06. Проходил курсы повышения квалификации, тренинги и др. по заданию предприятия/ организации
- 07. Создавал программные продукты
- 08. Регистрировал свои патенты на изобретения
- 09. Участвовал в профессиональных конкурсах, конкурсах на получение грантов, стипендий
- 10. Осваивал новую технологию, новое оборудование, новые методы работы
- 11. Участвовал в разработке творческого проекта, связанного со своей профессиональной или служебной деятельностью
- 12. Принимал/ участвовал в принятии решения о внедрении новшества (новой технологии, идеи, способа) в производственный процесс
- 13. Создавал или усовершенствовал устройства, технические средства для личного потребления (для вас, вашей семьи, друзей)
- 14. НИЧЕМ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО

Из перечисленных ниже утверждений выберите то, которое в наибольшей степени соответствует роли инноваций в Вашей текущей профессиональной деятельности
Отметьте только один ответ.

- 01. Моя работа подразумевает постоянный креатив/ тесное взаимодействие с инновациями (их разработку и внедрение)
- 02. Моя работа предполагает частое внедрение/ использование инноваций (высоких технологий)
- 03. На моей работе (предприятии) редко внедряются/ используются новые технологии
- 04. Моя работа сама по себе не предполагает использование новых технологий
- 05. На нашем предприятии инновации не внедряются

Представьте, что от Вас зависит принятие решения о внедрении новации на предприятии, где Вы работаете. Какие причины могут побудить Вас принять положительное решение (способствовать ее внедрению)? *

Выберите не более 3 причин из списка, которые Вы считаете наиболее важными

- 01. Явная и быстрая экономическая выгода от внедрения
- 02. Прямое распоряжение руководителя о необходимости внедрения
- 03. Данные научной экспертизы, что новация имеет существенные преимущества (лучшие технические характеристики)
- 04. Освоение этого новшества конкурентами
- 05. Новация даст Вам (предприятию) конкурентные преимущества в будущем (через 2-3 года)
- 06. В результате внедрения Вы получите премию (денежное вознаграждение)
- 07. Ваше предприятие будет оштрафовано, если не внедрит новацию
- 08. Новация повысит безопасность производства
- 09. Новация улучшит экологическую ситуацию в регионе
- 10. После внедрения новации конечная продукция предприятия будет соответствовать более высоким стандартам качества

Есть ли у Вас на сегодняшний момент какая-либо творческая идея, замысел, проект, который Вы хотели бы реализовать, воплотить?

- 01. Да
- 02. Нет

В какой сфере (сферах) эта творческая идея, замысел или проект мог бы быть реализован?

Отвечайте на данный вопрос только в том случае, если в предыдущем вопросе Вы ответили «да». *Отметьте все подходящие варианты.*

- 01. Промышленное производство, инженерия
- 02. Сфера услуг, торговли
- 03. Образование, воспитание
- 04. Медицина, здравоохранение
- 05. Бизнес
- 06. Управление
- 07. Безопасность, охрана правопорядка
- 08. Информационные технологии
- 09. Космические технологии
- 10. Связь
- 11. Химия, биотехнологии
- 12. Другое _____

Что, на Ваш взгляд, мешает молодежи выдвигать и реализовывать новые идеи?

Отметьте не более 3 вариантов ответа

- 01. Отсутствие /недостаток государственных программ по поддержке молодежных инициатив
- 02. Законы, нормативные акты, подавляющие инициативу молодежи
- 03. Экономический кризис
- 04. Незаинтересованность бизнеса и производства в инновациях, погоня за сиюминутной прибылью
- 05. Отсутствие системы стимулирования на предприятиях за разработку и внедрение инноваций
- 06. Низкий уровень профессиональной и управленческой подготовки тех, кто принимает решения о внедрении инноваций
- 07. Нежелание, страх или равнодушие самой молодежи
- 08. Отсутствие стратегического мышления у руководства
- 09. НИЧЕГО НЕ МЕШАЕТ
- 10. Другое:

БЛАГОДАРИМ ЗА ВАШИ ОТВЕТЫ!!!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. МОЛОДЕЖЬ КАК РЕСУРС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	12
1.1. Социологический анализ молодежи: отечественный и зарубежный опыт	12
1.2. Ресурсный подход в социологии молодежи	31
1.3. Социальное самочувствие работающей молодежи индустриальных регионов	42
2. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ	72
2.1. Инновационный потенциал: социологический аспект изучения	72
2.2. Индустриальный регион как пространство инновационного развития	84
2.3. Анализ возможностей развития инновационного потенциала работающей молодежи в индустриальных регионах России	101
2.4. Модели инновационного потенциала работающей молодежи: эмпирический анализ	118
3. ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ	133
3.1. Образ социального будущего в контексте социального самочувствия: социологическое измерение	133
3.2. Влияние образа будущего на инновационный потенциал молодежи	145
3.3. Работающая молодежь индустриального региона: ценности, ожидания, идеалы	156
3.4. Жизненные стратегии работающей молодежи: адаптация и инновация	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	188
ПРИЛОЖЕНИЯ	208

Научное издание

**МОЛОДЕЖЬ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ
РЕГИОНОВ РОССИИ:
ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО И
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**

Монография

Под общей редакцией Я. В. Дидковской, Д. В. Трынова

Дидковская Яна Викторовна
Банникова Людмила Николаевна
Боронина Людмила Николаевна
Вишневский Юрий Рудольфович
Ольховиков Константин Михайлович
Трынов Дмитрий Валерьевич

Ответственный за выпуск С. В. Кульпин
Редактор Е. В. Кеммет
Компьютерная верстка Е. В. Кеммет

Подписано в печать 26.11.2018. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 12,5. Уч. изд. 10,2 л.
Гарнитура Times.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 363.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

В монографии представлена авторская концепция исследования образа социального будущего молодежи в контексте развития ее инновационного потенциала. На основе данных количественного опроса молодежи, занятой на предприятиях Волгоградской, Калужской и Свердловской областей, Республики Башкирия, Красноярского и Пермского Края изучено социальное самочувствие работающей молодежи, ее социальные ожидания, идеалы, жизненные стратегии и планы, анализируется влияние образа будущего молодежи на ее инновационную активность.

